

ISSN 0207-4486

TARTU RIIKLIK ÜLIKOOL

LINGUISTICA

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 619 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

KÕRVÜTAVA JA RAKENDUSLINGVISTIKA
KÜSIMUSI

ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

LINGUISTICA



TARTU 1982

Toimetuskolleegium:

Paul Ariste, Helgi Liin, Oleg Mutt, Rita Tasa,
Juhan Tuldava (vastutav toimetaja)

Редакционная коллегия:

Пауль Аристе, Хельги Лийн, Олег Мутт, Рита Таза,
Юхан Тулдава (ответственный редактор)

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 619.

ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.

Лингвистика.

На разных языках.

Также на разных языках.

Тартуский государственный университет.

СССР, 202400, г.Тарту, ул.Ванкобли, 18.

Ответственный редактор Ю. Тулдава.

Получено в печати 10.10.1982.

ИВ 09284.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машиннопись. Ротапринт.

Учено-издательских листов 10,12.

Печатных листов 10,50.

Тираж 450.

Заказ № 1033.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Пахсона, 14.

6 - 2

THE ESTONIAN WORD üks AS AN EQUIVALENT OF
THE ENGLISH INDEFINITE ARTICLE

Ants Aaver

When considering the use of the English indefinite article, it is necessary to distinguish between specific and non-specific (or generic) reference. For research and study purposes it is sometimes assumed that there are even two different kinds of indefinite determiners, which may be called specific and non-specific indefinite articles (Baker, 1973, 7). When we are thinking of some particular specimens of a class, the reference is specific. When, on the other hand, we are thinking of a class without special reference to particular specimens, the reference is generic or non-specific. Generic reference is used to denote what is normal or typical for members of a class (Quirk, Greenbaum, 1973, 68). Or as J.A. Hawkins (1978, 204) has put it: "When the indefinite description has the highest scope the reading is specific. When it occurs under the scope of at least one operator or quantifier, the reading is non-specific... In the specific, higher-scope reading, the speaker has a particular object in mind... In the non-specific, lower-scope, reading the speaker does not have any particular object in mind".

We have shown that although the Estonian language lacks the category of the article, there are possibilities of rendering the English indefinite article by means of a certain word order combined with sentence stress, the partial object, the partial subject, the indefinite pronouns, the word üks, some other means or a combination of the above-mentioned means (Aaver, 1981, 11). The present paper attempts to deal with one of those possibilities, the word üks (one) with respect to specific and non-specific reference. Although the word üks occurs rather rarely as an equivalent of the article a/an (according to our results in 4.4% of translated cases), it is still one of the most complicated and interesting means of rendering the indefinite article. The problem is also worth examining due to the fact that many Estonian stu-

dents have no feeling for the proper use of one, üks, and a/an (Hone, 1973, 78-79).

When discussing the problem, it is necessary to point out that historically the English indefinite article derives from the cardinal number one and sometimes has preserved its old force of the numeral:

- 1A Jem said it looked like they could save the collection money for a year and get some hymnbooks.
- 1B Jem arvas, et nad võiksid ühe aasta korjanduste eest mõned lauluraamatud osta.
- 2A Mr. Avery averaged a stick of stovewood per week.
- 2B Mr. Avery kulutas keskeltläbi ühe puuhalu nädalas.²²

It seems that in such cases it is the numeral üks that is always used as an equivalent in translation. But such cases do not occur very frequently. Out of a sample of 1000 sentences with the indefinite article we found only 8 of this kind. More often we have to do with examples of the following type:

- 3A I climbed a rock.
- 3B Ma ronisin ühe kalju otsa.
- 4A A painted face spoke with the voice of Robert.
- 4B Üks võõbatud nägu vastas Roberti häälega.

As a matter of course, the numerical function is still there, we still have to do with the idea of oneness, but it is not dominant. In both the English and the Estonian sentences the most important idea is that of indefiniteness. So we can conclude that in sentences 3B and 4B the word üks is not a numeral but an adjectival indefinite pronoun. It might be added that when üks is a numeral, it is stressed and when it functions as an indefinite pronoun, it is not, as is the case in 3B and 4B.

Turning back to specific and generic reference, it seems that there exists a certain correlation between this and the above-described phenomena. When we have to do with specific

²² All the numbered examples have been excerpted from the novels To Kill a Mockingbird by Harper Lee (translated by V. Raud): Tappa laulurästast, and Lord of the Flies by William Golding (translated by H. Rajandi): Karbeste Jumal.

reference, the numerical function of the article does not prevail and, consequently, üks is used as an indefinite pronoun in translations:

5A In answer to the clerk's booming voice,
a little bantam cock of a man rose and
strutted to the stand.

5B Vastuseks sekretäri kõmisevale häälele
tõusis üks käabuskuuke-taoline mehike ja
sammus pidulikult tunnistajapulti.

Examples 3 and 4 also illustrate the same phenomenon. However, there were contradictory examples as well:

6A She gave a dime to me and a dime to Jen.

6B Ta andis minule ühe ja Jemile teise kimne-
sendise.

7A Piggy bumped into him and a twin grabbed him.

7B Põssa tormas Ralphile otsa ja üks kaksikuist
haaras temast kinni.

In these cases the numerical function of the article is evidently dominant, in the Estonian sentences üks is stressed and used as a numeral. We believe that the reason for this must be the presence of choice. In both cases we have two indefinite referents out of which one is chosen. Although we have not found such examples, we may add that there need not be only two indefinite referents but also a set of them. J. A. Hawkins (1978, 174) has studied a related phenomenon and given the following example:

Some students were standing outside the factory gate.

Bill kept his eye on them. After a little while

a student came up to him and asked him his name.

Hawkins claims that a student in his example does not have to refer back to one of the group designated by some students. It may refer back to one of them, but equally it may not. If we translate the sentence into Estonian, using the word üks, back reference would depend on the stress:

Natukese aja pärast tuli üks üliõpilane tema juurde
ja küsis talt nime.

If we stress the word üks, it refers back to one of the group (i.e. one of the group is selected as was the case with our examples above), and üks is a numeral. If we do not stress it, there is no back reference and üks is an indefi-

nite pronoun. In both cases reference is specific.

In case of non-specific reference üks may function both numerically (examples 1 and 2) and pronominally:

8A Sharpen a stick at both ends.

8B Vooli üks teivas mõlemast otsast teravaks.

It might be added that in the majority of non-specific cases üks was used as a numeral, but as the number of such examples in our sample was too small, we have not drawn any conclusions.

What may be brought out as a conclusion is that in case of specific reference the Estonian word üks as an equivalent of the English indefinite article is used as an adjectival indefinite pronoun and consequently is not stressed. This holds good for cases where no choice (or back reference) is present. If it is, üks seems to function as a numeral.

R e f e r e n c e s

- Aaver, A. On Rendering the English Indefinite Article in Estonian. - In: Methodica X. Tartu, 1981.
- Baker, C.L. Definiteness and Indefiniteness in English. - University of Texas at Austin. Reproduced by the Indiana University Linguistics Club. Austin, 1973.
- Hawkins, J.A. Definiteness and Indefiniteness. - London: Croom Helm, 1978.
- Hone, L. Some Typical Mistakes Occurring in Our Students' Written Papers I. Second Edition. Tartu, 1973.
- Quirk, R., Greenbaum, S. A Concise Grammar of Contemporary English. N.Y., 1973.

ЭСТОНСКОЕ СЛОВО üks КАК ОДИН ИЗ ЭКВИВАЛЕНТОВ
АНГЛИЙСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ

Антс Аавер

Р е з ю м е

В статье рассматривается один из способов выражения английского неопределенного артикля a/an в эстонском языке — с помощью слова üks. Неопределенный артикль употребляется в специфической или неспецифической функции. Эстонское слово üks употребляется либо как имя числительное (один), либо как неопределенное местоимение (один, какой-то). Если артикль a/an имеет специфическую функцию, то соответствие üks обычно функционирует как местоимение; как имя числительное оно может функционировать только в случае выбора.

EIN SPRACHLICH-SOZIOLOGISCHES VORHABEN

Paul Ariste

Ado Grenzstein wurde am 5. Febr. 1849 in Tarvastu im Süd-estland geboren und starb am 20. April 1916 in Menton in Frankreich. Er hatte das Lehrerseminar in Valka im Jahre 1874 absolviert und arbeitete nachher als Lehrer in Audru und Tartu. Um seine pädagogischen Kenntnisse zu vervollständigen, trat er ins Pädagogium in Wien ein, wo er 1878-1880 studierte. Als Pädagoge hat er estnische Lesebücher, deutsche Lehrbücher für Esten usw. veröffentlicht. Als Grenzstein aus Wien nach Estland zurückkam, wurde er jedoch kein Mittelschullehrer, sondern ein aktiver Zeitungsschriftsteller. Im Jahre 1881 gründete er in Tartu die Zeitung "Olevik", die einige Jahre die wichtigste estnische Zeitung war. Als Journalist hatte er trotz alledem das Interesse für den Sprachunterricht und die Sprachpflege nicht eingebüßt. Im Jahre 1884 erschien z. B. sein sehr wichtiges Wörterbuch der estnischen Sprache "Eesti Sõnaraamat", wo er 1600 neue Wörter für die estnische Literatursprache vorschlug, von denen die meisten später allgemein wurden. Außerdem hat er einige Aufsätze über die Sprachrichtigkeit und ein Buch über den Stil des Estnischen "Kauni keele kaitsemiseks" (1899) verfaßt. In den ersten Jahren der journalistischen Tätigkeit hatte Grenzstein progressive Weltanschauungen. In seiner Zeitung und in politischen Schriften trat er gegen die politische und wirtschaftliche Gewalt des baltischen Adels auf. Gleichzeitig kämpfte er für ein besseres kulturelles Leben des estnischen Volkes. Später wurde Grenzstein aber gerade entgegengesetzt zaristisch-konservativ und propagierte die Russifizierung der Esten und anderer Völker in den Ostseeländern. Die neuen reaktionären Anschauungen fanden keinen Anklang bei den Volksmassen. Grenzstein sagte sich los von der journalistischen Tätigkeit im Jahre 1901 und begab sich nach Ausland, wo er bis zu seinem Tode blieb.

Als Grenzstein noch in der nationalen Bewegung der Esten tätig war, entschloß er ein Buch "Die nationale Bewegung"

herauszugeben. In diesem Buche sollte eine besondere Aufmerksamkeit den kleinen Völkern geschenkt werden, die es schwer hatten, ihre nationalen Bestrebungen mit den Forderungen der damaligen Kulturentwicklung in Einklang zu bringen. Um entsprechende Angaben zu bekommen, hat Grenzstein im Jahre 1894 eine vierseitige Broschüre, die "Prospekt" hieß, herausgegeben. Der Prospekt wurde verschiedenen Gelehrten zugeschickt. Als Anschrift für eventuelle Antworten wurde die Redaktion von "Olevik" angegeben. Die Fragen des Prospekts betrafen die geographische Lage, die Geschichte und den sozialen Zustand der kleinen Völker, besonders aber ihre Kultur, die Entwicklung ihrer Sprache und Literatur. Was die Sprachenfrage betraf, so wollte Grenzstein nähere Angaben darüber bekommen, welche Sprache das einfache Volk und die Gebildeten benutzten, ob es Zweisprachigkeit oder Sprachenwechsel der Völker gebe und ob eine Sprache eventuell aussterben würde. Das Werk von Grenzstein sollte eigentlich ein Sammelband sein, in dem die "Kenner und Freunde" der entsprechenden Völker ihre Mitarbeiten unter der Leitung des Herausgebers publizieren sollten. Der Sammelband ist nicht zustande gekommen, obwohl der Prospekt einigen Nachhall hatte.

Im Literaturmuseum der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR in Tartu wird das umfangreiche Archiv von Grenzstein aufbewahrt (Fond 38). Die 12. Mappe des Bestandes enthält einige Dutzend Antworten, die Grenzstein bekommen hat. Im allgemeinen heißen die Korrespondenten sein Vorhaben gut, aber sie sind nicht alle einverstanden, seine Mitarbeiter zu werden. Von den weltberühmten Forschern hat ihm z. B. J. Baudouin de Courtenay mitgeteilt, daß er selbst keine Zeit habe, einen Aufsatz zu schreiben. Er gibt aber einige Adressen der Personen, an die Grenzstein sich wenden könnte, unter anderen die Adressen des ukrainischen Schriftstellers Iwan Franko und der polnischen Schriftstellerin Eliza Orzeszko. Von den kleineren slawischen Völkern hat der sorbische Schriftsteller, Journalist und Sprachforscher Arnošt Muka (Ernst Mucke, 1854-1932) am 27. Jan. 1895 Grenzstein geschrieben, daß er gern bereit sei, den gewünschten Artikel über die Lausitzer Sorben zu schreiben (M. 12: 303).

Von den finnisch-ugrischen Forschern gibt es einen Brief von Kaarle Krohn vom 18/30 Dez. 1894 (M. 12: 292), wo er wegen der verschiedenartigsten Beschäftigungen das Mitwirken absagen mußte. Hier müssen noch Karl Bernhard Wiklund und Nikolai Anderson erwähnt werden. Vom Uppsala-Professor, Lap-pologen Wiklund gibt es zwei Briefe. Im Briefe vom 18.2. 95 (M. 12: 314-315) schreibt er folgendes über die Lappen (die Sprache der Briefe ist unverändert): "Von der nationalen Bewegung bei den Lappen kann man nichts sagen oder schreiben, da es aus natürlichen Gründen unter ihnen eine solche nicht gegeben hat. Sie sind wohl kein "wildes" Volk, sondern stehen im allgemeinen auf derselben Civilisationstufe wie die schwedischen und finnischen Bauern in den entlegensten Teilen Lapp-land's, aber zu einer nationalen Bewegung haben sie es nicht gebracht. Sie leben eben so zerstreut, dass es von irgend einer grösseren Versammlung derselben niemals die Rede sein kann, und einen literären Mittelpunkt haben sie auch nicht, da sie ja fast keine Literatur in ihrer eigenen Sprache haben." Den zweiten Brief vom 19. Febr. 1896 (M. 12: 328-329) hat Wiklund Grenzstein zugesandt, um unter anderem Angaben über estnische Tiernamen zu bekommen: "Ich bin mit grossem Interesse der riesenhaften Entwicklung der estnischen Folk-lore-sammlungen gefolgt. Erlauben Sie, mir nun eine Frage! Hat man in Estland je die Namen der Haustiere (Pferde, Kühe, Hunde etc.) gesammelt? Es gibt gewiss auch dort eine Unmasse von solchen, die in ethnographischer Beziehung auch sie durchaus nicht wertlos sind. Aus Schweden kenne ich solche Sammlungen, die viel Interessantes bieten. In Estland, wo sich das Volk selbst an dem Sammeln beteiligt, würde man gewiss in kleiner Zeit Tausenden (und mehr) von solchen Namen einsammeln können."

Nikolai Anderson war Professor der finnisch-ugrischen Sprachen an der Kasaner Universität 1894-1905. Seine am 2. Januar 1895 geschriebene Antwort ist ausführlicher als alle anderen und enthält für die Geschichte der Fennougristik wichtige Angaben. Deshalb wird der größte Teil des Briefes mit einigen Anmerkungen unten folgend abgedruckt.

Hochgeehrter Herr Redacteur!

Empfangen Sie meinen herzlichen Dank für das freundliche Schreiben vom 9. December vorigen Jahres und verzeihen Sie

gütigst, daß ich es erst heute beantworte. Verschiedene häusliche und amtliche Besorgungen und vielfache gesellschaftliche Verpflichtungen, wie das Weihnachtsfest sie mit sich bringt, hielten mich vom Schreiben ab.

Natürlich wäre ich gern bereit, Ihrer ehrenvollen Aufforderung nachzukommen, bin aber nicht sicher, ob ich das Verlangte werde leisten können. Wenigstens habe ich bei den Wolga-Stämmen bisher von einer "nationalen Bewegung" noch nichts verspürt. Freilich ist meine persönliche Bekanntschaft mit ihnen recht oberflächlich und umfaßt nur Čeremissen und Čuwaschen. Daß ich hier auch die letzteren anführe, wird Sie vielleicht wundern, da sie ja ihrer Sprache nach zum turko-tatarischen Volksstamme gerechnet werden müssen; allein ich glaube, daß sie ursprünglich ugrofinnischer Herkunft waren. Uebrigens wird jeder gründlichere Erforscher der Čeremissen gezwungen sein, auch die Čuwaschen in den Kreis seiner Studien zu ziehen, weil ein sehr großer Theil des čeremissischen Wortschatzes čuwaschisch ist. Ich bin daher froh, daß mir ein glücklicher Zufall drei Tage nach meiner Ankunft in Kasan eine Köchin zuführte, die sich später als halbe Čuwaschin erwies und ihre Muttersprache (oder vielmehr Vatersprache) ebenso vollkommen beherrschte wie das Russische. Dabei spricht sie das Čeremissische vorzüglich und leistet mir gute Dienste bei der Controle meines čeremissischen Lehrmeisters, eines Jünglings, der nur wenig Russisch versteht, sonst aber recht brauchbar und eifrig ist.¹ Außer diesen beiden Hausgenossen und ihrer zahlreichen Verwandtschaft, die nicht selten zum Besuch kommt, kenne ich nur wenige Individuen der "инородцы", darunter freilich auch einige gebildete, wie z. B. einen čeremissischen Priester am hiesigen Lehrer-Seminar, wo Hunderte čeremissischer, mordwinischer, wotjakischer, čuwaschischer etc. Jünglinge zu Volksschullehrern herausgebildet werden.

Immerhin ist es gerade in Kasan am ehesten möglich, alle wünschenswerthen Daten über die Wolga- und Kamavölker zu sammeln, und ich bin, wie gesagt, gern bereit dazu. Am liebsten würde ich die "čeremissen" übernehmen, da ich den nächsten Sommer unter ihnen zuzubringen gedenke, und Autopsie auch bei den von Ihnen gestellten Fragen wünschenswerth sein dürfte. Sollten Sie für die übrigen Stämme keinen geeigne-

ten Mitarbeiter finden, so könnte ich auf Grundlage der reichen ethnographischen Litteratur und mündlicher Mittheilungen von gebildeten Stammesangehörigen auch die Mordwinen, Wotjaken, Syrjänen und Permier" behandeln, doch wird das hofentlich nicht nöthig sein, da bessere Sachkenner existieren. Fast alle genannten Völker hat mein College Smirnow in umfangreichen Monographien behandelt, doch glaube ich kaum, daß er sich dazu verstehen werde, Auszüge aus seinen Werken in deutscher Sprache zu liefern. Gegenwärtig beschäftigt er sich mit den Čuwaschen. Seine Adresse lautet: Его Высокопородію Г. Профессору Ивану Николаевичу Смирнову въ Казань, малая Казанская, собственный домъ². Wenn Sie es wünschen, kann ich ihm den Prospekt zeigen und ihn eventuell zur Mitarbeit auffordern.

Von andern Sachkennern erlaube ich mir Ihnen folgende zu nennen. Für die Irtysch-Ostjaken: S. Patcanof³, Sohn des bekannten St. Petersburger Orientalisten (eines Dorpat-Philisters "Patkaneanz"⁴). Er hat einige Zeit im Auftrage des Domanenministeriums unter den Ostjaken gelebt und werthvolle Studien gemacht. Der deutschen Sprache ist er mächtig und dürfte wohl auch zur Mitarbeiterschaft geneigt sein. Seine Adresse lautet: С.К. Патканову, С. Петербургъ, Надеждинская, № 10.

Ueber die Nordostjaken dürften Sie die zuverlässigsten Daten erhalten von den Herrn Bartenjew und Rosljakow in Obdorsk. Dieselben haben sich eingehend mit der Sprache und dem Leben der Nordostjaken beschäftigt und sehr werthvolle Resultate ihrer Studien der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften übersandt. Викторъ Викторович Барменев ist Edelmann, hat 5 Jahre an der St. Petersburger Universität Philologie und Jura studiert und ist 1891 wegen irgendwelcher politischer Vergehen nach Obdorsk verbannt worden. Иван Павлович Росляковъ hat das Tobolskische Gymnasium besucht und ist darauf Nachfolger seines Vaters in einem Fischerei- und Handelsgeschäft zu Obdorsk geworden. Seit seiner Kindheit lebt er unter den Ostjaken und zwar im Sommer ausschließlich. Ob einer der Herrn der deutschen Sprache mächtig ist, kann ich leider nicht angeben, doch vermuthe ich, daß sie Ihren Prospekt wenigstens werden lesen können.

Für die Wogulen ist gegenwärtig die erste Autorität Pro-

fessor Bernhard Munkácsi in Budapest, József-körút, 42. Er hat sie auf seinen Reisen eingehend studiert und umfangreiche Sprachdenkmäler veröffentlicht. Er ist sowohl der deutschen als auch der russischen Sprache mächtig (M 12: 289-291).

Zum Schluß erwähnt Anderson in seinem Briefe als eventuelle Mitarbeiter einige ungarische (Zs. Simonyi, G. Szarvas, J. Szinnyi, I. Halász), finnische (A. Genetz, H. Paasonen, Y. Wichmann), norwegische (J.A. Friis, K. Qvigstad) und einen schwedischen (K.B. Wiklund) Forscher. Als der beste Kenner der türko-tatarischen Sprachen wird der Kasaner Kollege Николай Федорович Катанов vorgeschlagen, der wahrscheinlich für die Mitarbeiterschaft geneigt war. Wie der zitierte Brief es zeigt, hatte Nikolai Anderson ein wirkliches Interesse für das Vorhaben von Grenzstein, das aber nicht realisiert wurde. Obwohl Nikolai Anderson sich in seinem Briefe in der Chanty-Sprache nicht für kompetent hielt, war diese Sprache ihm jedoch nicht unbekannt. Schon im Jahre 1893 hatte er die umfangreiche Untersuchung "Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen" veröffentlicht.

Anmerkungen.

1. Der 14-jährige marische Jüngling Roman Iwanow stammte aus Kukmary und arbeitete als Diener in der Familie von Professor Anderson. Nikolai Andersons Sohn Walter Anderson, der spätere Professor der Volkskunde an der Tartuer Universität, hat von diesem Jüngling Märchen aufgezeichnet ("Kalamehe ja tema naise" muinasjutu tšeremissi teisend aastast 1894. - Eine tscheremissische Variante des Märchens der Fischer und seine Frau aus dem Jahre 1894. - Öpetatud Eesti Seltsi Kirjad III, Tartu 1935, S. 11).

2. Iwan Smirnow (7(19).1.1856-15(28).5.1904) war Professor an der Kasaner Universität vom Jahre 1884 an. In seinen Schriften hat er ausführlich die Ethnologie der Marier, Udmurten, Komi-Permier und Mordwiner behandelt.

3. Serafim Patkanow (1861-1918) war Wirtschaftswissenschaftler und Ethnograph. 1886-1888 untersuchte er in Westsibirien die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen der Bevölkerung. Die Chanten (Ostjaken) hat er besonders gründlich untersucht, so daß er später mehrere Arbeiten über dieses finnisch-ugrische Volk veröffentlichen konnte, wie z.B. "Die Irtysch-Ost-

jaken und ihre Volkspoesie" I-II (1897, 1900), "Irtisioszt-ják szójegyzek" (1900-1901) usw.

4. Kerope Patkanow (Patkanian) (1833-1889) war an der Tartuer Universität im Jahre 1851 als Cherubim Patkanianz immatrikuliert worden (A. H a s s e l b l a t t , G. O t t o , Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat, Dorpat 1889, 418). Von 1871 an war er ordentlicher Professor der Orientalistik an der Petersburger Universität, wo er vor allem Studenten in der armenischer Sprache und Kultur unterrichtet und über die armenische Sprache und Literatur eine Reihe Untersuchungen veröffentlicht hat.

ОБ ОДНОМ ЯЗЫКОВОМ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Пауль Аристе

Резюме

Адо Гренцштейн родился в Эстонии в 1849 году, умер во Франции в 1916 году. Это был эстонский общественный деятель, педагог и журналист. Как педагог он издавал учебники эстонского и немецкого языков, словарь эстонских неологизмов, исследование о стилях литературного языка и т.д. В Тарту Гренцштейн основал газету "Olevik", в которой он вначале боролся против политического и экономического произвола немецких помещиков в Прибалтике, позднее, однако, стал сторонником царской политики руссификации народов Прибалтики, потерял доверие народа и должен был эмигрировать. Когда Гренцштейн был еще прогрессивным журналистом, он хотел издать сборник о культурно-экономическом положении маленьких народов, главным образом, о состоянии их языков. Для составления сборника он разослал "Прспект" разным ученым и общественным деятелям. В литературном музее им. Крейцвальда в Тарту хранится архивный фонд Гренцштейна. В этом фонде имеются положительные ответы на ходатайство Гренцштейна сотрудничать в сборнике. Однако издание сборника не осуществилось. В некоторых ответах имеются важные сведения об исследовании языка и культуры отдельных народов. В статье списывается содержание писем известных финно-угроведов К.Б. Виклунда (о саами) и Н. Андерсона (о марийцах, мордве, удмуртах, хантах и манси).

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ В.ГУМБОЛЬДА

В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

Эдуард Даугатс

В лингвистической литературе зачастую высказывается мнение о том, что наряду с Ф.Боппом, Я.Гриммом, Р.Раском и А.Х.Востоковым, В.Гумбольдт был основоположником того метода изучения языков, которое ныне носит название сопоставительного или сравнительно-исторического. Это столь пространное мнение, как мы увидим ниже, не вполне соответствует историческим фактам, например, остается не совсем ясным, почему компаративистика XIX века выносит концепцию языка В.Гумбольдта за рамки своей науки. Одним из возможных объяснений считается, "что традиционная лингвистика, имея дело с описанием конкретных фактов, работает, как правило, на уровне методов и не стремится к построению глобальных лингвистических теорий. А когда на это отважился В.Гумбольдт в своих ... работах, то они вообще были вынесены за скобки лингвистики и причислены к философии языка" /Звегинцев, 1973, 9/. Представляется, однако, что дело даже не в этом, а в том, что В.Гумбольдт теоретически обосновал и развил совершенно иное направление в науке о языке, которое он назвал 'общим языковедением' (*allgemeine Sprachkunde*).

Укажем сразу же на основное различие между обоими направлениями: языкознание исследует язык как организм (механизм), имеющий самостоятельное существование в обществе, и на основании сравнения различных языков пытается восстановить ход эволюции организма - язык; языковедение исследует язык как материальное проявление духа (= сознания) человека и на основании сравнения различных языков создать величественную картину развития сознания человека.

Вот этим то и объясняется в основном пресловутый "отход от Гумбольдта", происшедший в XIX веке. Заметим кстати, что в советском языкознании ныне выражаются мысли о существовании "двух диаметрально противоположных истолкований при-

роды языка" (Будагов, 1981, 23), что, по нашему мнению, является вполне закономерным явлением.

Путь В. Гумбольдта к этой, по существу, новой науке был сложен и долог. Если учесть его работы, в которых отражается стремление познать духовную жизнь человека и его долгий поиск системы понятий, которая составила бы инструмент исследования, то нам следует признать этот период поиска весьма длительным, а именно, с 1795 года ("План сопоставительной антропологии") по 1829 год (выход в свет труда "О различиях строения человеческого языка"), когда В. Гумбольдт впервые упоминает термин 'общее языковедение' и следующими словами описывает задачи этой новой науки: "Найти различия строения человеческого языка, описать его в его существенных свойствах, систематизировать в более простом виде кажущееся бесконечное многообразие, исходя из правильно выбранных критериев, выявить источники этого различия и главным образом, выяснить его влияние на образ мышления, восприятия и духовный строй говорящих на нем людей, проследить через все перипетии истории процессы духовного развития человечества, руководствуясь языком, который теснейшим образом связан с ним и сопровождает это развитие человеческого сознания от одной ступени к следующей, вот важное и всеобъемлющее задание общего языковедения" / VI, III /.

Эти слова В. Гумбольдта поразительным образом перекликаются с высказыванием классиков марксизма-ленинизма о природе языка: "На "духе" с самого начала лежит протяженье - быть "оттягощенным" материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков - словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание и, подобное сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми" / Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Соч., 2-е изд., т. 3, с. 29 /.

Цель и задача общего языковедения - это исследовать и сопоставить развитие сознания людей различных социумов, а язык в этом случае является лишь "медиумом" для такого исследования.

Следует отметить и то, что обосновывая термин 'общее языковедение', В. Гумбольдт поясняет, что избранная им форма первого компонента в единственном числе - Sprachkunde (а не

во множественном числе, как это было принято - Sprachenkunde должна пояснить его мысль о том, что "язык является только одним, и этот один человеческий язык по-разному проявляется в бесчисленных языках мира" / VI, II2 /. Мысль эта настолько важна для него, что в своей последней большой работе "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода" (1830 - 1835) В. Гумбольдт снова возвращается к этому определению: "Это не пустая игра слов, когда мы признаем, что язык является следствием самодеятельности, произошёл сам от себя и божественно свободен, наоборот - языки не свободны, они связаны с народами, которым они принадлежат. Ибо в этом случае у языков имеются известные границы / VII, I7 /.

То обстоятельство, что в немецком языке имеется лишь одно слово 'Sprache' приводит к терминологическим трудностям. В то время как французский язык предоставляет говорящим на нем возможность разграничить 'речевую способность', присущую всем людям Земли - langage от реализации этой способности в родных языках - langues, в немецком языке эта возможность не дана. Следовательно, объектом языковедения, его отправной точкой является langage, но, в отличие от Ф. де Соссюра для которого язык - langue - выступает как "сюжета чисто лингвистических отношений", и который лишь один является "единственным и истинным объектом лингвистики, рассматриваемым в самом себе и для себя", В. Гумбольдт задачу видит совсем в ином. Для него язык - это, в первую очередь, средство, инструмент для проникновения в духовную жизнь человека и одновременно - это "продукт и орудие" / Копанев, 1978, 659 / формирования духовной жизни человека. В этом то как раз и заключается основное различие между болловским сравнительно-историческим языкознанием и Гумбольдтовским общим языковедением, исследующим при помощи языка духовный мир, "особенности нравственного характера различных групп людей", как это было сформулировано еще в 1795 году в "Плане сравнительной антропологии".

Изучая биографию, труды и переписку В. Гумбольдта, нельзя не заметить, что он, как и Дж. Вико и И. Г. Гердер до него, был поборником идеи гуманизма. В центре его интересов - человек воспитание, образование человека. В одном письме к Фр. Вольфу (27.XI.1816 г.) он писал: "Вот та область, которую я намерен исследовать: знание и изучение человеческого

характера в различных формах его проявления". В "Автобиографии" он еще раз подчеркивает "желание познать человека" главной движущей силой своих научных исследований. Уже первые, небольшие по содержанию сочинения антропологического характера "О законах развития человеческих сил" в 1791 году и "Теория образования человека" в 1793 году, называют тему гумбольдтовского исследования: знание видов человеческого поведения для лучшего образования человека, антропология с целью образования. В письме к своей невесте Каролине фон Дахерёден (1791 год) он пишет: "Представляется весьма просто принять внутреннее бытие человека за исходную точку при исследовании чего-либо, но, если строго придерживаться этой точки зрения, то становится почти непонятным, каким образом данные любой науки приобретают совершенно иной вид. Происходит это в основном из-за того, что в одном аспекте исследований, именно в главном, мы еще очень отстаем, это - в исследовании человека в себе, каков он есть и каким он должен быть" / I, 393 /.

Завершением первого этапа становления языковедения является "План сравнительной антропологии", написанный В. Гумбольдтом в 1795 году, в котором предвосхищены, по сути, основные положения его концепции языка. "План" начинается следующими словами: "Так же, в сравнительной анатомии особенности строения человеческого тела можно объяснить посредством исследования тела животных, так же и в сравнительной антропологии можно сопоставить и сравнить особенности нравственного характера различных групп людей" / Flemmer, 1964, 105/. В том же духе В. Гумбольдт писал из Парижа в апреле 1798 года (письмо к И.В. Гете) о попытке "создания совершенно новой науки", которая в полной мере отвечала бы его стремлению к познанию человека, и которая была бы "достаточно эмпирической, чтобы быть вполне точной, и достаточно философской, чтобы приобрести значение на длительное время".

Во время путешествия по Испании в 1799 году интерес В. Гумбольдта почти незаметно переключается с национального характера на национальный язык. Суть этого перехода подчеркивается следующими словами: "Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, что как скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих. Язык есть

как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно представить, что-либо более тождественное" /по: Звегинцев, 1956 : 71/. То же самое мы находим в последнем капитальном труде В.Гумбольдта /VII, 42/, и, основываясь на предыдущем высказывании, мы можем сказать, что изучая и исследуя язык как эргон, можем познать в нем и энергию, то есть, можем судить о духовной жизни, о "силе духа" народа, говорящего на этом языке.

Незадолго до своего отъезда в Рим в мае 1802 года В. Гумбольдт набросал "План систематической энциклопедии всех языков" который соответствовал его представлениям о сопоставительной антропологии. Несмотря на то, что он прекрасно понимал, что такая грандиозная работа может быть только начата, но никак не завершена одним человеком, он все-таки начинает свои исследования языков именно в таком плане. В Риме, видимо, окончательно созрели основные положения концепции языка В.Гумбольдта и в 1804 году он пишет Е.А. Вольфу: "В основном, все чем я занимаюсь — это исследование языка. Я полагаю, что открыл искусство использовать язык как медиум. (Vehikel), чтобы познать все вершины и все глубины духа и все многообразие мира". В этих словах заключается суть гумбольдтовского языковедения: исследование языка для познания духа человека.

Для полного понимания целей и сути общего языковедения В.Гумбольдта необходимо хотя бы вкратце напомнить о том, что оно возникло и развивалось в русле весьма и весьма условно называемого новогуманистического течения, к которому принадлежали И.Г.Гердер, Фр.Шиллер, Фр.Шлегель, В. Гумбольдт, И.И.Винкельман, И.В.Гёте, Г.Э.Лессинг и многие другие известные люди конца XVIII, начала XIX века в Германии, а также Г.Р.Державин и другие в России. В рамках этого течения развилось своеобразное понимание истории. Главным признавалась не рационализация жизни, а стремление к внутренней гармонии и целостности. Именно в силу этого капитальный труд И.И.Винкельмана об античном искусстве преобразуется в евангелие восприятия мира действительности и истории. В соответствии с этим взглядом для В.Гумбольдта не существует действительности простых, наблюдаемых фактов как научной точки зрения. Он ищет их суть, их идеальный образ отчасти как художник, отчасти как мыслитель. Закон структуры действительности определяется для него (как и для Фр.Шеллинга и Фр.Шли-

лера) идеями. Только исходя из них, эмпирически данное проявляется в своей сущности. Насколько эта мысль важна для В. Гумбольдта свидетельствует написанная в 1821 году статья "О задачах историка", в которой он стремится показать, что задача историка сводится к тому, чтобы "показать стремление идеи обрести реальное существование в действительности". Точно таким же образом языковед должен выявить и показать на материале языка "стремление идеи совершенствования языка обрести существование в действительности". Для него существует только одна — идеальная действительность, причем эта действительность языково субъективна. Мысль о языковой субъективности картины мира — один из краеугольных камней концепции В. Гумбольдта: различие в языках не является различием акустических форм, а различием 'видений мира' различными социумами.

"Благодаря взаимозависимости мысли и слова, ясно, что языки не являются собственно средством отображения уже познанной истины, а более того, — открытия еще не познанной истины. Их различие — это не различие звуков и знаков, а различие в мирозерцании, различие в видении мира. В этом — основание и последняя цель всех исследований языка. Сумма познаваемого, как бы поле, обрабатываемое человеческим интеллектом, находится в центре между всеми языками и независимо от них; человек не может приблизиться к этой чисто объективной области иначе, как на субъективном пути собственного познания и восприятия" / IV, 27 /.

В этом высказывании заложена целая программа исследования языка, для реализации которой требуется огромная, ответственная работа языковеда. Она ставит исследователя перед трудным, подчас кропотливым детальным рассмотрением отдельных единиц языка, но фактически оно тем не менее необходимо, так как именно эти мелочи и составляют тотальное впечатление о языке, и ничто так не совместимо с исследованием языка, как попытки найти в нем только крупное, духовное, преобладающее отличие. Необходимо точное определение любой грамматической subtilности и правильное разложение слов на их элементы, чтобы избежать ошибок при оценке того или иного языкового факта. В то же время нельзя усматривать в этих деталях лишь изолированные факты — их следует рассматривать в их реальной совокупности и в их духовном единстве.

В. Гумбольдт сопоставляет отдельные языки с неким иде-

альным типом, неким прототипом (Urbild) языка. В этой связи необходимо упомянуть ситуацию, в которой находился И.В. Гёте, когда он пытался осмыслить многообразие анатомических элементов и множество видов животных. Тогда он создал основу для сравнения в виде анатомического типа, в котором в возможности (в потенции) содержались образы всех животных. В этом случае он упоминает, например, понятие 'протолошадь' - Urpferd , или 'проторастение' - Urpflanze.

Как у И.В.Гёте, так и у В.Гумбольдта в этих случаях речь не идет о какой-либо мыслительной абстракции, а о синтетическом объективно существующем образе. Именно это и имел в виду И.В.Гёте, когда он утверждал против мнения Фр.Шиллера, что проторастение - это не идея, а опыт. Это общее простирается и далее: так же, как И.В.Гёте в понятии образа (Gestalt) включал индивидуальные особенности какого-либо животного 'в органическое целое, так и В.Гумбольдт развивает свое понятие 'внутренней формы языка'. Оно не тождественно грамматическим формам словообразования и оформления предложений, оно определяется степенью интенсивности, с какой соответствующий язык производит таинственный синтез звука и мысли. В этом, именно, и заключается принцип совершенства, присущего какому-либо языку.

Конкретный признак большего или меньшего совершенства языка В.Гумбольдт видит в трактовке глагола, так как от нее зависит ясность, subtilность и многообразие, с каким язык образует понятие и соотносит их одно с другим. По этому признаку он подразделяет возможные формы языка на флективные, агглютинирующие и присоединяющие (einyerleibende), причем китайскому, как изолирующему языку, у которого не имеется собственно грамматической формы, он предоставляет особое место. Во флективных языках В.Гумбольдт видит форму, которая среди всех возможных типов языков лучше всех соответствует общей цели языка - приспособить звук для выражения мысли. Этот идеал, по мнению Гумбольдта, осуществлен в санскрите. Эту классификацию языков конечно же не следует переоценивать. В.Гумбольдт подчеркивает, что эти отдельные формы языков в действительности не проявляются в чистом виде, а оказываются многообразно смешанными, переплетенными между собой. Следовательно, эти формы являются лишь идеальными ступенями и духовными масштабами для определения языка. В санскрите В.Гумбольдт видит осуществленным почти что в чистом

виде тип флективного языка, изолирующего - в китайском языке. Все остальные языки находятся между этими двумя полюсами строения языков.

В. Гумбольдт многократно подчеркивает, что каждый язык, даже самый примитивный диалект, следует рассматривать как органическое единство и как показатель духа тех, кто на нем говорит.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что сопоставление языков в общем языковедении В. Гумбольдта производится в совершенно ином плане, чем это имеет место в сравнительно-историческом языковедении (компаративистике) XIX века. Здесь каждый язык сопоставляется с неким идеальным типом, прото-языком, максимальную приближенность к которому В. Гумбольдт усматривает в санскрите. Основой для сравнения (*tertium comparationis*) и оценки каждого конкретного языка является более или менее удачное осуществление главной задачи языка - совершенство синтеза звука с мыслью. Подчеркивается мысль, что вся совокупность субъективного восприятия определяет развитие и употребление языков, и что, следовательно, различие языков - это не только различие звуков, но различие самих видений мира (*Weltansichten*) заложенных в языке - эргоне.

В. Гумбольдт характеризует этот путь исследования следующими словами: "Посредством сопоставления многих языков можно было бы, постоянно имея в виду, что каждый язык представляет целое мировоззрение, достичь первоначальной и во всех языках встречающейся сферы схваченных словами понятий. Эта сфера должна бы даже быть у всех одинаковой, ибо всем нациям (= народам - Э. Д.) представляется один и тот же мир, если бы это не зависело от силы и возможности, сколько из этого мира действительно переводится в язык. Возможно легко проследить прогресс открытия и названия особых предметов в языках, но главным образом значение имеет нахождение модификаций духовных понятий, которые даже в известных языках далеко не исследованы с достаточной точностью" / У, 438 /.

Таким образом в гумбольдтовском общем языковедении сравниваются, сопоставляются не сами языки, а отраженная в них духовная деятельность, вернее, интенсивность деятельности сознания, говорящих на них людей. Необходимо, кстати, отметить, что этим сопоставлением выполняется задача, упомянутая В. Гумбольдтом еще в 1795 году и повторно им высказан-

ная в работе "Восемнадцатый век" (1797 год), идея о создании сравнительной науки о духе (vergleichende Geisteswissenschaft), возможности претворения которой в действительность он видит в сопоставительном языковедении.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Соч., 2-е изд., том 3.

Будагов Р.А. К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. - Вопросы языкознания, 1981, № 2, с. 22 - 35.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.

Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX - XX веков. М., 1956.

Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.

Humboldt, W. von. Gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. 17 Bde. Berlin 1903-1936.

Daugats, E. Was W. von Humboldt uns heute bedeuten kann. - In: Linguistica IX, Tartu 1977, S. 24-34.

PROBLEME DER VERGLEICHENDEN SPRACHKUNDE

W. v. HUMBOLDTS IN DER WISSENSCHAFT VON DER SPRACHE

Eduards Daugats

R e s ü m e e

Im vorliegenden Beitrag wird der Versuch unternommen, das Prinzip der Klassifizierung und des Vergleiches der Sprachen in der allgemeinen Sprachkunde W. von Humboldts zu zeigen. Der Gedanke von der sprachlichen Weltanschauung hat eine wichtige Stellung in der Sprachkunde. Weltanschauung oder Weltansicht der Sprache bedeutet, daß jede Sprache die objektive Realität auf eigene Art, gemäß der jeweiligen Sprache innewohnenden inneren Sprachform, in den Gedanken überführt, daß diese Realität in eigenen Kategorien - und Begriffsnetzen einfängt, daß sie eigene Satzmodelle bereitstellt, in denen sich Aussage und Urteil zu vollziehen haben.

Den geistigen der Humboldtschen Sprachkunde kann man

nicht besser bestimmen, als wenn man sie neben J.W. Goethes morphologischer Wissenschaft stellt. J.W. Goethe schuf eine Basis der Vergleichung durch Aufstellung eines anatomischen Typus, in dem die Gestalten sämtlicher Tiere, der Möglichkeit nach, enthalten wären. Im gleichen Sinne und zum gleichen Zwecke der Vergleichung konfrontiert W. von Humboldt die einzelnen Sprachen mit dem idealen Typus, gewissermaßen mit Urbild der Sprache. Der von ihm entwickelte Begriff der inneren Sprachform bestimmt sich nach der Art der Intensität, mit der sich in einer Sprache die geheimnisvolle Synthese zwischen dem Laut und dem Gedanken vollzogen hat. Hier ist der Angelpunkt für die Bestimmung der Vollkommenheit, den eine Sprache besitzt. Es wird klar, daß auf diese Art nicht die Sprachen selbst, sondern die Geisteseigentümlichkeiten, die Kraft des Geistes, den Laut zum Ausdruck des Gedankens fähig zu machen, verglichen werden, und damit wird die Aufgabe erfüllt, die W. von Humboldt schon 1795 im "Plan der vergleichenden Anthropologie" aufgestellt hatte.

О ДВУЯЗЫЧИИ В КАНАДЕ (I):

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА

Тийу Каганова

Настоящая статья написана по материалам, собранным автором во время пребывания в Университете провинции Британская Колумбия (гор. Ванкувер) и в Научно-исследовательском институте педагогики провинции Онтарио (гор. Торонто).

Рассмотрение современного состояния двуязычия в Канаде следует начать с созданной в 1963 г. Королевской комиссии по исследованию двуязычия и двоекультурья, в функции которой входило "рекомендовать меры, которые следовало бы принять для развития Канадской конфедерации согласно принципам равенства между двумя создавшими ее народами, учитывая в то же время вклад других этнических групп в обогащение культуры Канады, а также меры, принятие которых необходимо для защиты этого вклада" (*Rapport de la Commission ...*, 1967, p. 179).

В соответствии с рекомендациями указанной комиссии канадское правительство приняло в 1968 г. "Закон о государственных языках", объявляющий государственными языками Канады английский и французский. Закон устанавливает равноправие этих языков и одинаковый их статус применительно ко всем документам канадского парламента и правительства и к их использованию во всех учреждениях страны.

Исторический опыт показывает, что проблема государственных языков в странах, население которых говорит более чем на одном языке, имеет два решения: личностное и территориальное. Территориальный принцип решения проблемы государственных языков, нашедший применение, например, в Швейцарии, Бельгии и Финляндии, заключается в том, что определенный язык получает статус обязательного лишь на определенной части территории данного государства. Личностный же принцип решения проблемы означает, что языки, объявленные государственными, пользуются этим статутом на всей территории данного

государства и любой человек, носитель одного из государственных языков, вправе пользоваться своим языком на правах государственного в любой точке страны (отсюда и происходит название принципа - личностный).

Специальная комиссия, изучавшая языковую ситуацию в стране (*Rapport de la Commission ...*, 1967, p.88), отмечала, что территориальное решение проблемы двуязычия более подходило бы для Канады, поскольку оно было бы более простым и лучше отвечало бы традициям, укоренившимся в некоторых англоязычных провинциях. Но тем не менее было выбрано личностное решение. И хотя этот выбор мотивировался желанием избежать "подавления национальных меньшинств, проживающих в Канаде", анализ языковой ситуации в стране позволяет утверждать, что действительность выглядит иначе.

Во-первых, во внимание принимаются интересы лишь двух, правда, самых крупных, из многочисленных языковых меньшинств Канады: а) англоязычного меньшинства в Квебеке, где большинство населения говорит по-французски, и б) франкоязычного меньшинства вне пределов Квебека.

Во-вторых, языковое равноправие этих меньшинств на практике оказывается формальным: франкоязычное меньшинство в постоянно возрастающем темпе ассимилируется англоязычной средой.

Некоторые из специалистов, занимающихся данной проблемой, считают, что эта ассимиляция в условиях современной Канады представляет собой закономерное социолингвистическое явление, и судьба франкоязычного меньшинства предрешена. Так, Р. Джой в своей книге "*Languages in Conflict*" пишет, что "исчезновение языковых меньшинств представляет собой естественное явление" (Joy, 1972, 136).

Этот мрачный прогноз находит подтверждение в статистических данных. Так, результаты переписи населения, осуществленной в 1971 г., показывают существенное уменьшение числа канадцев, родным языком которых является французский. За десять лет их количество уменьшилось на 1,2 %. Необходимо отметить, что и три предшествовавшие переписи населения выявили тенденцию к уменьшению числа франкоязычных канадцев, но данные переписи 1971 г. в этом отношении наиболее показательны, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица.

Таблица 1

Доля канадцев, родным языком которых является французский, в населении страны в 1941 - 1971 гг. (Saint-Jacques, 1976, 41).

<u>Год</u>	<u>Франкоязычное население</u>
1941	29,2 %
1951	29,0 %
1961	28,1 %
1971	26,9 %

Следует добавить, что все сильнее проявляющаяся тенденция к уменьшению доли франкоязычных канадцев в общей численности населения сопровождается постоянным увеличением доли англоязычного населения, что видно из следующей таблицы.

Таблица 2

Доля языковых групп в увеличении населения Канады за период с 1961 г. по 1971 г. (по данным Arès, 1972, 170).

<u>Языковая группа</u>	<u>Число</u>	<u>Процентное отношение</u>
англоязычная	2 313 275	69,5 %
франкоязычная	670 499	20,1 %
другие	346 290	10,4 %
общее увеличение	3 330 064	100,0 %

При этом необходимо добавить, что лица, относящиеся к группе "другие", как правило, быстро ассимилируются англоязычной группой, так как для них английский является языком работы, обиходным языком и во многих случаях он уже вытеснил язык, являющийся для этой группы людей родным.

Необходимо, кстати, во избежание недоразумений, уточнить смысл термина "родной язык", как он используется в канадских переписях населения. В вопросниках он расшифровывается следующим образом: "Первый язык, который вы изучили в детстве и который вы еще понимаете". Такая трактовка родного языка не позволяет получить достоверной картины об обиходном языке населения, получаемые сведения отстают от действительности на целое поколение. Поэтому, как показывают исследования Б.Сэн-Жака и С.Либерсона (Saint-Jacques, 1976; Lieberson, 1970), ответ "французский" на вопрос о родном языке не означает еще вне пределов Квебека, что отвечающие

говорят по-французски. Таким образом, многие канадцы французского происхождения оказываются в действительности англоязычными. С учетом недостатка критерия "родной язык" в переписи населения Канады 1971 года впервые был введен новый вопрос - вопрос о языке, на котором чаще всего говорят дома. И ответы на вновь введенный вопрос подтвердили неточность сведений, полученных посредством вопроса о родном языке. Ответы на вопрос о языке, на котором чаще всего говорят дома, показали значительное уменьшение количества людей, действительно говорящих по-французски. Например, перепись населения 1971 г. выявила, что в провинции Британская Колумбия только 0,5 % населения пользуется дома французским языком, в то время как французский язык является родным для 1,7 % населения этой провинции. Введение критерия "языка, на котором чаще всего говорят дома", выявило значительное увеличение группы англоязычных канадцев. Как уже было сказано, многие из группы "других" по критерию родного языка переходят в группу "англоязычных" согласно новому критерию - критерию языка, чаще всего используемого дома. И если представители группы "других" говорят дома не на английском языке, то это иммигранты первого поколения. Совершенно очевидно, что их дети и внуки будут использовать во всех сферах английский язык. Следующая таблица показывает процентное отношение англоязычного и франкоязычного населения на основе критерия языка, чаще всего используемого дома, по провинциям (согласно данным переписи 1971 г.).

Таблица 3

<u>Провинция</u>	<u>Процентное отношение</u>		
	англоязычных	франкоязычных	вместе
Ньюфаундленд	99,06	0,44	99,50
Остров Принс-Эдуард	95,66	3,95	99,61
Новая Шотландия	95,53	3,45	98,98
Нью Брансуик	67,88	31,37	99,25
Онтарио	85,14	4,58	89,71
Манитоба	82,63	4,01	86,63
Саскачеван	89,88	1,72	91,60
Альберта	90,79	1,39	92,19
Британская Колумбия	92,79	0,53	93,32

Приведенные данные красноречиво говорят о том, что франкоязычное меньшинство вне пределов Квебека окружено англо-

язычной массой и претерпевает постоянную и прогрессирующую ассимиляцию. Примером в этом отношении может служить провинция Нью Брансуик. Здесь разница между данными, полученными по критерию родного языка и по критерию языка, на котором чаще всего говорят дома, составляет 2,63 %, что свидетельствует об интенсивности ассимиляции. В провинции Остров Принс-Эдуард этот показатель еще выше: 2,65 %. Английский язык выступает в указанных провинциях "престижным", это язык бизнеса и промышленности. В городах большинство молодежи использует на работе английский язык. Французский же язык подвергается сильному английскому влиянию и изобилует англицизмами как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Исследования, проведенные Б.Сен-Жаком в 1973 г. в провинции Нью Брансуик выявили возрастание значения английского языка даже в сфере отдыха (Saint-Jacques, 1976). Это легко понять, если учесть, что на экранах доминируют фильмы, являющиеся продуктами американской "массовой культуры". Многие молодые канадцы французского происхождения признают, что не понимают кинофильмы, сделанные во Франции. Газеты, журналы и книги, написанные по-французски, читаются мало. Доминирующее положение английского языка во всех сферах жизни заставляет Б.Сен-Жака прийти к выводу о неизбежном уменьшении франкоязычия в провинции Нью Брансуик. Указанный автор связывает изменение языковой ситуации с изменениями, происшедшими в сфере производства и породившими социальные изменения. Механизация сельскохозяйственного производства породила безработицу в сельской местности, и молодежь в поисках заработка отправляется в большие города, являющиеся катализатором в отношении языковой ассимиляции. Относительно франкоязычных меньшинств в других провинциях приводим точку зрения А. д'Англежан и Р.Такер, что "хотя территории, населенные франкоязычными канадцами, встречаются по всей стране, английский язык быстро заменяет французский как язык этнической группы канадцев французского происхождения во всех провинциях, кроме Квебека" (d'Anglejan, Tucker, 1975, 65).

Итак, можно прийти к заключению, что лингвистическая и культурная интеграция и ассимиляция происходят в Канаде только в одном направлении - в направлении языка и культуры англоязычной группы.

Б.Сен-Жак считает, что для членов любой языковой группы стать англоязычными, в то же время сохраняя свой язык и

свою культуру, представляется весьма иллюзорной, так как билингвизм в Канаде способствует распространению английского языка (Saint-Jacques, 1976, 49).

Франкоязычный (или другой) билингв сталкивается с дилеммой: с одной стороны, знание английского языка позволяет ему рассчитывать на продвижение по социальной лестнице и улучшение своего материального положения, но, с другой стороны, это знание отдаляет его от языковой группы, к которой он принадлежит, и в конечном итоге ведет к ее исчезновению.

Б.Сэн-Жак, тщательно изучивший проблему, предлагает рассматривать механизмы ассимиляции в единстве с процессом интеграции как этапы постоянно развивающегося исторического процесса, который может иметь место как в жизни одного индивида, так и в течение нескольких поколений. Интересна в этой связи работа Р.Мужона и П.Эбрара (Mougeon, Hébrard, 1975). Исходя из данных переписи 1971 г., касающихся количества населения французского происхождения, числа лиц, родной язык которых французский, и числа лиц, использующих дома преимущественно французский язык, указанные авторы предложили показатели текущей и исторической ассимиляций для провинции Онтарио. Оказалось, что из 737 360 человек французского происхождения французский язык является родным только 482 040. Следовательно, 35 % жителей провинции Онтарио, имеющих французское происхождение, перешли в англоязычную группу, ассимилировались. Эти 35 % и служат показателем исторической ассимиляции, происшедшей со времени прибытия франкофонов в Онтарио.

Текущая ассимиляция в Онтарио составляет 27 %, означающее, что из 482 040 жителей Онтарио, имеющих родным языком французский, 352 460 разговаривает на нем дома. Выбор языка, используемого дома, имеет большое значение потому, что достоверно именно этот язык будет позже родным языком детей.

Первым признаком интеграции в Канаде является овладение английским языком. Первым признаком же ассимиляции является потеря родного языка. Интересно отметить, что механизмы интеграции и ассимиляции связаны в основном, с одной стороны, с овладением одним языком и, с другой стороны, с потерей другого языка. Это показывает, что язык выступает центральным фактором как в приобретении, так и в потере культуры. Полная интеграция с англоязычным обществом не может произойти без определенной ассимиляции. Ассимиляция становится

обычно полной в течение нескольких поколений. Б.Сэн-Жак изучил явления интеграции и ассимиляции у различных этнических групп Канады и установил, что большинство членов этих групп теряют свой родной язык быстрее, чем за три поколения. Он считает, что эти же механизмы присущи франкоязычному меньшинству вне пределов Квебека.

Самым мощным и самым универсальным фактором интеграции и ассимиляции, по мнению канадских исследователей, является желание идентификации с группой, стоящей выше всех в иерархии канадского общества, с престижной, на языке социологии, группой, каковой является англоязычная группа. Особенно сильно желание такой идентификации проявляется у детей и подростков, что часто порождает острые конфликты в семье, другие члены которой желают, чтобы ребенок сохранил свой родной язык и свою культуру. Семьи, которым удалось в англоязычной среде сохранить у своих детей родной язык, составляют в Канаде исключение.

У более старших желание идентифицироваться с группой престижа порождается стремлением избавиться от того невыгодного положения, в котором оказывается член неанглийской языковой группы при поступлении на работу.

Франкоязычное меньшинство вне пределов Квебека, как и другие этнические группы, предпринимало попытки сохранить родной язык. В этой связи большие надежды возлагались на школу с преподаванием на родном языке. Создавались частные школы, приходские школы, вечерние и воскресные курсы языков, и, в последнее время, двуязычные школы. Но, как отмечает Б.Сэн-Жак, школы в условиях Канады не могут противостоять главному фактору ассимиляции — социальному окружению, экономическим условиям жизни. Решающим фактором приобретения или потери какого-либо языка являются не школа или книги, а скорее активное или пассивное употребление этого языка. Р.Джой убедительно показал второстепенную роль школы по сравнению с обществом: "... социальная среда в большей степени, чем какой-либо другой отдельно взятый фактор, определяет, сможет ли французский язык сохраниться в какой-либо части страны. Законы о школах и другие постановления оказывают лишь второстепенное влияние..." (Joy, 1972, p.32).

Так ситуация французского меньшинства в Канаде подтверждает положение, согласно которому судьба языков, функционирующих параллельно, определяется социальными факторами.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Anglejan, A., Tucker, R. Sociolinguistic Correlates of Speech Style in Quebec. - In: Canadian Languages in their Social Context. Edmonton - Champaign: Linguistic Research, Inc., s.a., p. 65-94.
- Arès, R. Francophones et anglophones au Canada. - Relations, 1972, juin, p. 168-175.
- Joy, R. Languages in Conflict. 2nd ed. - Toronto: McClelland & Stewart Ltd, 1972.
- Liebersohn, S. Language and Ethnic Relations in Canada. - New York: J. Wiley & Sons, 1970.
- Mougeon, R., Hébrard, P. Les chances de maintien du français en Ontario. - Courrier-Sud, 1975, vol. 3, No. 9, 350-355.
- Rapport de la commission royale d'enquête sur le bilinguisme et le biculturalisme. Livre I: Les langues officielles. - Ottawa: Imprimeur de la Reine, 1967.
- Saint-Jacques, B. Aspects sociolinguistiques du bilinguisme canadien. - Québec: Centre international de recherche sur le bilinguisme, 1976.

BILINGUISME AU CANADA (1): SITUATION LINGUISTIQUE DE LA MINORITE FRANCOPHONE HORS DU QUEBEC

Tiiu Kaganova

R é s u m é

C'est l'assimilation grandissante de la minorité francophone hors du Québec au groupe anglophone qui fait l'objet de cette étude. Plusieurs spécialistes sont d'avis que cette assimilation présente au Canada contemporain un phénomène sociolinguistique important et que le sort de la minorité francophone est déterminé. Les facteurs de l'assimilation y sont aussi analysés. La conclusion est telle que la situation de la minorité francophone au Canada témoigne que ce sont les facteurs sociaux qui décident du destin des langues fonctionnant côte à côte dans un pays bilingue.

К ТИПОЛОГИИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Н.А.Кобрина, С.С.Лийв

Безличные предложения – характерное явление многих языков. Они представлены во всех жанрах и стилях художественной, научной и общественно-политической литературы и дают широкие возможности для их изучения.

Целью статьи является рассмотрение разных способов проявления безличности и выявления их структурной вариативности, т.к. при сравнении безличных предложений в разных языках и внутри одного конкретного языка становится очевидной неоднородность этой категории.

Специфика категории безличности выявляется при ее рассмотрении в двух планах – семантическом и синтаксическом, причем между ними нет однозначного соответствия. С.Д.Кацнельсон /1972, 58/ справедливо подчеркивает, что безличность не всегда выявляется в односоставном предложении. Он выделяет три разные способа проявления безличности: 1) безличность, обусловленная отсутствием действующего лица; 2) безличность, которая осуществляется путем использования двусоставной структуры при десемантизации глагола; 3) безличность, актуализированная путем нарушения согласования между глагольным предикатом и именем.

Рассмотрим первый способ выражения безличности, т. е. безличность, актуализируемую в бесподлежащей модели.

Во многих языках (латинском, русском, испанском, польском и др.) существует группа глаголов, обычно называемых собственно безличными, чаще всего выражающих атмосферные явления и процессы в природе, которые функционируют, иногда с зависимыми членами, как полные предложения. Эти глаголы (светать, смеркаться, и т.п.) не имеют субъектной позиционной валентности и не предполагают ее, т.к. они выражают целостные события или ситуации вне связи с субъектом действия /Кацнельсон, 1972, 60/.

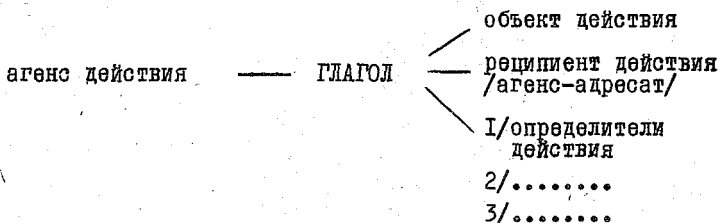
Второй способ выражения безличности, о котором говорит С.Д.Кацнельсон, заключается в следующем: безличность может определяться не только наличием безличного глагола но и пу-

тем десемантизации глаголов некоторых других семантических классов. Предложения, в которых глагол десемантизирован, могут иметь двусоставную структуру (Дождь идет), однако такая двусоставность формальна, т.к. глагол не выражает конкретного действия, а только очень общую идею процесса, и потому это действие не может быть приписано какому-нибудь конкретному агенту. В предложениях этого типа сама номинация предполагает процессность, т.е. субъект и действие на семантическом уровне нерасчленимы. Роль глагола-сказуемого сводится лишь к выражению глагольности и свойственных ей категорий. Поэтому, в семантическом плане двучленные конструкции этого рода можно рассматривать как эквиваленты бессубъектных предложений типа "светает" /Алисова, 1970, 97/.

С.Д.Кацнельсон /1972, 61/ выделяет еще третий способ актуализации безличности: безличность может быть актуализирована путем сдвига в структуре актантного равновесия между глагольным предикатом и именем, обозначающим агента действия. В предложениях такого рода обнаруживается асимметрия семантической и синтаксической структуры, агент действия может быть выражен другим членом, имеющим синтаксическое оформление, типичное для объекта действия /Мне не спится/, и таким образом, отсутствует совпадение члена синтаксической структуры - подлежащего, с членом семантической структуры - агентом действия. На первый взгляд кажется, что с помощью трансформации эти предложения могут быть развернуты в личные (Мне не спится → Я не сплю). Семантически, однако, эти два предложения отличаются. Личное предложение Я не сплю выражает действие, которое зависит от деятеля (Я бодрствую, т.е. не сплю). В предложении же Мне не спится выражается произвольное состояние, не зависящее от воли субъекта.

Таким образом, в выделяемых С.Д.Кацнельсоном в русском языке трех подтипах безличных предложений наблюдается разное соотношение между компонентами его структуры на семантическом и синтаксическом уровнях. Для интерпретации этого соотношения целесообразно использовать термины и понятия актантной теории*, которая рассматривает отношения и связи глагола (глагольного ядра предложения и любой глагольной конструкции) на двух уровнях - семантическом и синтаксическом. На семантическом уровне простейший набор этих отношений дает следующую сетку:

* См. Tesnière, L., 1959; Fillmore, Ch., 1968, Chafe, W.L., 1970.



На синтаксическом уровне реализация связей оформляется в рамках обычных членов предложения.

В свете этой теории рассмотрим типологию безличности в английском языке.

В английском языке неоднородность безличности также имеет место, хотя, на первый взгляд, с точки зрения формы, наблюдается единообразие. В отличие от русского языка наличие подлежащего в безличных предложениях английского языка необходимо, как в обычных двусоставных предложениях. В качестве подлежащего используются местоимение ед. числа 3-го лица ср. рода *it*.

Однако, при рассмотрении безличного предложения в терминах актантной теории это единообразие исчезает. Можно выделить два типа безличных предложений, в которых используются разные классы глаголов.

I. С одной стороны, как и в русском языке, есть собственно безличные глаголы (*blow, rain, snow, thunder, etc.*). Семантическая структура этих глаголов, обозначающих процессы и состояния как данность, без явного субъекта действия, требует нейтрализации субъектных связей. Поскольку агeнс действия у этих глаголов в действительности отсутствует, формальная позиция агенса действия заполнена безличным местоимением *it*. Остальные потенциальные связи могут быть актуализированы. Актуализация этих других связей происходит не совсем обычно. В основном глаголы этой группы непереходные. Тем не менее позиция дополнения может быть занята актантами с другой семантической характеристикой.

I) Актанты в позиции дополнения могут давать обстоятельственную характеристику (образа действия):

(1) *It is snowing feathers.*

(2) *It rained arrows. /Halliday, 164/*

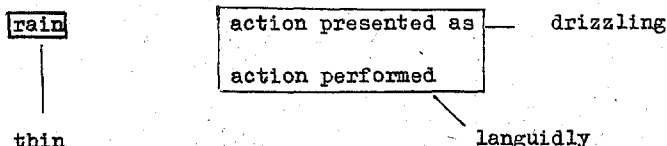
(3) *It rained cats and dogs.*

Эти предложения можно перефразировать следующим образом:

(1a) It is snowing in soft flakes, like feathers.

(2a,3a) It rained very heavily.

2) В позиции дополнения может стоять актант-определитель, называющий источник действия или обозначающий степень его интенсивности: On Tuesday morning it blew a good breeze. /Path., 193/. Наряду с безличными предложениями типа It blew a gale (a hurricane) /OED, 235/ в языке могут встречаться и личные предложения: The gale blew. The hurricane blew или A thin rain drizzled languidly. /OED, 806/, хотя они мало типичны. Существование двух параллельных структур для выражения однотипных внеязыковых ситуаций требует вскрытия семантики каждой из них. Очевидно, что в безличных предложениях процесс представлен как происходящий самостийно, как процесс нерегулируемый, не предполагающий действующих сил, но предполагающий наблюдателя этих явлений (об этом говорят различные оценочные элементы, в первую очередь определители: ... drizzled languidly; ... rained cats and dogs; ... snowed feathers). В предложениях типа A thin rain drizzled languidly происходящий процесс расчленяется на силу, действующую как процесс и обозначение самого процесса. При этом происходит определенная метафоризация-персонификация процесса подобно тому, как это происходит, когда мы говорим: The door won't open. Метафора подобного рода является не стилистической, а языковой, проявляющейся в способе номинация. Расчленение номинации на силу, действующую как процесс и сам процесс, описывающий действие этой силы, дает возможность расширить актантную сетку глагола за счет дополнительных определителей: thin, drizzling, languidly. Актантная сетка единства "сила-процесс" оказывается более развернутой:



При таком развертывании процесс характеризуется тремя актантами: thin, drizzling, languidly.

II. Наряду с собственно безличными глаголами в безличных пред-

ложениях широко используются глаголы типа *appear, happen, seem, feel, etc.* Некоторые из них и дают два варианта - личное и безличное употребление, иногда с изменением лексического значения, иногда без его изменения. Примером последнего может служить глагол *feel*:

I felt good lying in the sun. (личный глагол со значением "чувствовать")

It felt good lying in the sun. (безличный глагол со значением "чувствовать")

Изменение значения связано с изменением статуса глагола: из полнозначного он превращается в бытийно-связочный глагол:

He appeared from the house. (личный полнозначный глагол со значением "появляться")

It appeared that he was at home. (безличный бытийно-связочный глагол со значением "оказываться")

Некоторые из глаголов всегда являются связочными. Функциональная двойственность этих глаголов объясняется их способностью сочетаться с личным и безличным подлежащим. Поэтому для этих глаголов наличие *it* имеет еще и чисто семантическую роль - индикация их безличного значения и невозможности употребления в этом значении с подлежащим, обозначающим агенс действия.

У некоторых глаголов этой группы (*appear, seem, look, occur*) обозначение воспринимающего лица выражено во второстепенном члене предложения, обозначающем агенса-адресата, воспринимающего ситуацию, действие или событие. Свообразие агенса, его пассивная, рецептивная роль и объясняет тот факт, почему оно не оформлено синтаксически как подлежащее и почему в позиции подлежащего стоит безличное местоимение *it*: *It seems to me, Robert, you can do a little better than that.* /*Mailer, 274*/

С помощью *it*, закрывающим /нейтрализующим/ позицию подлежащего, актуализуется значение глагола сенсорной деятельности *seem*: без *it* актуализация этого значения невозможна. Вторым необходимым компонентом является дополнение, выражающее агенс, воспринимающий сенсорную информацию: *to me*. Информация, переданная с помощью структуры *I seem* имеет другой смысл: *I seem* предполагает сенсорную деятельность окружающих - каюсь окружающим, т.е. отражается восприятие дру-

гих - кажись другим, не себе.

Таким образом, вопрос о безличном предложении тесно связан с категориальными особенностями глагола. Очевидно, что в английском языке в безличных предложениях типичный безличный глагол не допускает выражения агенса действия в форме подлежащего. Говоря о безличных глаголах, следует говорить во первых о наиболее рекуррентных глаголах группы (ядре), (назовем их *impersonalia tantum*), и периферийных глаголах, у которых могут быть не все характерные признаки безличности, т.к. у них безличность факультативна, как один из вариантов их возможной реализации. Периферийные элементы поля используются в безличных предложениях как бытийно-связочные, они характеризуются особым расширением - сочетаемостью с комплетивным членом, выраженным инфинитивом или придаточным предложением. Сочетаемость с комплетивным членом связана с их особой семантикой - наличием значения оценочности, которая, естественно, предполагает объект оценки. В личном предложении они используются и как полнозначные и как связочные (полнозначность определяется наличием субъекта действия).

Таким образом, категория безличности - это переплетение и взаимодействие двух планов - семантического и синтаксико-морфологического, т.к. она связана со значением глагола, его категориальными характеристиками, его актантами сеткой. И как следствие этого - безличность - это синтаксико-морфологическое понятие, связанное с распределением синтаксических связей и с морфологическим оформлением глагола.

Вопрос осложняется также тем, что в предложении происходит сложное взаимодействие категории безличности как глубоко грамматической и строевой категории с персональностью и актантами глагола, категорией семантического-грамматического плана. Эти две категории находятся на разных иерархических уровнях, а потому их взаимодействие дает большую детализацию в общей семантической структуре предложения. Наряду с безличными (бессубъектными) предложениями (т.е. персональность не выражена) типа *it rains*, существуют личные (субъектные) предложения с десемантизированным предикатом, а потому стертой персональностью, т.к. агенс и действие фактически нерасчленимы, типа "Дождь идет", а также есть безличные предложения с выраженной персональностью во второстепенном члене предложения, типа *It seems to me*. Использование

с разными актантами не безразлично для лексической семантики глагола, которая также модифицируется в разных типах предложения, что дает еще один уровень вариантности. И наконец, само существование структурных типов безличных предложений говорит о том, что в безличных предложениях используются разные классы глаголов. Эта вариантность требует детального семантического анализа его состава и в первую очередь - глаголов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Алисова Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений.- Вопросы языкознания, 1970, № 2, 91-98.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление.- Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.

Chafe, W.L. Meaning and the Structure of Language. London, 1970.

Fillmore, Ch. The Case for Case. - In: Universals in Linguistic Theory. Ed. by E. Bach and R.T. Harms. N. Y. 1968, 1-88.

Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Е И С Т О Ч Н И К И

Halliday - M. Halliday. System and Function in Languages. London, 1976.

OED - The Shorter Oxford English Dictionary. On Historical Principles. Ed. by C.T. Onions, vol. I. Oxford, 1978.

Pathfinder - J.F. Cooper. The Pathfinder or The Island Sea. London, 1961.

Mailer - N. Mailer. The Naked and the Dead. London, 1973.

TYPOLOGY OF IMPERSONAL SENTENCES

N.A. Kobrina, S.S. Liiv

S u m m a r y

The aim of the article is to bring out different possibilities of expressing the category of impersonality and types of impersonal sentences. Impersonal sentences are built

up from different classes of verbs (both impersonal and impersonal-personal). For the investigation of impersonal sentences we use the categories of the theory of actants, according to which the verb forms the semantic centre of the sentence.

ZUM GEBRAUCH DER PHRASEOLOGISMEN IN DER ZEITGENÖSSISCHEN DEUTSCHEN POLITISCHEN LYRIK

Karl Lepa

Die phraseologische Forschung hat sich in den letzten Jahren zunehmend dem Funktionieren der Phraseologismen in Texten verschiedener Funktionalstile zugewandt (Vgl. Černyseva, 1980, 93). Dabei hat man vorwiegend den Gebrauch der Phraseologismen in der schöngeistigen Literatur anhand der Prosawerke sowie in der Presse untersucht (Vgl. Černyseva, 1980, 107). Der Lyrik dagegen hat man in der Germanistik unter diesem Gesichtspunkt kaum Beachtung geschenkt (so hat z.B. Baran in der Dissertation zum Gebrauch der Phraseologismen bei Brecht auch Gedichte in Betracht gezogen). Etwas anders ist die Lage in der Russistik und Anglistik: durch die Arbeiten von Bakina sowie Dancenکو und Popova sind die wichtigsten Gesetzmäßigkeiten für den Gebrauch der Phraseologismen in der Lyrik für Russisch und Englisch aufgedeckt worden (Бакина, 1980; Данченко, 1977; Попова, 1979).

Die vorliegende Arbeit beschäftigt sich mit dem Bestand der Phraseologismen und mit einigen Besonderheiten ihrer Verwendung in der deutschsprachigen politischen Lyrik der Gegenwart. Als Untersuchungsobjekt dienten Gedichte politischen Inhalts von Brecht (im Umfang von 27735 Wortformen), Weinert (34825) und von rund 100 fortschrittlichen westdeutschen Dichtern und Liedermachern, die in der Anthologie "Denkzettel" des Leipziger Reclam-Verlages zusammengefaßt sind (insgesamt 49279 Wortformen). Dieser Umfang ermöglicht zwar noch keine endgültigen Aussagen über den Phraseologismengebrauch in der deutschen Lyrik, gewährt aber dennoch interessante Einblicke in die Besonderheiten des Einsatzes der Phraseologismen im politischen Gedicht.

Unter Phraseologismen versteht man in dieser Arbeit "feste Wortkomplexe verschiedener syntaktischer Strukturtypen mit singulärer Verknüpfung der Komponenten, deren Bedeutung als Ergebnis einer vollständigen oder teilweisen Umdeutung oder

Transformation des Komponentenbestandes entsteht" (Stepanova, Černyseva, 1975, 209).

Was die Häufigkeit der Phraseologismen im Verhältnis zu den Lexemen betrifft, so unterscheidet sich die Lyrik in dieser Hinsicht wohl nicht wesentlich von der Prosa. Nach Angaben von Ščerban bewegt sich das Verhältnis von Phraseologismen und Lexemen in der Prosa zwischen 1 : 25 (Feuchtwanger) und 1 : 200 (Brecht) (Щербань, 1975, 8), dabei hat Baran für Brecht festgestellt, daß die Häufigkeit der Phraseologismen bei ihm in allen Gattungen (Prosa, Drama, Lyrik) ungefähr gleich ist. (Баран, 1971, 6) Das wird auch durch unsere Ergebnisse bestätigt: wir konnten bei Brecht 292 Phraseologismen feststellen, bei Weinert 389 und in der Anthologie der westdeutschen politischen Lyrik 603. Die Häufigkeit der Unterarten der Phraseologismen wird in der folgenden Tabelle ersichtlich:

	Phraseologische Einheiten	davon		Phras. Ausdrücke bzw. festgeprägte Sätze
		Paarformeln	Komparat. Phras.	
Brecht	290	44	8	2
Weinert	368	96	6	21
Westdeutsche Dichter	530	66	6	73

Phraseologische Verbindungen konnten im untersuchten Material nicht festgestellt werden.

Auch in der Lyrik sind die verbalen phraseologischen Einheiten häufiger anzutreffen als die nominalen. So gab es bei Brecht 193 verbale und 107 nominale phraseologische Einheiten, bei Weinert entsprechend 208 und 164, bei den westdeutschen Dichtern 397 und 126.

Wenn man die gewonnenen Ergebnisse mit den entsprechenden Angaben über die deutschsprachige Prosa vergleicht (S. Černyseva, 1980, S. 108-114), so kann festgestellt werden, daß die individuellen Besonderheiten des Phraseologismusegebrauchs gegenüber den gattungsspezifischen dominieren. Allerdings scheinen in der Lyrik die nominalen Phraseologismen durchschnittlich etwas häufiger vorzukommen. Zu auffallenden individuellen Besonderheiten gehören die extrem niedrige Häufigkeit der phraseologischen Ausdrücke und festgeprägten Sätze bei Brecht

(nur 2 Fälle) und ihr recht häufiger Gebrauch bei den westdeutschen Dichtern (73, wobei noch bemerkt werden muß, daß in dieser Gruppe verschiedene okkasionelle Abwandlungen recht häufig waren); bei Weinert dagegen fällt seine Vorliebe für Paarformeln auf.

Was die Stilfärbung der verwendeten Phraseologismen anbelangt, so konnten auch hier gewisse Unterschiede zwischen verschiedenen Autoren festgestellt werden. So bevorzugt Brecht normalsprachliche Phraseologismen, umgangssprachliche und saloppe finden sich bei ihm seltener. Bei Weinert überwiegen umgangssprachliche Redewendungen, bei den westdeutschen Dichtern dagegen treten relativ häufiger saloppe und sogar derbe Phraseologismen auf.

Bei der Betrachtung der stilistischen Besonderheiten der Phraseologismen muß berücksichtigt werden, daß der Schriftsteller sie keineswegs gebrauchen muß; die meisten Phraseologismen besitzen als Synonyme Lexeme, die zur Bezeichnung gleicher Objekte und Erscheinungen der Wirklichkeit verwendet werden können, denen aber die konnotative Komponente fehlt, die in der Struktur der phraseologischen Bedeutung kategorialbildend ist (Černyševa, 1979, 76). Dank der konnotativen Komponente "besteht die stilistische Leistung der idiomatischen Phraseologismen hauptsächlich darin, das Gesagte bildkräftig, lebendig und emotional darzustellen, ihm Nachdruck und Einprägbarkeit zu verleihen" (Riesel, Schendels, 1975, 92). Dank dieser Besonderheiten werden sie zum Ausdruck solcher Inhalte verwendet, die der Dichter besonders hervorheben und auf die er den Leser besonders aufmerksam machen möchte. Das bestimmt auch den Phraseologismusgebrauch in politischen Gedichten.

So dienen Phraseologismen oft zur emotionalen Beschreibung und Bewertung der politischen Ereignisse sowie des Klassenfeindes, z.B. im Gedicht "Die Internationale der Großschieber" von Weinert, in dem er die Schiebergeschäfte der Großbourgeoisie während und nach dem 1. Weltkrieg anprangert:

Was so ein waschechter Großschieber ist,
Dem geht die Puste nicht aus;
Ganz gleich, aus welcher Krippe er frißt,
Der ist allenthalben zu Haus.

(Weinert, 1968, 46)

Bemerkenswert ist, daß besonders zur Charakterisierung des politischen Gegners recht häufig auch saloppe und derbe Redewendungen eingesetzt werden, und das sogar von Brecht, der sonst normalsprachliche bevorzugt, z.B.:

Wenn der Lobredner

Aufstehend vom Tisch der Machthaber sein Maul aufreißt
(Brecht IV, 1961, 81)

Es ist von mehreren Autoren betont worden, daß sich Phraseologismen gut zum Ausdruck von Spott, Humor und Satire eignen (S. Riesel, Schendels, 1975, 92). Dabei steigert sich Spott und Satire, gegen die politischen Gegner gerichtet, oft zur beißenden Ironie. Auch hier sind häufig saloppe und sogar derbe Redewendungen anzutreffen, so z.B. im Gedicht "Speiermann" von Weinert:

Er wußte nicht, in welchen Hintern kriechen,
Weil alles noch im Ungewissen war.
Und schien's im einen mehr nach Ruhm zu riechen,
So doch im andern mehr nach Honorar.

(Weinert, 1969, 112)

Völlig der Lächerlichkeit preisgegeben wird die Figur des rückgratlosen Biedermannes durch die letzte Strophe des Gedichts, wo auf den derben Phraseologismus der erstzitierten Zeile angespielt wird:

Herr Speiermann, es geht schon die Legende
Von einer Zeit, die keinen Hintern hat.

(Weinert, 1969, 113)

Ähnliche Beispiele sind bei allen Autoren anzutreffen.

Auch zur Beschreibung der Lage des arbeitenden Volkes finden sich oft Phraseologismen, seltener saloppe, häufiger umgangs- bis normalsprachliche:

Du stehst an der Stanze und machst deinen Kram,
Pro Tag fünftausend Beschläge.
Und kommst du nach Haus, bist du krumm und lahm

(Weinert, 1968, 86)

Zur Charakterisierung der Tapferkeit und Unbeugsamkeit der Klassenkämpfer werden vorwiegend normalsprachliche Phraseologismen eingesetzt, so im Gedicht "Grüß der Unbesiegbaren":

Wir lachen den Henkern ins Gesicht:
So stark ihr seid, uns besiegt ihr nicht!

(Weinert, 1968, 142)

oder im anläßlich des Dimitroff-Prozesses geschriebenen Gedicht "Dimitroff":

Ihr könnt ihn morden, doch nicht untersagen,
Den Kopf noch vor dem Henker hochzutragen.

(Weinert, 1968, 149)

Oft dienen die Phraseologismen zum Ausdruck einer eindringlichen Warnung, das sowohl an die eigenen Reihen als auch an den Gegner gerichtet sein kann. Besonders häufig treten sie in dieser Funktion in der westdeutschen politischen Lyrik auf, z.B. im Gedicht "Neues Gourage-Lied" von Semmer:

Schluß mit dem Wahn! Macht auf den Mund!
Ein großes Halt für die Bagage
Sonst kommen alle auf den Hund.

(Denkzettel, 1974, 113)

oder in "Raten" von Kittner:

Das Lachen wird ihnen schon vergehn,
die Raten wachsen im Handumdrehn.

...

Denn eines Tages im Handumdrehn
kann uns das Lachen sehr schnell vergehn.

(Denkzettel, 1974, 164 & 165)

Recht häufig anzutreffen in dieser Funktion ist der Phraseologismus 'j-d hat nichts zu lachen', so in "Die Abrüster" von Weinert:

Und wenn die mal ernst mit der Sache machen,
Dann haben die Herren wohl nichts mehr zu lachen!

(Weinert, 1968, 53)

Gut geeignet sind die Phraseologismen auch zur Gestaltung eines politischen Aufrufs, der durch sie besonders eindringlich und expressiv wirkt, so z.B. im Gedicht "Unser Marsch ist eine gute Sache" von Schütz:

Nimm dein Schicksal in die Hand,
steck den Kopf nicht in den Sand,
und laß dich nicht mehr verführen!

(Denkzettel, 1974, 135)

Ein in der einschlägigen Literatur oft beschriebenes Phä-

nomen ist die okkasionelle Abwandlung der Phraseologismen zu verschiedenen stilistischen Zwecken. Dabei wird betont, daß die okkasionellen Abwandlungen nach den Modellen der usuellen Modifikation durchgeführt werden und die Mechanismen der phraseologischen Variation bereits im Sprachsystem als Potenz für ihre okkasionellen Realisationen gegeben sind (Dobrovolskij, 1980, 695). Es handelt sich folglich dabei um eine durchaus normgerechte Einsatzmöglichkeit der Phraseologismen, die auch in der politischen Lyrik recht häufig auftritt.

Eine Besonderheit des Gebrauchs der Redewendungen in Gedichten besteht in der Veränderung ihrer Struktur oder ihres Komponentenbestandes, die durch Reim oder Rhythmus hervorgerufen sind.

Hier muß zunächst die Elision eines Vokals erwähnt werden, entweder aus Gründen des Reims:

Wer sein KommiBrot hat, der braucht nicht mehr!

Die Kerle müssen wieder schufteln lernen!

Jetzt kommt uns ja kein Streik mehr in die Quer!

(Weinert, 1978, 105)

oder des Rhythmus:

Als käm durch euch erst Ordnung in die Welt.

Zehn Jahre hat man euch das eingeredet.

Ihr zögt für Deutschlands Ruhm und Ehr ins Feld.

(Weinert, 1968, 197)

Aus gleichen Gründen kann auch ein Vokal hinzugefügt werden:

Die Polizei marschiert an unsrer Seite,

Die Polizei, sie gibt uns das Geleite.

(Denkzettel, 1974, 136)

Seltener ist die Auslassung eines Wortes (Konjunktion in Wortpaaren):

Hei, das geht ja drunter, drüber!

(Weinert, 1978, 22)

Ähnliche Fälle sind nicht besonders zahlreich (insgesamt 12) und finden sich vor allem bei Weinert.

Etwas häufiger ist die Veränderung der Reihenfolge der Komponenten des Phraseologismus. Besonders auffallend ist das bei Wortpaaren:

Wo wir kämpften Tag und Jahr

Spanien, das uns Heimat war

(Weinert, 1968, 179)

Wozu sind sie denn da, die Auserwählten,
man selbst versteht die Politik nicht gut,
wozu sich seinen eignen Kopf zerbrechen,

(Denkzettel, 1974, 180)

Seltener ist die Erweiterung des Komponentenbestandes in
anderen Gruppen der phraseologischen Einheiten:

Mit vorgeschriebenen Trauermienen
waren all die erschienen
die Rang, Namen und Aktien hatten

(Denkzettel, 1974, 243)

Auch hier erfolgt eine Konkretisierung der Bedeutung des Phra-
seologismus.

Eine Reihe von stilistischen Möglichkeiten ergibt sich
aus der Wechselwirkung zwischen Phraseologismus und Kontext.
Es kann sich dabei um Klein- oder Grobkontext handeln. Im fol-
genden Beispiel wird die Bedeutung des Phraseologismus 'ein
Platz an der Sonne' ('Glück, Erfolg im Leben') modifiziert:

Man sucht sich einen Platz an der Sonne,
Daß heißt mit Aussicht auf vorgesezte Plätze.

(Weinert, 1968, 19)

Im Falle dagegen:

Schon rollt der Zug durch Berg und Tal.
Das ist die Fahrt ins Blaue.
Nun seh ich endlich wieder mal
Die schönen deutschen Gaue

(Weinert, 1978, 125)

weist im unmittelbaren Kontext nichts auf eine Modifikation
der Bedeutung des Phraseologismus 'die Fahrt ins Blaue' (= 'ei-
ne kleine Vergnügungsfahrt, bei der das Ziel nicht vorher be-
kannt ist') hin, es entsteht ein Bild von einem ruhigen Wo-
chenendausflug. Erst im Grobkontext des ganzen Gedichts wird
deutlich, daß es sich keineswegs um 'eine kleine Vergnügungs-
fahrt' handelt, sondern es wird das schwere Schicksal der
deutschen Frauen beschrieben, die während des Krieges ihr
Zuhause verlassen mußten, um nach dem Willen der faschisti-
schen Machthaber an Arbeitseinsätzen teilzunehmen. Der so
entstehende Doppelsinn, an deren Schaffung der Phraseologis-
mus wesentlich beteiligt ist, trägt zur Schärfung der im Ge-
dicht enthaltenen Anklage bei.

Eine häufig benutzte Methode zum Erreichen besonderer sti-
listischer Effekte durch den Einsatz der Phraseologismen ist.

Auch der Austausch der Komponenten von Phraseologismen kann aus Gründen des Reims oder des Rhythmus erfolgen. So setzt Brecht die Redewendung 'j-m den FuB auf den Nacken setzen' folgendermaßen ein:

Wir möchten werden faul und dick
Im Dienen ganz erlahmen
Drum setz er uns auf das Genick
Den FuB! Schluß mit uns! Amen.

(Brecht III, 1961, 52)

Hier gibt es durch den Austausch der Komponente 'Nacke' durch das synonyme 'Genick' keine semantischen oder stilistischen Verschiebungen, die sonst beim Austausch von Komponenten auftreten, der einzige Grund scheint die dadurch geschaffene Möglichkeit des Reimes zu sein.

Rhythmusbedingter Austausch des bestimmten Artikels durch den unbestimmten liegt im folgenden Falle vor:

Und allsogleich kam eine Menschenmenge
Und trieb die drei in eine Enge.

(Brecht III, 1961, 134)

In den meisten Fällen jedoch ist mit dem Austausch einer Komponente eine Veränderung der Bedeutung verbunden. In der politischen Lyrik wird diese Möglichkeit oft verwendet, um komische Effekte zu erreichen. So benutzt Weinert in seinem "Der Kriegsverein feiert Denkmalsweihe" die Redewendung 'an allen Gliedern zittern' folgendermaßen:

Der Feldwebel zittert an allen Orden
Und ist ein bißchen nervös geworden

(Weinert, 1968, 17)

Hier wird der Austausch vorgenommen, um die Lächerlichkeit der Figur zu betonen.

Im folgenden Beispiel von Brecht wird das Zahlwort ausgetauscht:

... Wenn es

Statt einem Tropfen auf den heißen Stein jetzt zwei
Tropfen gibt

Ist das nicht eine Verbesserung?

(Brecht IV, 1961, 115)

Durch den Austausch von 'eins' durch 'zwei' wird die Intensivierung der Bedeutung erreicht, durch die Semantik der Ausgangsform bleibt jedoch das Merkmal 'unzureichend' erhalten, so daß mit Hilfe des Phraseologismus das Bild einer nicht

ausreichenden Verbesserung erreicht wird.

Wirkungsvolle Effekte lassen sich auch durch den Austausch des Possessivpronomens erzielen:

Hier in Hohen
Hause geht doch
alles
unsern Gang

(Denkzettel, 1974, 183)

Hat die Ausgangsform 'etw. geht seinen Gang' die Bedeutung 'etw. geht, wie es gewohnt, normal ist', so wird sie durch den Austausch des Personalpronomens zu 'etw. geht so, wie wir es wünschen' abgewandelt; erreicht wird dadurch die Bloßlegung des Parlamentarismus der herrschenden Klasse.

In manchen Fällen erfolgt der Austausch der Komponente auf der Grundlage der Paronymie (S. Девкин, 1980, 22, 28-29), so z.B. in "Der Republik zum achten Geburtstag" von Weinert:

Der schenkte ihr Puppen für Thron und Altar
Und Sternchen und Bleisoldaten;
Da war sie, obwohl sie sehr schwächlich war,
Ganz aus der Verfassung geraten.

(Weinert, 1968, 41)

Das auf dem paronymischen Austausch beruhende Wortspiel unterstützt hier die Doppeldeutigkeit der Aussage: die Entwicklung der Weimarer Republik wird hier als die Entwicklung eines kleinen Mädchens dargestellt, die wegen des Geschenks vor Freude 'aus der Fassung geraten' müßte, diese Redewendung wäre vom direkten Sinn des Gedichts ausgehend auch zu erwarten; der Austausch schafft einen Überraschungseffekt und bezieht sich auf den übertragenen Sinn des Gedichts: die einsetzende Militarisierung des Staates war ein Schlag gegen die Verfassung.

In den meisten Fällen wird vom Austausch die nominale Komponente einer verbalen phraseologischen Einheit betroffen, seltener ist der Austausch einer verbalen Komponente (gewöhnlich durch ein Synonym) oder einer der Komponenten in Wortpaaren. Doch auch in phraseologischen Ausdrücken und festgeprägten Sätzen können Komponenten (Wörter oder Wortverbindungen) ausgetauscht werden; besonders häufig greifen zu diesem Mittel die westdeutschen Dichter. Auch hier erfolgt der Austausch oft auf der Grundlage der Paronymie, z.B. im Gedicht "Familienbande" von Semmer, wo der Autor das Treiben

der 'oberen Zehntausend' einer Kritik unterzieht:

Was sagen wir im Abendlande,
was sagen wir als Mensch und Christ?
Vielleicht: daß die Familienbande
die stärkste aller Banden ist.

(Denkzettel, 1974, 364-365)

Die Wirkung dieser ironischen Aussage wird durch den Effekt der getäuschten Erwartung unterstützt: daß die Komponente 'der Band' durch 'die Bande' ausgetauscht ist, wird erst durch das im Singular stehende Verb 'sein' deutlich.

Wie der lehrhafte Charakter des der abgewandelten Form zugrunde liegenden Sprichworts zur Gestaltung eines politischen Aufrufs benutzt werden kann, zeigt das folgende Beispiel:

Reden ist Silber
Streiken ist Gold

(Denkzettel, 1974, 484)

Ein ebenso verbreitetes Mittel zur Abwandlung eines Phraseologismus ist die Erweiterung des Komponentenbestandes. In den meisten Fällen handelt es sich dabei um die Einführung eines adjektivischen Attributs in eine verbale phraseologische Einheit, seltener treten zusätzliche substantivische Attribute oder Adverbialbestimmungen auf. Die Bedeutung des Phraseologismus wird in den meisten Fällen aktualisiert und konkretisiert, um neue Elemente ergänzt:

Wenn ich mich auf meine Feinde besinne,
morgens, wenn mir der rote Kamm unterm Hut schwillt

(Denkzettel, 1974, 31)

Durch die Einfügung des adjektivischen Attributs 'rot' in die Redewendung wird die Bedeutung konkretisiert: 'j-d wird wütend über die herrschenden politischen Zustände'; die Adverbialbestimmung 'unterm Hut' ermöglicht aber eine Kritik an der dargestellten Person, an seiner Kompromißbereitschaft: die begründete Wut findet keinen Ausdruck in Aktionen, wird für sich behalten.

Oft wird durch dieses Mittel das ironische Verhältnis des Autors zum Dargestellten ausgedrückt, so z.B. zum Ausdruck der Kritik an der politischen Interesselosigkeit der Bundesbürger:

die Ausnutzung der Möglichkeit ihrer doppelten Aktualisierung, d. h. der Möglichkeit, sie sowohl in der übertragenen Bedeutung als auch in der direkten Bedeutung der ihnen zugrunde liegenden freien Wortverbindungen aufzufassen.

So trägt die Möglichkeit der doppelten Interpretation der Redewendung 'wie einst im Mai' (Weinert, 1968, 15) am Ende jeder Strophe des "Sozialdemokratischen Mailiedchens" zur Verstärkung der Aussage bei: einerseits wird im Text die übertragene Bedeutung 'wie früher, wie in den besten Jahren' realisiert und somit auf die revolutionären Traditionen der Sozialdemokraten hingewiesen, andererseits deutet der Titel aber auch auf die Möglichkeit hin, das Wort 'Mai' in der direkten Bedeutung aufzufassen und dadurch eine krasse Parallele zwischen vergangenen und aktuellen Ereignissen zu ziehen.

Die direkte Bedeutung einer Redewendung kann auch durch extralinguistische Tatsachen aktualisiert werden, so z. B. in "Der Ballade vom großen Zechpreller" von Weinert, in der das böse Treiben der Hitlerarmee in Europa folgendermaßen zusammengefaßt wird:

Das ist nun endlich das Ende vom Lied:
Man hängt die sauberen Gäste
An alle soliden Äste.

(Weinert, 1978, 129)

Das die Wirkung der Aussage verstärkende Wortspiel wird durch die Stellung der Redewendung am Ende des Gedichts möglich und durch das Adjektiv 'endlich' in der gleichen Zeile noch zusätzlich unterstrichen.

Durch die Auswahl der Phraseologismen aus einem bestimmten thematischen Bereich und ihren Einsatz im geeigneten Kontext kann mittels der doppelten Aktualisierung die Doppeldeutigkeit der gesamten Aussage erreicht werden. Das verdeutlicht "konzertierte aktion" von Karsunke:

weiterhin spielt kapital
die erste geige
politiker stoßen ins horn
die unternehmer
haun auf die pauke
daß vom schellenbaum klirrend
der sozialklimbim abfällt
(den arbeitern bringt man

die flötentöne noch bei)

(Denkzettel, 1974, 167)

Hier bestimmt die Doppeldeutigkeit der eingesetzten Phraseologismen die Doppeldeutigkeit der gesamten Aussage; durch die Konfrontation beider Bedeutungen wird die These von der Sozialpartnerschaft der Lächerlichkeit preisgegeben.

Dank dieser vielfältigen Einsatzmöglichkeiten (die hier keineswegs erschöpfend dargestellt werden konnten - verwendet werden auch Zeugma, Kontaminationen u. a. m.) sind Phraseologismen ein beliebtes Mittel in der politischen Lyrik, da sie dem Autor gestatten, eine einprägsame Darstellung der wichtigsten Tagesereignisse mit der persönlichen Stellungnahme in knapper Form zu vereinen, und den Leser zur Bildung einer eigenen Meinung anregen.

L I T E R A T U R

Brecht, B. Gedichte. Bd. III, IV. Berlin: Aufbau-Verlag, 1961.

Černyševa, I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. M.: Vysšaja škola, 1980.

Černyševa, I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen unter dem Aspekt 'Struktur - Semantik - Funktion' (Forschungsstand und Ausblick). - In: Linguistische Studien, Reihe A, H. 63, Berlin, 1979, S. 73-86.

Denkzettel. Politische Lyrik aus der BRD und Westberlin. Leipzig: Reclam, 1974.

Dobrovolskij, D. Zur Dialektik des Begriffs der Textbildenden Potenzen von Phraseologismen. - In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 1980, H. 6, S. 690-700.

Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975.

Stepanova, M.D., Černyševa, I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M.: Hochschule, 1975.

Weinert, E. Das Lied vom roten Pfeffer. Hundert Gedichte. Berlin: Aufbau-Verlag, 1968.

Weinert, E. Das pasteurisierte Freudenhaus. Satirische Gedichte. Berlin: Aufbau-Verlag, 1978.

Weinert, E. Der Frühling braust, wir ziehn fürbaB. Berlin:

Henschelverlag, 1969.

Weinert, E. Und diese Welt wird unser sein. Leipzig: Res-Lam, 1959.

Бакина М.А. Общеязыковая фразеология в современных стихотворных текстах. - Известия АН СССР, серия лит. и яз., 1980, № 2, с. 163-169.

Бакина М.А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной поэзии. - Русский язык в школе, 1980, № 3, с. 67-72.

Бакина М.А. Фразеологизмы и поэзия. - Русская речь, 1980, № 2, с. 30-34.

Баран Я.А. Фразеология в произведениях Бертольта Брехта. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

Данченко Н.Н. Стилистическое функционирование фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале стихотворных произведений Дж. Г. Байрона). Автореф. канд. дисс. М., 1977.

Девкин В.Д. Возникновение слов и фразеологизмов на базе частичного звукового подобия. - В кн.: Вопросы лексикологии немецкого и французского языка. М., 1980, с. 21-33.

Попова Н.Б. Фразеология поэтического контекста. - В кн.: Фразеологическая система немецкого и английского языков. Челябинск, 1979, с. 67-77.

Щербань Н.П. Фразеология в произведениях Вилли Бределя. Автореф. канд. дисс. Киев, 1975.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ

Карл Лепа

Р е з ю м е

В немецкой политической лирике фразеологизмы чаще всего используются для описания и охарактеризования политических событий, высмеивания политического противника, оформления политического призыва. При этом нередко используется возможность окказионального видоизменения фразеологизмов. Особенностью лирики являются изменения структуры или компонентного состава фразеологизмов под воздействием рифмы и ритма

(прежде всего замена одного из компонентов и изменение порядка слов). Большие возможности для оформления политического высказывания дает двойная актуализация фразеологизмов, часто используемая для создания двусмысленности целого высказывания.

VORDERSTELLUNG DES GENITIVATTRIBUTS BZW.
SEINES ERSATZES ALS INTERFERENZFAKTOR

Paul Lääne

Durch uralte estnische Volkslieder und Vergleiche mit anderen finnougri-schen Sprachen steht fest, daß das substantivische Genitivattribut im Estnischen schon immer vor seinem Bezugswort gestanden hat. Die Nachstellung ist in der Poesie, aber auch da sehr selten anzutreffen.

In der deutschen Gegenwartssprache steht der attributive Genitiv gewöhnlich nach dem Bezugswort, nur bei den biblischen Ausdrücken und sonst in gewählter Redeweise davor. Man muß aber beachten, daß die historischen Entwicklungsstufen des Deutschen - Althochdeutsch und Mittelhochdeutsch - sowie andere germanische Sprachen ursprünglich den Genitiv in der Vorderstellung hatten. So spricht J. Grimm davon, daß bei Ulfila nur wenige vorgestellte Genitive vorkommen, weil der gotische Übersetzer das griechische Original fast wörtlich übertragen zu haben scheint. Einige freier übersetzte Stellen lassen aber auch für das Gotische die Stellung vor dem regierenden Substantiv durchblicken. In alt- und mittelhochdeutschen Texten dominiert der vorgestellte Genitiv, in letzteren schon auch vom Pronomen oder Adjektiv begleitet, was die Entstehung der eigentlichen Zusammensetzungen beschleunigte. Das Frühneuhochdeutsche setzt dem früheren Gebrauch des Genitivs ein Ende. Zwar darf der Genitiv noch in bestimmten Fällen mit einem Pronomen bzw. Adjektiv vor dem regierenden Wort stehen, aber allgemein muß er die Nachstellung einnehmen (J. Grimm, 1826, 592-612). O. Behaghel (1923, 479) schildert phonetische Ursachen und den Verlauf dieser Entwicklung:

- 1) die Abschwächung der vollen Endvokale im Ausgang der ahd. Zeit;
- 2) die Entstehung endungsloser Genitivformen;
- 3) daher Unsicherheit ihres Gebrauchs und
- 4) der Untergang des Genitivs bis auf erstarrte Reste in den

heutigen Mundarten.

So wurde der Genitiv ausschließlich ein Kasus der Schriftsprache, und der Schriftsprache wurde auch die Entscheidung darüber überlassen, welche Stellung der Genitiv künftig neben dem Bezugswort einnimmt. Da das Genitivobjekt und genitivus partitivus zurückgedrängt wurden und auch für andere Genitivkonstruktionen früh Ersatz bereit lag, mußte das Genitivattribut die Vorderstellung aufgeben, um so mehr als dieser Stellungswechsel die Unterscheidung einer Zusammensetzung von einem Genitivattribut wesentlich erleichtert hat. Die Vorderstellung durften nur genitivische Eigennamen und Machthaberbezeichnungen (Gott, König, u.ä.) behalten.

Im Estnischen hat der Genitiv unter anderen Kasus immer eine primäre Position gehabt und ist bis heute der produktivste Kasus, der als Grundlage der substantivischen und adjektivischen Deklination dasteht, 19 Unterarten der Adverbialien aus insgesamt 23 allein oder mit Hilfe der Prä- und Postpositionen sowie das totale Objekt und nicht zuletzt zahlreiche Genitivattribute bildet. Die meisten Zusammensetzungen sind Genitivkomposita (Mihkla, u.a., 1974; Kask, 1967).

Diese Gegensätzlichkeit einerseits und Ähnlichkeit der Stellung zum Bezugswort andererseits, die zu Beginn des 19. Jh. vom Deutschen noch nicht ganz aufgegeben worden war, bietet sich für eine kleine Analyse des baltischen Hochdeutsch, das im 19. Jh. noch die Amtssprache im baltischen Raum war, wobei beim Umgang unter und mit dem Volk Estnisch bzw. Lettisch deutlich dominierten.

In seinem Werk "Languages in Contact" (1967), wo U. Weinreich ein System potentieller sprachlicher und außersprachlicher Stimuli und Resistenzfaktoren für Interferenz entwirft, deutet er an, daß die Nachweisung der syntaktischen Interferenz auf viele Schwierigkeiten stößt. Hier liegt ein Versuch vor, anhand der deutschsprachigen Schriften von deutschen und estnischen Autoren des 19. Jh. die Vorderstellung des Genitivattributs und auch attributiver Eigennamen als einen Interferenzfaktor aufzudecken.

1. Genitivische Eigennamen und Ersatz dafür. Die Eigennamen im Genitiv können bis heute entweder vor oder nach dem Bezugswort erscheinen, aber schon sehr früh entstanden präpositionale und adjektivische Ersatzvarianten für sie. Die

Tab. 1 bietet einen Überblick über ihren Gebrauch im Deutschen bei den estnischen Schriftstellern Fr.R. Faehlmann und Fr.R. Kreutzwald (Estnisch als Muttersprache), bei den baltendeutschen Autoren J. Boubrig und G. Schultz-Bertram und bei dem aus Deutschland gekommenen A. Hansen.

Wenn im Estnischen auf die Herkunft, den Besitz oder den Urheber hingewiesen werden soll, steht der entsprechende Eigennamen immer im Genitiv vor dem Bezugswort, wobei er immer groß geschrieben wird. Die adjektivischen Eigennamen, die übrigens mit dem Genitiv des substantivischen Eigennamens, z. B. Läti - läti (Lettlands - lettisch), zusammenfallen, werden, ebenso wie durch das Suffix -lik vom Eigennamen abgeleitete Adjektive, z.B. googollik, ameerialik, klein geschrieben (Valgma, Rimmel, 1968, 375).

Tabelle 1

Autor	E _G S		erw.E _G S		SE _G		von		-sch		-er	
	P	O	P	O	P	O	P	O	P	O	P	O
Kreutzwald	29	-	3	1	2	7	11	1	34	53	-	2
Faehlmann	12	-	4	-	5	1	5	1	16	16	-	1
Boubrig	-	-	1	-	1	1	-	2	-	16	-	-
Schultz-Bertram	20	3	5	-	8	14	6	11	5	15	-	7
Hansen	18	-	2	-	16	18	-	59	-	19	-	-

Abkürzungen: E - Eigennamen; P - Personenname; O - Ortsname; S - Substantiv; G - Genitiv; E_G - Eigennamen im Genitiv.

Deutsch hat bei Eigennamen in seiner früheren Geschichte fast ausschließlich die genitivische Vorderstellung gebraucht, heute wird auch bei diesem Genitiv die Nachstellung bevorzugt (Erben, 1965; Brinkmann, 1962). Früh entstanden nämlich konkurrierende Parallelkonstruktionen mit der Präposition "von" sowie den adjektivischen Suffixen -isch, -sch und später -er (noch H. Paul, 1919, zählt -er-Formen zu Genitiven, aber vgl. W. Fleischer, 1969). Wenn bei den Besonderheiten des Baltendeutschen gern auf die möglichen Einflüsse des Mittelniederdeutschen als der früheren Umgangssprache des Landes hingewiesen wird, zeigt die Bemerkung von A. Lasch (1914, 192), daß der Genitiv im allgemeinen noch erhalten ist, doch Beispiele

für die Umschreibung schon früh zu bemerken sind, z.B. de wittigsten van der stad (Hamburg 1270). Also könnte man hier noch lebhafteren Gebrauch der Präposition "von" erwarten, was aber nicht zutrifft.

Ausnahmslos setzen alle 5 Autoren Personennamen vor ihrem Bezugswort gern genitivisch ein, z.B. Bunges Archiv, Russowens Chronik, Mellin's Atlas, Warelius Schrift, genitivische vorgestellte Ortsnamen sind zufällig zu finden, z. B. Revals sämtliche Namen. Nur einige wenige EG erfahren Erweiterungen, z.B. Wannemuine's holde Tochter Jutta, Bertholds glückliche Kämpfe. Unsicherheit und Inkonsequenz sind beim Gebrauch des Apostrophs und der deutschen Deklination der Eigennamen zu sehen, z.B. Laakmanns, Laakmann's, Ilmarinens, Hudes, Russowens, Wannemuine's.

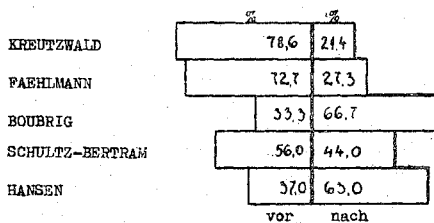
Die Nachstellung des Genitivs haben Kreutzwald, Boubrig und Hansen mehr für Ortsnamen behalten, nur Faehlmann weist hier eine Mehrheit der Personennamen auf, z.B. Erbauung Rigga's, Persönlichkeit Werros, aber Nachsicht Christians.

Für Faehlmann und Kreutzwald (auch Boubrig) ist "von" nicht ganz mundgerecht. Wie verbreitet "von" in Deutschland war, mag Hansen zeigen. Daß diese Entwicklung in Estland bevorstand, deutet Schultz-Bertram an, dessen hier analysierte Schriften 20 Jahre später erschienen und wo ein anderes Verhältnis im Attributssystem vorliegt.

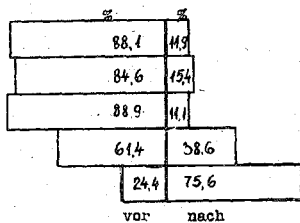
Das Suffix -sch, z.B. Masingsche Schrift, wird von deutschen Autoren nicht oder kaum bei Personennamen angewandt, sie heben es für Ortsnamen auf, z.B. die Harrienschen Geibeln, die Koiksche Kirche. Faehlmann und Kreutzwald ziehen Ableitungen mit -sch sogar dem adnominalen Genitiv vor, oder klang jener sogar für sie nicht genug deutsch.

Das Suffix -er ist erst im Kommen. Auch für substantivische Einwohnerbezeichnungen bringen alle außer Schultz-Bertram nur einige wenige er-Suffigierungen.

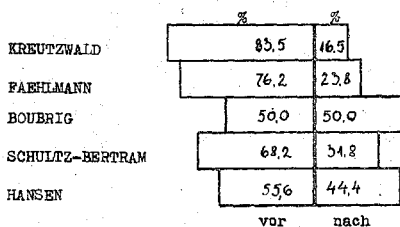
Der Genitiv und sein Ersatz interessieren uns, insofern sie uns Aussagen über die Bevorzugung bzw. Vermeidung des Eigennamens in der Vorderstellung machen können. Der genügende, aber nicht gleich große Umfang der Stichproben läßt den Vergleich der Absolutzahlen zu, doch besonders aufschlußreich sind die diagrammatischen Stellungsoptionen Genitiv - sein Ersatz und Personennamen - Ortsnamen nach ent-



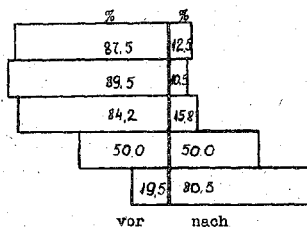
a) Genitiv



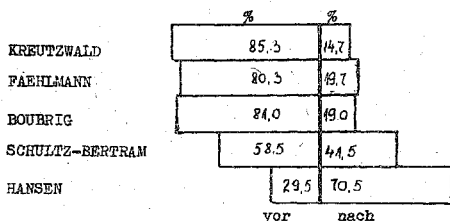
b) Genitiversatz



c) Attributive Personennamen
(Gen. + Ersatz)



d) Attributive Ortsnamen
(Gen. + Ersatz)



e) Summarisch: Gebrauch der
attributiven Eigennamen

Figur 1. Attributive Eigennamen in der Vorder- bzw. Nachstellung
bei 5 Autoren in Estland um die Mitte des 19. Jh.

sprechenden Prozentsätzen. Der durchschnittliche Gebrauch attributiver Eigennamen zeigt die Nähe der estnischen und baltendeutschen Autoren und somit ihre Abweichung vom Hochdeutsch an (Fig. 1).

Wenn Substantive im Genitiv individuelle Stilfärbung andeuten können, fußt der Gebrauch der Eigennamen viel mehr auf einer kollektiven Tradition. Große individuelle Schwankungen hier zeigen entweder ganz verschiedene Traditionen oder bewußtes Streben nach der Vermeidung fremder (estnischer?) Ausdrucksweisen.

Hansens Zuneigung gehört der Nachstellung, nur bei Personennamen überwiegt die Vorderstellung ein wenig, denn so war es üblich in Deutschland. Die Esten Kreutzwald sowie Faehlmann ziehen die Vorderstellung der Nachstellung bei Eigennamen deutlich vor. Der Baltendeutsche Boubrig, Estnischlektor an der Dorpater (Tartuer) Universität, fällt durch sein sehr widersprüchliches Verhalten auf: der Vordergenitiv und attributive Personennamen vor dem Hauptwort noch seltener als bei Hansen (liegt hier das Streben nach einem reineren Deutsch vor, als er es in Dorpat kannte), aber für Ortsnamen findet er unbedingt adjektivischen Ersatz mit dem Suffix -sch. Dieses Suffix ist überhaupt ein Liebling der Ostseeprovinzen, so daß hier Adjektive wie landsch u.ä. entstehen. Schultz-Bertram mag wegen der zeitlichen Differenz die Veränderungen beim Gebrauch des Vordergenitivs im Baltendeutschen widerspiegeln, ebenso wie seines Ersatzes in der Vorderstellung. Ihm kann man Purismus wohl nicht vorwerfen. Also gebrauchen analysierte Autoren attributive Eigennamen in der Vorderstellung sehr unterschiedlich. Hansen (regelmäßiges Hochdeutsch) stellt die untere Grenze, die Esten Kreutzwald und Faehlmann die obere Grenze dar, die Baltendeutschen Boubrig und Schultz-Bertram schwanken dazwischen, weil sie entweder unsicher in ihrem Deutsch sind oder baltendeutschen Traditionen folgen, die möglicherweise auf estnische Einflüsse zurückgehen.

2. Vorgestelltes Substantiv im Genitiv. Wenn der genitivische Eigenname vor dem Bezugswort um die Mitte des 19. Jh. noch allgemein üblich war, ist der Gebrauch des genitivischen Substantivs schneller zurückgegangen. Boubrig, Schultz-Bertram und Faehlmann benutzen den Vordergenitiv selten, Hansen wesentlich mehr (hauptsächlich S_GS) und Kreutzwald zahlreich.

Wichtig scheint, daß Deutsche alle ihre Beispiele für die Grundformel $S_G S$ bringen, für erweiterte Formeln findet sich kaum ein Beispiel. Faehlmann bietet Beispiele für 3, Kreutzwald für 6 Formeln.

Tabelle 2

Autor	$S_G S$	Adj $S_G S$	S_G AdjS	andere	Insgesamt
Kreutzwald	29	8	11	6	54
Faehlmann	4	4	3	-	11
Boubrig	3	-	-	-	3
Schultz-Bertram	4	1	-	-	5
Hansen	14	-	2	-	16

H. Brinkmann (1962, 76) spricht von der heute verschwundenen älteren Opposition zwischen vorangestellten Personen und nachgestellten Sachen. Deutsche Autoren folgen dieser Opposition konsequent, z.B. des Zuhörers Brust, des Dahingeschiedenen Wort. Neben ähnlichen Beispielen und der bewußten Poetisierung der Natur: des Meeres Brausen, des Donners weit hallende Stimme gebraucht Kreutzwald auch: des siebenten Stalls Thür, an deines linken Fußes kleinen Zeh, des Mundes Thor, der langen Rede kurzen Sinn. Daß hier estnisches Substrat im Spiele sein muß, beweisen auch die Übersetzungen der estnischen Volkslieder und Sprichwörter von Hupel und Neus (im Brief von Kreutzwald). Der estnische Genitiv verfolgt im Volkslied oder in einem anderen volkstümlichen Text kein ausgesprochen poetisierendes Ziel, doch wählen baltendeutsche Übersetzer für ihn nur Entsprechungen mit dem Genitiv vor dem Bezugswort aus. So Hupel: walle on jutto jatko = Lügen ist des Gesprächs Zusatz und Neus: Du wartetest auf des Vaters Bier, blicktest auf des Bruders Malz... Faehlmann hat wie Deutsche wenig für den Vordergenitiv übrig. Den 5 Beispielen für die Wanemuine-Sage, die alle in einem Satz vorkommen, mag ein estnisches Volkslied als ein Vorbild zugrunde liegen, um so mehr als dem Satz ein Bruchstück im Text folgt.

Erwähnenswert ist noch, daß 18 % aller gefundenen Vordergenitive irgendeine Präposition vor sich haben. Im früheren Deutsch war das vollkommen gang und gäbe, im 19. Jh. nur vereinzelt im gewöhnlichen Redefluß. Im Estnischen empfindet

man das als einzig richtig, denn die meisten estnischen Prä- und Postpositionen stehen mit dem Genitiv, so z.B. unter des Nordländers Festen - põhjamaalase pidude hulgas, vor des Bischofs Augen - piiskopi silmade ette. L. Sütterlin (1907) bezeichnet solche Fügungen schon bei Lessing als gezwungen. Von den genitivisch in der Vorderstellung gebrauchten Wörtern sind 76 männlich (73,7 %), 12 sächlich und 9 weiblich.

3. Abweichungen bei Zusammensetzungen. Die genitivische Vorderstellung läßt uns besser den Entstehungsmechanismus der Zusammensetzungen verstehen. Im Estnischen sind die Genitivkomposita am zahlreichsten, weil sie auf syntaktisch ausgebildeten Verhältnissen beruhen (Kask, 1967, 131). Ebenso ist es im Deutschen (W. Wilmanns, 1896), wo die Zusammensetzung oft darauf zurückzuführen ist, daß die zweigliedrige Konstruktion aus dem vorgestellten Genitiv und seinem Bezugswort irgendeine neue spezifische Bedeutung annahm und "das im Genitiv stehende den Begriff des Wortes an sich bezeichnende Substantiv sich in seiner Funktion dem ersten Kompositionsmitglied näherte" (Paul, 1919). Der im Mittelhochdeutschen hinzukommende Artikel bestätigte die Geburt des neuen Wortes. Die Bindeelemente -s, -en und -er übernahmen die Rolle der alten Bindevokale und verloren bei den sog. uneigentlichen Komposita im Neuhochdeutschen ihren genitivischen Charakter, konnten so aber an Bestimmungswörter angehängt werden, deren Genitiv anders gebildet wurde. Nachher fanden viele eigentliche Zusammensetzungen eine genitivische Erklärung oder bekamen Bindeelemente hinzu (Grimm, 1819, 605).

Zu Beginn des 19. Jh. war die Zusammenschreibung im Estnischen noch sehr unsicher. Ihr Gebrauch oder Nichtgebrauch ist mehr ein Ausdruck des individuellen Sprachgefühls als ein Resultat der allgemeinen Erkenntnis der Natur und der Bedürfnisse der estnischen Sprache. Wie die vorhandenen Grammatiken dieses Problem auffaßten, wird durch die Neuauflage der Grammatik Hupels (1818) deutlich. Durch mehrere Übersetzer bedingt, gab es in der damaligen Bibelübersetzung bis drei Schreibungsvarianten für einige Wörter, z.B. lesk naene, lesknaene, lesknaene. So eine Inkonsequenz übernimmt eigentlich auch Hupel, obwohl er im allgemeinen richtig die Bedingungen für die Zusammenschreibung anführt. Er verlangt nämlich einen Bindestrich im Falle einer Zweideutigkeit und Getrenntschrei-

bung langer Wörter, "weil schon jedes für sich dem Ersten bey dem Lesen einige Mühe macht". Dabei verdammt Hupel besonders die dörptestnischen Bücher, die "alles Maaß überschritten" hatten und bis drei Wörter zusammenfügten, z.B. pattuandisandmine (Hupel, 1818, 15).

Eine Stichprobe aus estnischen Teilen des Briefwechsels zwischen Faehlmann und Kreutzwald zeigt, daß sie die Zusammensetzungen mal getrennt, mal mit Bindestrich und mal zusammen schreiben. Die Zahl der losen Zusammensetzungen beträgt von 24 % bei Kreutzwald bis zu 34 % bei Faehlmann, z. B. mälletis kiwwi, kirja tähhe, ello päivil. Sehr vorsichtig sind beide beim Zusammenschreiben - 12,5-14,2 % (z.B. ellowisist, kirjasönnade, leiwapallockest) und bevorzugen den Bindestrich, z.B. ellö-igga, maa-illas, te-juhataja. Sichtbar wird die Inkonsequenz, die Zusammenschreibung hing weder vom Bestimmungs- noch Grundwort ab. So eine Sprachsituation verunsichert die schriftlichen Äußerungen der Esten in der deutschen Sprache, wo die Regeln der Zusammenschreibung feststanden. Bei Kreutzwald finden sich 23 getrennt geschriebene Zusammensetzungen. Da je 1 Beispiel bei Hupel in der Übersetzungsvariante eines estnischen Sprichwortes und auch bei Faehlmann vorkommen, kann das nicht für einen individuellen Fehler Kreutzwalds gehalten werden. So übersetzt Hupel: wana mees warreste (G) roog, musta linno (G) leiwa (G) kak, akkide (G) ninna (G) allone = ein alter Kerl der Krähen Speise, des Rabens Brod, der Dohlen Nasen Weide. Nach dem Bestimmungswort ist eine Gruppierung möglich:

- 1) im Singular mit einem Bindeelement, z.B.
zur Declinations Lehre - käänamisöpetuse juurde
das Recruten Loos - nekrutiliisk
- 2) im Singular ohne ein Bindeelement, z.B.
mit Bethaus Vorlesern - palvemaja lugejatega
die September Zahlung - septembri osamaks
- 3) im Plural - solche Fälle werden im Estnischen auch heute meistens getrennt geschrieben -, z.B.
dem Bücher Depot - raamatute ladu
meine Volkslieder Kenntniß - minu rahvalaulude tundmine
- 4) ein Name bzw. Titel eines Werkes
des Brodkorb Verfassers vgl. Kalevipoja autori
der Christus Lehre - Kristuse öpetuse
Im Estnischen heute möglich auch Bindestrichkombinationen.

Im Estnischen heute möglich auch Bindestrichkombinationen. Bei allen 4 Gruppen steht die estnische Übersetzung des Bestimmungswortes im Genitiv, dessen Zusammenschreibung mit seinem Grundwort im Estnischen bis heute noch Probleme schafft. Ein einziges getrennt geschriebenes Bestimmungswort bei Kreutzwald würde im Estnischen einen Nominativ oder ein Adjektiv abgeben: im Original Text - originaaltekstis oder originaalses tekstis.

Ähnlich der damaligen estnischen Sprache gebraucht das Baltendeutsche fleißig den Bindestrich bei Zusammensetzungen. Besonders reich an ihnen sind die Briefe von Faehlmann und Kreutzwald. Ein Bestandteil solcher Zusammenschreibungen ist 1) in einigen Fällen ein Eigenname, z.B. Emser-Wasser, Johannis-Abend; 2) meistens ein Fremdwort, z.B. Vogel-Scelet, Bücher-Catalog, Autor-Eitelkeit; 3) selten sind beide deutsche Wörter, z.B. Aller-Welts-Buch, Schweins-Leder. Bei Boubrig und Hansen sind solche Konstruktionen selten anzutreffen (Strand-Esten, Volks-Idiom, National-Epos). Schultz-Bertram steht der Häufigkeit nach wieder mal den Esten näher (Mühlen-Stauung, Gouvernements-Revisor).

Der Gebrauch des Genitivs, seines Ersatzes und der Zusammensetzungen deuten die Möglichkeit der syntaktischen Interferenz durch den estnischen Genitiv im Baltendeutsch an. Bei Esten, besonders bei Kreutzwald, wirkt die Muttersprache als Substrat, bei meist bilingualen Baltendeutschen kann das estnische Superstrat angenommen werden.

L I T E R A T U R

- Behagel, O. Deutsche Syntax. I. Heidelberg, 1923.
Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Düsseldorf, 1962.
Erben, J. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1965.
Faehlmanni ja Kreutzwaldi kirjavahetus. Tartu, 1936.
Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.
Leipzig, 1969.
Grimm, J. Deutsche Grammatik. Bd. 2, 4. Göttingen, 1826, 1839.
Hupel, A.W. Estnische Sprachlehre für beide Hauptdialekte.
Riga und Leipzig, 1818.
Kask, A. Eesti keele grammatika. III. 1. vihik. Tartu, 1967.

- Iasch, A. Mittelniederdeutsche Grammatik. Halle a.S., 1914.
- Mihkla, K., Rannut, L., Riikoja, E., Admann, A. Eesti keele lauseõpetuse põhiõoned I. Tallinn, 1974.
- Paul, H. Deutsche Grammatik. Bd. 3. Halle a.S., 1919.
- Schultz-Bertram, G.J. Gesammelte Schriften. Bd. 1. Dorpat, 1875.
- Sütterlin, L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1907.
- Valma, J., Rimmel, N. Eesti keele grammatika. Tallinn, 1968.
- Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft. Bd. 2. Dorpat, 1852.
- Weinreich, U. Languages in Contact. The Hague, 1967.
- Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Abt. 2. Straßburg, 1896.

ПЕРЕДНЯЯ ПОЗИЦИЯ ГЕНИТИВНОГО АТТРИБУТА И ЕГО
ЗАМЕНЫ КАК ФАКТОР ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Пауль Ляэне

Р е з ю м е

В статье рассматривается употребление генитивного атрибута и его замены в прибалтийском варианте немецкого языка у авторов разного происхождения. Предпочтение либо передней, либо задней позиции является основой сопоставления прибалтийско-немецкого с немецким и эстонским языками. Генитивный субстантив, именные словосочетания, и особенно ономастические атрибуты показывают возможности влияния эстонского языка на местные немецкие традиции.

ИЗУЧЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ПАУЗ ПСИХОЛИНГВИСТАМИ В СССР

Ингрид Майдре

В Советском Союзе психолингвистические изыскания начались несколько позднее, чем за рубежом и хотя они достигли высокого научного уровня в короткий срок, все же эксперименты в области пауз колебания в русской спонтанной речи до 70-х годов не проводились.

Первое исследование, полностью посвященное изучению пауз колебания, выполнено в 1976 г. (Бондаренко, 1976). Однако анализ автора основывался не на русской спонтанной речи, а на американском варианте английского языка, причем материалом послужили две лекции и два интервью, взятые у двух преподавателей колледжей США. До этого наличие пауз колебания отмечалось наряду с другими явлениями колебания, наблюдаемыми в эмоционально напряженной речи.

Целью анализа Бондаренко являлось определение фонетических характеристик синтагм с паузами колебания, влияние внутрисинтагменной паузы колебания на мелодическое оформление синтагмы и **воздействие** межсинтагменного колебания на мелодическое оформление предшествующей синтагмы, а также установление дистрибуции пауз колебания в речи. При идентификации синтагм исследователь исходила из щербовского понимания этой единицы как смыслового и фонетического единства.

Результаты проведенного анализа оказались почти идентичными данным зарубежных ученых. Большое число пауз колебания (590 у диктора - 1 и 618 у диктора - 2 в течение часа) обусловили тот вывод, что в спонтанной речи паузы колебания встречаются весьма регулярно и что они локализуются как между синтагмами, так и внутри них.

В проведенном исследовании 21% пауз колебания первого диктора и 22,5% второго располагаются на границах синтагм (как правило, перед придаточными или главными предложениями) и сопровождаются удлинением гласного в последнем перед паузой слове. Следует отметить, что выявленное процентное от-

ношение пауз колебания, расположенных на синтаксических границах, не совпадает с результатами Хоукинса (1971), в анализе которого две трети всех пауз находится на границах частей сложных предложений. Внутрисинтагменные паузы колебания встречаются в местах, синтаксически не обусловленных, и обычно реализуются после служебных слов — артиклей, предлогов, вспомогательных глаголов, глаголов-связок, произносимых автоматически. Явление пауз колебания внутри синтагм исследователь объясняет выбором говорящим лексических единиц.

На взгляд Бондаренко, несинтаксическая дистрибуция пауз колебания является не случайной. Как отмечает исследователь, "сама возможность появления хезитационной паузы разрешается синтаксической незаконченностью. Ясно, что должно быть продолжение" (Бондаренко, 1978, III). Поэтому, по мнению Бондаренко, хезитация не может быть принята за синтаксическую паузу.

Для выяснения влияния внутрисинтагменной паузы хезитации на фонетическое оформление синтагмы Бондаренко измеряла ЧОТ в точках интонационного контура, прерванного хезитацией, и сравнивала полученные результаты с результатами измерений ЧОТ в соответствующих местах тех же синтагм, но произнесенных без пауз хезитации. В материале диктора-1 результаты исследования показали, что существенному перепаду ЧОТ после паузы в основном соответствует существенный перепад в той же точке синтагм без паузы. В материале диктора-2 сравнение значений перепадов ЧОТ в двух типах синтагм показало, что в 48 синтагмах из 96 исследованных парных синтагм (50% материала) пауза хезитации не только прерывает мелодический рисунок во времени, но также и изменяет его.

Эти данные, свидетельствующие, что присутствие паузы хезитации, в принципе, не мешает исполнению программы интонационного контура, подтверждают предположения Бондаренко о том, что, во-первых, пауза хезитации не меняет мелодического рисунка синтагмы, а лишь прерывает его во времени и, во-вторых, интонационная структура высказывания запланирована так же, как и его сегментная структура и может удержаться в памяти говорящего, несмотря на довольно длительный перерыв во времени, который, безусловно, не запрограммирован. С другой стороны, результаты исследований (особенно на материале диктора-2) все же показывают, что пауза хезитации может изменять мелодическое оформление синтагмы, причем количествен-

ные характеристики перепада высоты тона могут варьироваться индивидуально.

Бондаренко исследовала также влияние паузы колебания разной длительности, на величину перепада ЧОТ после нее. Результаты исследования показали, что нет закономерности, согласно которой определенная длительность паузы вызвала бы определенное изменение ЧОТ.

Результаты эксперимента Бондаренко по восприятию паузы hesitation показали, что она, часто сопровождающаяся нефонемным удлинением фонем и замедлением темпа, во многих случаях не воспринимается испытуемыми как перерыв во времени. Ее исследования также показывают, что тесно связанное по смыслу, но разделенное фонетически, воспринимается тем не менее как целое. Довольно длительная пауза не нарушает здесь смысловую цельности. Синтаксическая пауза такой длительности **начала** бы весьма значительную самостоятельность расчлененных его отрезков.

Аналогичные результаты по распределению, длительности и функции пауз колебания **получены Тошовым (1977)** на материале немецкой монологической речи (лекции и интервью). Задачей Тошова было: 1) отграничить паузы колебания от синтаксических пауз; 2) проверить гипотезу Лоунсбери о том, что паузы в роли пограничного сигнала, то есть синтаксические паузы, и паузы нерешительности разграничиваются по своей длительности (первые более длительны, чем вторые); 3) выяснить, является ли распределение внутрисинтаксических пауз случайным или же ему присущи какие-то закономерности.

Эксперимент Тошова подтвердил выводы о том, что в текстах более спонтанного характера (в данном анализе - интервью) общая длительность пауз (в том числе и длительность синтаксических пауз) больше, чем в текстах неспонтанного характера (в данном анализе - лекции).

Данные, полученные в анализе, тоже показали, что синтаксические паузы и паузы колебания не разграничиваются по своей длительности. Анализ внутрисинтаксических пауз колебания выявил, что они имеют место после служебных слов (предлогов союзов), а также после грамматических слов (определенного и неопределенного артикля) и усилительных частиц, которые не характеризуются обобщенным лексическим значением, синтаксической функцией в предложении и сочетаемостью с другими частями речи. Возникающие после указанных слов паузы ко-

лебания Тошов объясняет тем, что говорящий совершает в это время отбор лексических единиц для дальнейшего построения высказывания.

Особый интерес с точки зрения немецкого языка представляет, по мнению Тошова, весьма регулярное размещение пауз колебания вслед за вспомогательными и модальными глаголами и перед неизменяемой частью сложных глагольных форм. Это наблюдение дает исследователю возможность высказать предположение о том, что данные паузы в отличие от названных выше, являются полезным сигналом для слушающего в том смысле, что они помогают выделить основной стержень высказывания — синтаксическую группу глагола, которая в связи с общими структурными тенденциями в строе немецкого языка приобретает в данном языке особое значение с точки зрения оформления предложения в целом.

Хотя паузы колебания стали предметом пристального изучения лишь в 70-х годах, в предшествующем десятилетии имели место значительные психолингвистические исследования, выполненные Каспаровой и Шейкиным.

Сфера изучения Каспаровой охватывает семантику (Каспарова, 1960) и восприятие пауз (Каспарова, 1964). Исследователь основывается на том предположении, что, хотя основная информация в речи передается звуковыми сегментами, остановки в фонации также несут семантическую и лингвистическую информацию. Они могут выражать **отношения** между отдельными речевыми сигналами (соединительные и разделительные паузы), предупреждать об изменении предмета высказывания, а также свидетельствовать об эмоциональном состоянии говорящего и о его типе высшей нервной деятельности (Каспарова, 1960).

В области восприятия пауз Каспарова (1964) пытается дать объяснение тому распространенному явлению, что отмечаемые слушающими паузы не совпадают с перерывами в кривых, фиксируемых осциллографом, и наоборот, то есть физический перерыв не воспринимается как пауза. Каспарова ставит перед собой задачу раскрыть различие между перерывом в фонации и воспринимаемой паузой, найти, что же определяет восприятие паузы, и выяснить, в какой степени восприятие паузы обусловлено знанием слушающего структуры языка и семантического содержания речи. По мнению Каспаровой, перерыв есть физическое явление и представляет собой незаполненный звуком период времени или временное отсутствие звука. Пауза определяется ею

как воспринимаемое явление, соответствующее познаваемому восприятию перерыва в фонации.

Изучая восприятие перерывов в речевых и неречевых сигналах, а вместе с тем в тех случаях, когда пауза фиксируется слушающим, хотя перерыва фактически не было, исследователь приходит к заключению, что пауза — сложное явление, не связанное лишь с перерывом в фонации или с разными диапазонами речевой мелодики. Возможность идентификации перерыва в фонации и мелодического оформления предложения или части предложения как речевой паузы, вероятно, определяется нормой языка, приобретенной человеком в процессе речевой практики, семантическим содержанием и экспрессивной формой речи, культурой речи и множеством других факторов.

С другой стороны, эксперименты Каспаровой показывают, что человек способен компенсировать намеренное искажение паузы при восприятии структурно организованного сигнала. Поскольку перерывы в словах не обусловлены структурой языка, вероятность их появления в этой позиции очень низка и человек их не слышит, — это относится к перерывам в 25 — 100 мс. Когда перерыв в односложном слове увеличивается до 150—200 мс., гласный звук исчезает и слово не идентифицируется. Все же в этих случаях паузы не воспринимаются. Восприятие пауз также не обеспечивается лишь контрастами в высоте основного тона. В то же время паузы в точках синтаксических границ воспринимаются при весьма плавных изменениях в высоте основного тона.

Шейкин (1966) связывает явление паузации в речи с речевым программированием в человеческом мозге и дыханием в процессе говорения. Он пытается определить, включаются ли паузы, подобно другим компонентам высказывания, в речевую программу (то есть, за каждым предложением должна следовать пауза) или их реализация обуславливается особенностями работы механизмов, синтезирующих и осуществляющих речевые программы (то есть дыхание). Вопрос о том, зависят ли паузы в речи только от биологической потребности дыхания или также от других факторов (например, психологического состояния читающего, необходимости соблюдения правил экспрессивного чтения), непосредственно входит в сферу интересов исследователя. По мнению Шейкина, пауза в речи означает перерыв в работе артикуляционного аппарата, во время которого все органы артикуляции находятся в положении покоя.

Анализ исходного материала, состоящего из простых и сложноподчиненных предложений, а также из предложений, специально отобранных для выразительного чтения, которые были прочитаны вслух тринадцатью чтецами, позволил сделать следующий вывод: паузы не включаются в артикуляционные программы; они должны рассматриваться только как остановки в потоке речи, вызванные либо психологическими (неготовность читающего произносить следующий речевой сигнал), либо физиологическими (потребность восполнить запас воздуха) причинами.

Данные Шейкина показали также, что паузация в речи глубоко индивидуальна и в значительной степени зависит от длительности предложений. Сегменты текста, разделенные паузами, могут включать самостоятельные предложения, самостоятельные предложения или даже несколько предложений. При выразительном чтении паузы в большей степени обусловлены желанием читающего не только передать чью-то речь, но и манеру речи, то есть, речевым поведением говорящего. Исходя из этого, Шейкин приходит к выводу, что паузы в речи не могут служить надежными сигналами для сегментации речевого потока на грамматически и семантически связанные единицы.

По данным Шейкина, взаимосвязь дыхания и паузации такова, что при чтении коротких предложений не все паузы сопровождаются дыханием, в то время как при чтении длинных предложений почти все паузы являются также дыхательными.

Таким образом, психолингвистическое изучение пауз в СССР затрагивало почти те же проблемы, что и за рубежом (распределение пауз, их длительность, восприятие и функция), причем в результате анализа были получены весьма близкие данные. Было, например, установлено, что паузы реализуются и там, где они не обусловлены синтаксически, то есть в пределах синтаксических единиц и что их число возрастает в текстах более спонтанного характера.

Подобные синтаксически нерелевантные паузы локализируются вслед за служебными словами, модальными глаголами и союзами. Это позволило предположить, что функция данных пауз колебания состоит в выборе лексических решений.

Изыскания относительно длительности пауз не подтвердили гипотезы Лоунсбери и Барика, что паузы колебания должны быть продолжительнее пауз стыка. В изучении восприятия пауз результаты советских исследователей также совпали с данными зарубежных коллег: паузы колебания не воспринимаются слушателями как действительные паузы.

Вместе с тем изучению подвергались некоторые новые аспекты паузации, которыми не занимались за рубежом, а именно, мелодический контур пауз колебания. Было установлено, что паузы колебания не влияют на мелодику синтаксических единиц, а это, в свою очередь, объясняет, почему паузы колебания, как правило, не воспринимаются в качестве паузы. Эти данные подтверждают также гипотезу Бутчера (1973), что паузы воспринимаются не за счет прекращения фонации, а за счет изменений в ВОТ.

Предлагаемый Каспаровой подход к речевым паузам тесно связан с лингвистикой текста. Особое внимание уделяется информации, передаваемой паузами. Поскольку восприятие пауз в речи не только связано с прекращением фонации или контрастами в ВОТ, речевые паузы – сложное явление, и их восприятие должно также в большей степени зависеть от норм языка, приобретенных в результате речевой практики, семантического содержания, формы выражения языка и некоторых других факторов.

Следует также отметить наблюдение советского ученого, которое заключается в том, что в немецком языке паузы перед главным элементом сказуемого играют экспрессивную роль.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Бондаренко Л.П. К вопросу о хезитационном членении речи. ВЛУ, 20, 1976, с. 135-140.

Бондаренко Л.П. О роли пауз хезитации в мелодическом оформлении синтагмы. – В кн.: Интонация. – Киев: Вища школа, 1978, с. 103-112.

Каспарова М.Г. О речевой паузе. – Ученые записки МРПИИЯ им. М.Тореза. Исследования языка и речи. М., 1960, с. 146-149.

Каспарова М.Г. Восприятие паузы. АКД, М., 1964.

Тошов З.Б. Фонетические средства сегментации немецкой монологической речи. АКД. М., 1977.

Шейкин Р.Л. К анализу механизмов возникновения пауз в речи. – В кн.: Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков. М., 1966, с. 31-44.

Butcher, H. Pausen. – *Phonetik Liel*, 1973, S. 19-39, 83-92, 97-112.

Hawkins, P.R. The syntactic location of hesitation pauses. – *Language and Speech*, Vol. 14, 1971, pp. 277-288.

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES OF SPEECH PAUSES IN THE USSR

Ingrid Maidre

S u m m a r y -

The article gives a survey of the work done by Soviet psycholinguists on the study of speech pauses.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Мирский

Предложение как языковой феномен уже давно привлекает внимание исследователей. Главные достижения в его изучении приходятся в основном на вторую половину XX в., шестидесятые и семидесятые годы которого составили фактически эпоху синтаксиса в языкознании. Создано множество концепций предложения, возникли и прочно вошли в обиход новые понятия синтаксической теории (например, валентность, интенция, синтаксическая дистрибуция, поверхностная и глубинная структуры, актанта и др.). Особую значимость среди них приобрели понятие модели предложения и связанное с ним понятие синтаксического моделирования, ставшие ключевыми понятиями типологии предложения. Исследования же в этом направлении образовали область наиболее интенсивно разрабатываемой синтаксической проблематики. Ее разработка не прекращается и в настоящее время, хотя проблемные ракурсы, безусловно, смещаются (Москальская, 1981).

Но еще большую актуальность вопросы моделирования предложения приобретают в рамках теории функциональных стилей. Их освещение в ракурсе функциональной стилистики предполагает опору на количественные показатели употребительности/неупотребительности тех или иных моделей предложения в том или ином функциональном стиле. Из количественных данных должна вырастать такая совокупность признаков, которая позволила бы "дать качественные характеристики различным стилям" (Троянская, 1978, 50).

Количественные данные в принципе могут быть репрезентантами самых различных явлений языка — слов, словоформ, словосочетаний, предложений и т.д., и базу функционального стиля образует статистическая картина организации всех (различных) языковых средств. О.А. Лаптева называет это "цементирующей основой функционального стиля и языка вообще" (Лаптева, 1978, 21). Но именно роль предложения как единицы языка в

статистической картине организации стиля можно считать особой, точнее - особенно важной (см.: Паремская, 1978; Сурков, 1978, 20I-2II; Гречко, 1978).

В данной статье рассматриваются объективные модели предложения (Nn-Vf-Na/o/; Nn-Vf-Ng/o/; Nn-Vf-Nd/o/; Nn-Vf-pNa/o/; Nn-Vf-pNd/o/; Nn-Vf-Nd/o/-Na/o/; Nn - Vf - Na/o/-Na/o/; Nn-Vf-Na/o/-pNa/o/; Nn-Vf-Na/o/-pNd/o/; Nn-Vf-Nd/o/-pNa/o/; Nn-Vf-Nd/o/-pNd/o/*) в плане их вариативности по функциональным стилям, т.е. прослеживается, как указанные модели предложения ведут себя в условиях текстовой реализации, имеющей функционально-стилистическую обусловленность - принадлежность к одному из трех функциональных стилей современного немецкого языка - литературно-художественному, газетно-публицистическому и научно-техническому.

Материалом анализа послужила общая совокупность предложений в количестве 15 000, сформированная на основе трех выборок (5 000 каждая) по каждому из трех названных функциональных стилей. Конкретно это были произведения современных писателей ГДР и ФРГ, номера газеты "Neues Deutschland" за 1975-1977 годы, научные журналы по физике, электронике и радиотехнике.

Полученные в результате обработки картотеки по каждому стилю количественные показатели позволяют рассмотреть три названных стиля и отдельно и в сопоставлении. Опорой для анализа служит таблица I показателей употребительности объектных моделей предложения по трем названным стилям. Сам анализ не ограничивается рассмотрением одних только статистических данных, он дополняется качественным анализом (Адмони, 1963), в основу которого положены стилиевые черты - "внутренние качественные сущности функционального стиля ..., которые непосредственно обуславливают реализацию определенной системы языковых средств на всех уровнях" (Riesel, Schendels, 1975, I6I-I62)

Как показывает таблица I, самой частотной моделью во всех стилях выступает модель Nn-Vf-Na/o/. Но все же чаще она употребляется в стиле художественной прозы. Это представляется вполне закономерным, если принять во внимание, что языковой план в этом стиле обычно подвижен, как и сам ход мысли. Переплетение разных форм подачи содержания с преоблада-

* Vf - финитный глагол; Na, Ng, Nd, Nn - падежные формы; /o/ - дополнение; p - предлог.

нием глагольного способа оформления предложения создает постоянно отсутствующий этому стилю элемент динамики. Сказанным можно объяснить то, что стиль художественной прозы противопоставлен двум другим стилям, особенно стилю научной прозы, по признаку высокой частотности в нем моделей с двухместными глаголами и беспредложным аккузативом. Это признанные в немецкой грамматике модели акциональных глаголов, в их основе лежит идея действия, активного, динамического, побуждающего к ответному действию (Степаненко, 1971, 7-8).

Таблица I. Частотность объектных моделей предложения в трех стилях современного немецкого языка

№№ ПП	Модели	Газета		Худ. проза		Научн. проза	
		Числ. показа- тель	%по- каза- тель	Числ. пока- за- тель	% по- каза- тель	Числ. по- за- тель	% пока- за- тель
I.	Nn-Vf-Na/o/	1495	29,9	1740	34,8	750	15
2.	Nn-Vf-Ng/o/	5	0,1	5	0,1	12	0,24
3.	Nn-Vf-Nd/o/	96	1,92	165	3,5	55	1,1
4.	Nn-Vf-pNa/o/	249	4,98	255	4,9	177	3,54
5.	Nn-Vf-pNd/o/	419	8,38	207	4,14	415	8,3
6.	Nn-Vf-Nd/o/-Na/o/	122	2,44	133	2,66	18	0,36
7.	Nn-Vf-Na/o/-Na/o/	11	0,22	5	0,1	6	0,12
8.	Nn-Vf-Na/o/-pNa/o/	42	0,84	22	0,44	49	0,98
9.	Nn-Vf-Na/o/-pNd/o/	21	0,42	33	0,66	18	0,36
10.	Nn-Vf-Nd/o/-pNa/o/	5	0,1	11	0,22	1	0,02
11.	Nn-Vf-Nd/o/-pNd/o/	16	0,32	3	0,06	2	0,04

Среди объектных моделей заметной активностью в стиле художественной прозы характеризуется модель на основе двухместных глаголов с беспредложным дативом (3,50%), тогда как в научной прозе она встречается реже всего, а газетный стиль в этом отношении занимает промежуточное положение. Такое распределение указанной модели не является случайным. Значение датива определяется как отношение действия к адресату, а стилистическую значимость данная модель получает благодаря воз-

никающим по ассоциации коннотативным оттенкам, связанным с обращением к лицу или предмету, внутренне непосредственно участвующему или заинтересованному в действии или состоянии. Это "внутреннее участие" и является уже само по себе в какой-то мере коннотацией. Не случайно датив адресата "максимально приглушен" в стиле научной прозы в силу свойственной ему обобщенности, объективности, безличности и ошутим в газетном стиле. В стиле же художественного повествования "личный" характер датива повышает одушевленность содержания ~~высказывания~~, создает контактность, личное отношение, что очень существенно для общей выразительности текста.

Модель с беспредложным генитивом не употребительна во всех исследованных стилях в силу того, что количество глаголов, управляющих родительным падежом как объектом, в немецком языке невелико. В процессе исторического развития немецкого языка родительный падеж все более закрепляется в сфере субстантивных словосочетаний в функции определения (Ацмони, 1955, 343; Филичева, 1977, 56-57).

Но если прямой адресат — лично окрашенный чистый датив не характерен для так называемых деловых стилей — научного и газетного, то предложный датив как компонент модели предложения имеет в них значительное распространение. Такое распределение моделей с предложным дативом объясняется многообразием его семантических оттенков (Duden, 1962, 175; Филичева, 1973, 27), позволяющих дифференцированно выразить различные связи и отношения, а главное — выбирать из их арсенала те, которые диктуются коммуникативными задачами стиля.

По мнению ряда лингвистов, в современном немецком языке наблюдается тенденция к утверждению более дифференцированных форм выражения разнообразных отношений в системе языка (Duden, 1962, 175). А использование материала показывает, что предложный датив как компонент модели предложения почти равномерно распределен в стилях газеты и научной прозы. Видимо, он обеспечивает здесь допустимую в рамках данных стилей полифункциональность средств выражения.

Объектные модели на основе трехместных глаголов употребляются в текстах различной стилиевой принадлежности не так часто, как модели на основе двухместных глаголов. Такие конструкции предложения считаются тяжеловесными, потому что их основу образуют глаголы с так называемой "комплексной валент-

ностью" (Филичева, 1968, 135-144). Стиль газеты однако, выполняя информационную функцию, прибегает к подобным синтаксическим конструкциям несколько чаще в силу того, что они обеспечивают высокую компактность высказывания как раз благодаря глаголам комплексной валентности. Фактически каждый глагол этого типа выступает сразу как "ядро двух субмоделей" (Филичева, 1977, 52), максимально конденсируя, "сжимая" передачу информации.

Таким образом, полученные на основе анализа текстовых выборок количественные данные оказались специфичными для каждого из исследованных стилей, т.е. составили внутрисклассовые и межсклассовые характеристики распределения синтаксических структур. Сопоставление стилей позволяет констатировать, что ни один из рассмотренных стилей не показывает равномерной реализации моделей предложения. И вместе с тем очевидно, что различные модели обладают различной степенью зависимости от функционального стиля. Почти полное отсутствие одинаковых чисел при сравнении стилей можно считать свидетельством того, что синтаксический уровень играет очень важную роль при стилеобразовании. Фактически большая часть количественных показателей распределения синтаксических структур, моделирующих отношения между стилями, приобретает релевантность в плане лингвостилистической типологии даже при той элементарной процентной статистике, которая использовалась при анализе картотеки материала.

Наличие разных частотных показателей для разных стилей подкрепляет положение, согласно которому функциональные стили различаются не столько качественно, т.е. разными наборами языковых единиц или структур, сколько количественными характеристиками распределения одних и тех же структур в текстовой реализации, т.е. скорее характером комбинаторики общих языковых средств (форм, конструкции, структур и т.п.).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.
- Адмони В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. - Вопросы языкознания, 1968, № 4.
- Гречко В.К. Модели предложений статического класса в научном стиле речи. - В кн.: Стиль научной речи. М., 1978.
- Лаптева О.А. Современная публичная русская речь в свете теории стилей. - Вопросы языкознания, 1978, № 1.
- Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. - М.: Высшая школа, 1981.
- Паремская Д.А. Структурные и функциональные черты именного способа оформления высказывания (именного стиля) в современном немецком языке. АКД. Минск, 1978.
- Степаненко Л.Г. Стилистическое значение и стилистическая значимость падежа в современном немецком языке. АКД. М., 1971.
- Сурков Н.А. Употребление моделей предложения в официально-деловом стиле современного немецкого языка. - В кн.: Иностранные языки для научных работников. Теория и практика преподавания. М., 1978.
- Троянская Е.С. К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей. - В кн.: Стиль научной речи. М., 1978.
- Филичева Н.И. Глаголы с комплексной валентностью и особенности их функционирования в речи. - В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 1. - М.: Из-во МГУ, 1968.
- Филичева Н.И. Синтаксис глагольных словосочетаний в немецком литературном языке. АДД. М., 1973.
- Филичева Н.И. Синтаксические поля. М., 1977.
- Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leningrad, 1962.
- Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik. Moskau, 1975.

FUNKTIONAL - STILISTISCHE BEDINGTHEIT
DER SATZMODELLE IN DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE

Anatoly Mirsky

R e s ü m e e

Im vorliegenden Artikel wird versucht, mit Hilfe der statistischen Angaben die Spezifika der drei Funktionalstile der deutschen Gegenwartssprache - der schönen Literatur, der wissenschaftlichen Prosa und der Zeitung - in bezug auf die Verteilung der sogenannten Objektmodelle des Satzes nachzuweisen. Infolge der Untersuchung wurde festgestellt, daß der Gebrauch der Satzmodelle stildifferenzierend sein kann und durch die Stilzüge bedingt ist.

SOME NOTES ON RECENT AND CURRENT RESEARCH INTO ENGLISH
AND THE TEACHING OF ENGLISH (6):
CONTRASTIVE STUDIES

Oleg Mutt

The bulk of the work in the field of comparative-contrastive linguistics in the second half of this century has involved English as one of the two or more languages compared. Consequently the present series of review articles cannot afford to overlook this aspect of research on and the teaching of the English language.

In the 19th century comparative-historical linguistics or comparative philology was concerned mainly with establishing historical and genetic connections between languages. Modern contrastive linguistics, especially in the last few decades, has tended to concentrate on the theoretical problems of language typology, linguistic universals, translation theory, etc. and their practical applications. The contrastive analysis of languages has become highly systematic, seeking to specify all the differences and similarities between the compared languages, and is as a rule rigidly based on one of the linguistic models currently in vogue.

In foreign language teaching the confrontation of the learner's mother tongue and the target language has long been recognized as an excellent way of highlighting the structure of the latter. In the process of comparison one language acts as a foil which makes the peculiarities of the other stand out more conspicuously, thus revealing what are sometimes unexpected features. In this field, too, the process of comparison has become much more systematic.

The recent development and present state of the contrastive analysis of languages in general and of English in particular have received much attention (see, e.g. James, C., 1972; Sajavaara, K., 1977; Raabe, H., 1980). As much of this material is readily accessible, the present survey will

limit itself to a few introductory remarks, a review of the major research projects and a summary of what the latter have contributed or hopefully will contribute to our knowledge of English and to its more efficacious teaching.

Modern contrastive analysis (CA) in America and Western Europe goes back to the theoretical writings of Uriel Weinreich and Einar Haugen in the 1950s. The "foundation charter" of CA is seen in Robert Lado's little book on language contacts ("Linguistics across Cultures", 1957). In 1959, under the auspices of the Center for Applied Linguistics in Washington, D.C., work was started on the Contrastive Structure Series. The aim of this series was to describe the similarities and differences between English and each of the five foreign languages most commonly taught in the USA: French, German, Italian, Russian and Spanish. The first studies to appear were the monographs of W. Moulton and H. Kufner on the phonology and grammar of German (both came out in 1962). Studies of Spanish and Italian were also produced while contrastive presentations of Russian-English and French-English have not been published. On the whole the results of the American Contrastive Structure Series were somewhat disappointing because work on the series was started before an adequate theory of contrastive linguistics had been set up and before adequate descriptions of the source and target languages had been carried out (Nickel, G., 1972, p. 223).

During the three decades that the term contrastive analysis has been in current use abroad this area of linguistic study has shown a remarkable amount of vitality in the face of widespread and often severe criticism. This criticism has been due mainly to the failure of CA to solve the problems set for it in the 1950s. There are as yet no complete contrastive presentations of any two languages for the reason that no full description of any single language has been produced. Opinions still differ widely on such central issues of CA as (1) whether CA is of predictive (the so-called) Strong Hypothesis of CA) or only of diagnostic value in language teaching, (2) the degree to which interference strength is proportionate to the typological distance between source and target languages, (3) the theory of transfer (Sajavaara, K.,

1977, pp. 13-20).

At the same time as CA has been criticized it has paradoxically attracted more and more research workers and new research projects have been launched. In America contrastive linguistics may be said to have reached its high-water mark in the publication of several volumes of the Contrastive Structure Series in 1962-1965 (see above, p. 82). A reappraisal of the value and objectives of CA began at the Round Table Conference held at Georgetown University (Washington, D.C.) in 1968. The conference introduced error analysis as an alternative to CA. The re-evaluation of CA continued at the Pacific Conference on Contrastive Linguistics and Language Universals held in 1971. On the whole, it is true to say that CA petered out in America after the late 1960s together with the taxonomic type of structuralism on which it was based. At the same time the interest in this field of linguistic study began to spread in Europe. A number of projects were started, practically all of which had pedagogical applications as their major objective. Several of these projects were based on the theory of transformational generative grammar which was then in fashion. The vitality of contrastive linguistics is proved by the international conferences held regularly every 2-3 years (thus, the 5th International Conference on Contrastive Projects took place at Jyväskylä University, Finland, in June 1982) and the rapidly growing literature in the field now amounting to thousands of items (see, e.g. Sajavaara, K. & Lehtonen, J., 1975).

The best known of the European CA projects are the German-English PAKS, the Polish-English project in Poznań, the Serbo-Croatian English project in Zagreb, the Romanian-English project in Bucharest, the Hungarian-English project in Budapest. More recent projects include the Swedish-English project (SECS) in Lund and the Finnish-English project in Jyväskylä. The earlier projects have been described also in publications of Tartu State University (Mutt, O., 1973; Liiv, H., 1980) and need not be gone into in detail here.

The German-English PAKS (= Projekt für Angewandte Kontrastive Sprachwissenschaft) project was originally launched at the Department of English of the University of Kiel and directed by Professor Gerhard Nickel. In 1969 it was trans-

ferred from Kiel to Stuttgart. The project concentrated on the problems of applying transformational-generative grammar to CA. After a promising start the project was discontinued owing to lack of funds. The Polish-English project directed by Professor Jacek Fisiak in Poznań has been highly productive (see Bibliography in "Papers and Studies in Contrastive Linguistics", Vol. 4, Poznań, 1976). Since the mid-1970s it has tended to concentrate mainly on theoretical questions within the framework of generative semantics. The Yugoslav Serbo-Croatian English project was started by Rudolf Filipović of Zagreb University in 1966. After a few years spent on preparatory organizational work it began organizing conferences and publishing papers and monographs in 1970. The Zagreb project has been very productive and has contributed significantly to applied contrastive studies and linguistic theory. The Romanian-English project directed by T. Slama-Cazacu has lately concentrated on a psycho-linguistic approach to error analysis. The English-Hungarian project under L. Deszö and E. Stephanides is showing signs of increasing activity.

The more outstanding recent contrastive projects involving English are the Swedish-English Contrastive Studies (SECS) project in Lund, which has concentrated on error analysis, and the contrastive analysis of Finnish and English started by the Departments of English and Phonetics of the University of Jyväskylä in 1974. The Jyväskylä project (directed by Professor Kari Sajavaara and Jaakko Lehtonen) publishes a series of collections of papers called "Jyväskylä Contrastive Studies" (8 issues to date). It has also compiled a select bibliography of CA of over 1,000 titles covering 1965-1975). The work on contrastive English-Finnish studies done at Jyväskylä and other centres in Finland (e.g. error analysis at Åbo Akademi) is of particular interest for Anglicists in the Estonian SSR because of the closeness of Estonian and Finnish (Pikver, A., 1981, p. 91).

In the Soviet Union there is a tradition of comparative-contrastive studies going back well into the 19th century. During the past quarter of a century these studies have focussed mainly on language typology, linguistic universals, translation theory and practice, and language teaching methodology (see, e.g. Широква А.Г., 1981, p. 130). One of the

fundamental principles of foreign language teaching in the Soviet Union has always been that of a conscious approach to language learning through the medium of the mother tongue (Petrova I.B., 1975, pp. 41-43). This has resulted in a vast number of manuals, textbooks as well as hundreds of articles and dissertations devoted to English grammar, phonetics and vocabulary which contain comparisons with Russian or the numerous other languages spoken and taught as a mother tongue in the USSR. Space does not permit us to give an account here of comparative-contrastive studies involving English that have been carried out in the Soviet Union although such a survey is badly needed because Anglicists in Western Europe, the USA and elsewhere are as a rule not any too well acquainted with the research directions and achievements of their Soviet colleagues.*

Added proof of the importance attached to contrastive studies in the Soviet Union was the inclusion of a new discipline "Comparative typology of the native and target languages" in the curriculum of teacher training colleges (pedagogical institutes) in the early 1970s. A number of textbooks dealing with the comparative typology of English and Russian have been published, notably those by V.D. Arakin (1979, provided with a select bibliography) and I.G. Koshevaya & Y.A. Dubovski (1980). One should also mention a contrastive grammar brought out in 1981 by the eminent Soviet Anglicist V.N. Yartseva and a reader in contrastive linguistics compiled by A. Pikver of the Tallinn Pedagogical Institute likewise in 1981.

.....

It has often been stated that contrastive studies and error analysis are unnecessary since they can only reveal what experienced teachers know already. However, everybody is not an experienced teacher and moreover, the knowledge of an individual teacher cannot be expected to be complete or systematically organized (Johannson, S., 1975, p. 336). Most teachers of foreign languages probably need the information which has been and can be revealed by both contrastive analysis and

* Some idea of the wealth of relevant material can be obtained from the bibliographies of Soviet publications on the English language compiled by B. Butte and K. Hansen (1966-1972), and by G.M. Reikhel (1973).

error analysis. Only a fraction of the vast amount of contrastive material available has so far been examined and this has been done mainly with regard to the major languages such as Russian, German, French and Spanish. Much remains to be learned about the nature of English from the results of existing comparisons of English with scores of other European, African and Asian languages. The theoretical and practical value of contrastive and typological studies should not be over-estimated as it has been in some quarters abroad. Pursued critically and in moderation, however, such studies have a substantial contribution to make to extending our knowledge of the structure and functioning of English and to improving the ways in which the language is taught.

R e f e r e n c e s

- Butte, B. - Hansen, K. Bibliographie sowjetischer Veröffentlichungen zur englischen Sprache. 1955-1965. - Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1966, 14. Jhrg., Hft. 4 - 1972, 20. Jhrg., Hft. 3.
- James, C. Some crucial problems in the theory of contrastive linguistics. - In: The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. B. Studies 5. Zagreb, 1972, pp. 46-56.
- Johannson, S. The uses of error analysis and contrastive analysis (II). - English Language Teaching Journal, Vol. 29 (1975), No. 4, pp. 330-336.
- Liiv, H. On contrastive studies. - In: Лингвистические и методические вопросы преподавания иностранных языков в вузе и школе. Methodica, IX. Tartu, 1980, pp. 96-100.
- Mutt, O. The Development of English Language Studies in the 16th-20th Centuries. - Tartu: TRÜ rotaprint, 1982.
- Nickel, G. Project on applied contrastive linguistics: a report. - In: Active Methods and Modern Aids in the Teaching of Foreign Languages. Papers from the 10th F.I. P.L.V. Congress. - London: OUP, 1972, pp. 217-226.
- Pikver, A. Testide kasutamiseest keeleõppija vigade uurimisel Soomes. - In: Лингвистические и методические вопросы обучения разным видам речевой деятельности и проблемы

- тестирования. *Methodica*, X. Tartu, 1981, pp. 91-96.
- Raabe, H. Trends in kontrastiver Linguistik. - Reviewed by L. Siegrist, *International Review of Applied Linguistics*, 1981, Vol. 19, No. 3, pp. 258-261.
- A Reader in Contrastive Linguistics / Department of English, Tallinn Pedagogical Institute. Compiled by A. Pikver. Tallinn: TPI rotaprint, 1981.
- Sajavaara, K. & Lehtonen, J. (eds.). A Select Bibliography of Contrastive Studies 1. Reports from the Department of English 1. Jyväskylä, 1975.
- Sajavaara, K. Contrastive linguistics past and present and a communicative approach. - In: *Contrastive Papers. Jyväskylä Contrastive Studies*, 4. Jyväskylä, 1977, pp. 9-30.
- Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - Ленинград: Просвещение, 1979.
- Косевова И.Г., Дубовский Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков. - Минск: Вышэйшая школа, 1980.
- Райхель Г.М. /составитель/. Англистика в СССР. Библиографический указатель статей и материалов научных конференций /1945-1970 гг./. - Калинин, 1973.
- Рогова Г.М. Методика обучения английскому языку /на английском языке/. - Ленинград: Просвещение, 1975.
- Широкова А.Г. Новый журнал по сопоставительному изучению языков /"Съпоставително езикознание"/, - Вопросы языкознания, 1981, № 2, стр. 130-138.
- Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. Москва: Наука, 1981.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
В ОБЛАСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ (6)

Олег Мутт

Р е з ю м е

В последние три десятилетия в ряде стран появились центры по сопоставительному (контрастивному) изучению английского языка и возникли т.н. проекты двуязычных контрастивных исследований, которые объединяют усилия многих ученых и ставят своей целью дать по возможности полное описание особенностей (сходств и различий) сопоставляемых языков. В статье рассмо-

трены более важные из этих проектов в США, ФРГ; Скандинавских странах, Югославии, Польше и т.д., и достигнутые ими результаты. Дается также краткий обзор типологического и сопоставительного изучения английского языка в Советском Союзе.

О ВАЛЕНТНОСТИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Анн Пиквер

В своей грамматике зависимости Л.Теньер исходит из глагола как центра предложения и рассматривает валентность глагола как его способность иметь в своем окружении определенное число открытых позиций, которые должны быть заполнены приглагольными элементами или актантами (см. детальный обзор работы Л.Теньера: Rätsep, 1972). За последние 20 лет, однако, понятие валентности в лингвистике значительно расширилось. В настоящее время проблематика валентности особенно активно разрабатывается советскими и зарубежными германистами. Так, по определению М.Д.Степановой, понятие валентности в основном соответствует понятию сочетаемости одноуровневых единиц языка друг с другом (Степанова, 1973, 7; Степанова, Хельбиг, 1978, 138), хотя некоторые другие советские языковеды отличают валентность как потенцию и сочетаемость как ее реализацию.

Далее немного о некоторых общих тенденциях в развитии проблематики валентности в свете работ советских германистов (особенно работы М.Д.Степановой) и лингвистов ГДР. Как было отмечено, под валентностью слова здесь понимается его способность вступать в связь с другими словами. В основе таких сочетаний слов лежат валентностные свойства составляющих данного сочетания и связь между компонентами рассматривается как их реализованная валентность. Валентно-зависимые члены группы подчиняются носителям валентности и этой подчинительной связи характерна предсказуемость, так как главный компонент определяет (предсказывает) форму зависимого (см. Белошапкина, 1974, 84). В данной концепции валентности выделяются следующие новые аспекты в сравнении с трактовкой Л. Теньера.

I. Если Л. Теньер под валентностью понимал грамматические, синтаксические отношения, то теперь речь идет о логи-

ческой, семантической и синтаксической валентности (или уровнях валентности). Логическая валентность — это внеязыковое отношение между понятийными содержаниями, семантическая валентность выявляется на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов, синтаксическая валентность предусматривает обязательную или факультативную заполняемость открытых позиций определенного числа и вида, различную в отдельных языках (Степанова, Хельбиг, 1978, 157). Но ясно, что всякая сочетаемость слов является результатом сочетаемости смыслов, поэтому сочетаемость всегда семантически обусловлена и синтаксическая валентность — это отражение логической и семантической валентности.

2. В вербоцентрической концепции Л.Тенбера валентность связывалась преимущественно с глаголом, в настоящее время она рассматривается как свойство и других частей речи, особенно прилагательных и существительных (см. обзор развития данного подхода: Sommerfeldt, Schreiber, 1980, 13-14). Следует, однако, подчеркнуть, что и при такой широкой трактовке валентности глагол рассматривается как главный носитель валентности в предложении (Степанова, Хельбиг, 1978, 170, 187-189), который обладает только активной валентностью. Имя существительное, с другой стороны, обладает как активной, так и пассивной валентностью, так как оно может выступать и в качестве носителя валентности, и в качестве валентно-зависимого партнера. Подчеркивается, что валентностные отношения у других частей речи не только иные, чем у глагола, но они различны и у разных частей речи (Степанова, Хельбиг, 1978, 195).

3. Актантами или валентностными партнерами являются все слова, заполняющие позиции, открываемые носителем валентности. Если в грамматике зависимости в качестве актантов рассматриваются субъекты и объекты, то в описываемой концепции понятие актанта гораздо шире и включает в себя и предикативы и часть традиционных обстоятельств, а при существительных — и некоторые определительные слова. Л.Тенбер ограничился в своем определении валентно-способных членов чистыми падежами существительных и исключал предложные группы; теперь считают, что предложные дополнение и обстоятельства, если они валентно-связаны с главным членом, также должны быть включены в модель валентности (Степанова, Хельбиг, 1978, 146-147).

Таким образом, дистрибуция слова как сумма всех окружений, в которых данное слово встречается, может заключать в себе три вида позиционных элементов: случайные соположения слов, свободные распространители, дополняющие и определяющие главное слово, но не связанные с ним валентностью и, в третьих, валентно-зависимые компоненты. В связи с этим возникает вопрос о разграничении этих трех видов окружений. Указывается, что с этой целью можно применять тест на опущение или элиминирование, анализ по НС, позиционный анализ и т.д. (Степанова, Хельбиг, 1978, 177-179; Малинович, 1968, 34-48). Представляется, однако, что при разграничении должны учитываться данные как о логико-семантическом, так и синтаксическом анализе предложения, где встречается изучаемая группа слов.

4. На синтаксическом уровне актанты носителя валентности разделяются на факультативные и обязательные (обязательные). Первые при определенных условиях, зависимых от контекста и речевой ситуации, допускают опущения, другие нет. Те и другие различимы путем теста на элиминирование — если актант может быть элиминирован, а предложение остается грамматичным, то актант является факультативным. Отграничение факультативных актантов от свободных распространителей осуществляется при помощи перефразировки (Степанова, Хельбиг, 1978, 175-180).

Как представляется в свете данной трактовки валентность имени существительного? Она, хотя и "относится до известной степени к спорным вопросам" (Степанова, 1979, 3), все-таки считается доказанной, так как существительное в функции именного предикатива является носителем валентности предложения, в других своих функциях оно, действуя как ядро словосочетания, тоже, следовательно, является носителем валентности (Sommerfeldt, Schreiber, 1980, 9). Подчеркивается, однако, что валентность существительного труднее поддается описанию, чем валентность глаголов, потому что вопрос соотношении синтаксической и логико-семантической валентности становится для существительного центральной проблемной (Степанова, Хельбиг, 1978, 208). М.Д.Степанова и Г.Хельбиг считают, что существительные в принципе имеют все три вида валентности, в том числе и синтаксическую. Авторы словаря валентности и дистрибуции немецких существительных К.-Е. Зоммерфельдт и Г. Шрейбер разделяют это мнение, подчеркивая, что

все рассматриваемые в их словаре существительные имеют как логико-семантическую, так и синтаксическую валентность, но при анализе словарных единиц они говорят о валентности в общем плане, не различая уровней. И действительно, четкое разграничение уровней валентности, которое даже при глаголе иногда кажется довольно искусственным, при анализе сочетаемости существительных еще труднее. Трудность эта связана с тем фактом, что условия сочетаемости слова всегда заданы его лексическим значением или, другими словами, семантическая валентность, которая вытекает непосредственно из лексического значения слова, является в принципе синтаксическим свойством слова (ср. Апресян, 1974, II9-120).

По мнению М.Д.Степановой и Г.Хельбиг, синтаксической валентностью обладают только отглагольные и отадактивные существительные и даже среди таких существительных только те, которые обозначают процесс или свойство (т.е. сохраняют значение производящих глаголов и прилагательных), характеризуются четко выраженной и поддающейся описанию синтаксической валентностью (Степанова, Хельбиг, 1978, 214). Но вопрос о том, какие существительные какую валентность имеют, кажется, еще не полностью решенным. Так, К.-Е. Зоммерфельдт и Г. Шрейбер включают в свой список носителей валентности и синсемантические слова типа *Anatomie*, *Bruder*, которые требуют семантического, не синтаксического дополнения. В своей работе от 1979 года М.Д.Степанова тоже говорит об обязательной и, таким образом, синтаксической, валентности некоторых других классов существительных (Степанова, 1979, 4-5).

Что касается обязательности и факультативности актантов существительных, то М.Д.Степанова и Г.Хельбиг отмечают, что на синтаксическом уровне существительное не имеет обязательных актантов и поэтому обязательные актанты соответствующих исходных глаголов и прилагательных при их номинализации становятся факультативными (Степанова, Хельбиг, 1978, 209). К.-Е. Зоммерфельдт и Г. Шрейбер тоже подчеркивают, что почти все актанты существительного являются факультативными (Sommerfeldt, Schreiber, 1980, 18). В одной из своих статей М.Д.Степанова, однако, признает наличие у существительных обязательной валентности и выделяет семантические группы таких существительных - обозначения действий, состояний и лиц, образованные от глаголов и прилагательных с обязательной валентностью, обозначения семейных, общественных и служебных

отношений, обозначения меры и неопределенного количества и некоторые абстрактные существительные, которые в немецком языке требуют "объяснительного генитива" (Степанова, 1979, 4-5).

Если изучению валентностных свойств существительного немецкого языка посвящен целый ряд теоретических работ и есть даже словарь валентности существительных, охватывающий, правда, только 750 существительных, то в английском, а особенно в эстонском языке эта область довольно мало исследована.

В английском языке существительное обладает самой высокой категориальной валентностью среди всех классов слов, так как оно способно комбинироваться не только с любым другим морфологическим классом, но и с самим собой (Бурлакова, 1975, 82). То же самое можно сказать и об эстонском существительном. В обоих языках, таким образом, существительное обладает активной и пассивной валентностью, т.е. является как носителем валентности, так и валентно-зависимым партнером. В английском языке синтаксическая позиция существительного является существенной для определения количества зависимых членов. минимальное количество зависимых наблюдается в позиции предикативного члена, а максимальное - в позиции дополнения (Бурлакова, 1975, 89); для эстонского языка соответствующие данные отсутствуют.

В свете концепции валентности М.Д.Степановой и Г.Хельбиг к именной группе в английском и эстонском языках могут принадлежать факультативные актаны и свободные распространители. Действительный состав группы определяется словообразовательным типом и семантическим классом существительного-ядра.

Как отмечалось выше, синтаксической валентностью обладают только существительные, соотносительные в словообразовательном отношении с глаголами и именами прилагательными. Среди таких существительных имена действия, образованные от переходных глаголов, выделяются более четко выраженной глагольной семантикой и вследствие этого они в большей мере сохраняют формы сочетаемости базисных слов. Субстантивированная интенция в именах действия обычно направлена на объектный определитель. Отглагольные существительные, однако, имеют различную степень смысловой полноты. Есть такие имена действия, которые почти всегда нуждаются для точности переда-

ваемого им значения в присоединении объектного определителя (напр. англ. *reference to something, respect for somebody*; эст.: *millegi vbi kellegi vabastamine*). С другой стороны, есть семантически более автономные отглагольные существительные, которые не требуют наличия такого определителя, но и не исключают его (*a talk on something, vbitlus millegi eest*). Так как степень обязательности реализации зависимого компонента в этих двух группах не совсем одинакова, некоторые авторы утверждают, что синтаксическая валентность существительных первой группы к объектному определителю является облигаторной (см. об этом напр. Малинович, 1968, 49-58), что, однако, противоречит теории М.Д.Степановой и Г. Хельбиг.

Валентностная связь между существительным-ядром и субъектным (*Mary's respect for ...; ... vabastamine sbdurite poolt*) и обстоятельственным (*his work at the office, meie kohtumine raamatukogus*) определителями слаба как в английском, так и в эстонском языке.

Валентностные партнеры имен действия в обоих языках могут иметь различные грамматические формы. Рассмотрим это на примере объектного определителя. В английском языке переходные глаголы могут принимать как беспредложное, так и предложное дополнение. В качестве валентно-связанных партнеров соответствующих отглагольных существительных преимущественно действуют предложные группы (напр.: *the election of the president, a reference to Mr Smith*), хотя и формы притяжательного падежа и притяжательного местоимения не исключены (напр.: *Tom's arrest, his release*). Действие семантического фактора перекрещивается с действием грамматического фактора в эстонском языке, где отглагольные существительные, как и базисные глаголы, управляют определенными падежами. Переходные глаголы в эстонском, как известно, управляют партитивом, имена действия, образованные от таких глаголов в силу своей именной природы вместо партитива управляют генитивом (напр. *uurima tähti* → *tähtede uurimine*).

Существительные, обозначающие лица как производителей какого-либо действия, в английском и эстонском языках, как и в немецком, имеют на одну единицу валентности меньше, чем базисные глаголы - отпадает актант, занимающий при глаголе место подлежащего (*he represents the press* → *a representative of the press; ta õpetab meie lapsi* → *meie laste õpetaja*).

Это объясняется тем, что имя деятеля называет не только само действие, но и его производителя (Зоммерфельдт, 1980, 7). **Объектный определитель имени деятеля в английском языке получает форму притяжательного падежа или выражается предложной группой (John's teacher, the owner of this house), в эстонском языке он выступает в форме генитива.**

Имена состояния или результата действия составляют семантическую группу отглагольных существительных, которая чаще всего отличается от базисных глаголов как значением, так и валентностью.

Что касается классификации существительных по числу актантов, то в принципе в обоих языках есть существительные без актантов, существительные с одним, двумя или тремя актантами. Между такими группами и определенными семантическими классами существительных нет прямого соответствия в исследуемых языках, как, впрочем, и в немецком (см. напр. Степанова, Хельбиг, 1978, 216-217). С логико-семантической точки зрения существительные довольно часто являются трехместными (напр. *abiturientidele tunnistuste kätteandmine direktori poolt*), однако, все три открытые позиции в речи редко замещаются в обоих языках.

В заключение отметим, что термин "валентность" получили в лингвистической литературе очень много различных интерпретаций и он довольно часто становится синонимом всякой совместной встречаемости (см. напр. структурные модели именных групп в статье И.А.Фроловой: Фролова, 1980). Такому слишком широкому и недифференцированному пониманию валентности, впрочем, способствует и приведенная в начале данного обзора дефиниция валентности, которая, таким образом, кажется не совсем удачной.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974.
- Белошапкина В.А. Сложное предложение и словосочетание. К вопросу об изоморфизме в синтаксической системе. - В кн.: Грамматическое описание славянских языков. - М.: Наука, 1974, с. 79-89.
- Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975.

- Зоммерфельдт К.-Е. Семантика и валентность имен существительных-наименований деятеля с суффиксом -er. - Иностранные языки в школе, 1980, 3, с. 7-10.
- Малинович М.В. Разграничение свободного именованного словосочетания и простого соположения слов, имеющих внешне одинаковую структуру. - Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1968, с. 34-48.
- Малинович М.В. Валентность имен действия и ее реализация в структуре именованного свободного словосочетания. - Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1968, с. 49-58.
- Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). - М.: Изд-во МГПИИЯ им. М.Тореза, 1973.
- Степанова М.Д. Валентность существительных и потенциальные слова (на материале немецкого языка). - Ученые записки МГПИИЯ им. М.Тореза, вып. 145. М., 1979.
- Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. - М.: Высшая школа, 1978.
- Фролова И.А. Характер валентности в структуре субстантивных групп в современном английском языке. - В кн.: Структурные аспекты слова и словосочетания. - Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1980, с. 113-122.
- Rätsep, H. Valentsiteooriat ja selle kriitikat. - Keel ja struktuur VII. Tõid struktuuraalse ja matemaatilise lingvistika alalt. - Tartu: TRÜ, 1972, lk. 119-152.
- Sommerfeldt, K.-E., Schreiber, H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1980.

NOUN VALENCE IN ENGLISH AND ESTONIAN

Ann Pikker

S u m m a r y

The aim of the present article is to discuss briefly the views advanced by G. Helbing and M. Stepanova concerning the valence properties of the noun. The illustrative material has been drawn from English and Estonian.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НЕКОТОРЫХ ГРУПП КАЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ

Мадис Салувеэр

О. Еще в 1965 году Н.Хомский отмечал, что "наречие - это богатая, но пока что мало изученная система" (Chomsky, 1965, 219). Хотя за минувшие годы в нашей стране и за рубежом появилось немало работ, изучающих разные свойства данной части речи (см., например, Гвишиани, 1979; Лассан, 1980; Янович, 1978; Greenbaum, 1969; Hartvigson, 1969; Jacobson, 1975, 1978;), она до сих пор сохранила за собой статус "самой коварной части речи" (Jackendoff, 1972, 47). Изучение семантических свойств разных групп наречий тесно переплетается с проблемами, связанными с логическими свойствами естественного языка как такового. Особенно остро данный вопрос встает при построении систем искусственного интеллекта, понимающих естественный язык. Разработчики таких систем всегда сталкиваются с двумя проблемами: во-первых, где, когда и какие выводы делать, во-вторых, проблема "целного" характера выводов: как далеко можно /нужно идти при выводах, которые делаются на основе имеющейся информации, т.к. из существующих выводов можно делать все новые и новые выводы, и этот процесс можно продолжать бесконечно. В данной статье мы коротко остановимся и на этой проблеме.

Изучая все многообразие того языкового явления, которое называется "наречием", исследователи часто вынуждены ограничиваться определенными группами и подгруппами наречий, чтобы не теряться в огромном материале. В настоящей работе мы рассмотрим семантические и логические свойства группы качественных наречий (хотя сделаем и маленький экскурс в класс модальных слов). В то же время нам не избежать и некоторых других проблем, потому что "полное семантическое описание слова ... шире, чем его значение и включает, кроме значения, сведения о пресуппозициях, о вызываемых словами семантических ассоциациях, о логическом акценте и ряд других" (Апресян, 1979, 513).

И. Л.Карттунен (Karttunen, 1970, 1971) первым обратил внимание на системный характер отношений следствия между определенными группами глаголов и имен прилагательных, выступающих в предложении в роли предиката, и связанными с ними придаточными предложениями или инфинитивными конструкциями. Семантически такие предложения представляют собой конструкции типа "предикат-аргумент(ы)", где аргументом могут служить и номинативные и обстоятельственные конструкции, а также конструкции в виде придаточного предложения или инфинитива. Число аргументов у предиката может быть различным и зависеть от семантики конкретного слова. Такую зависимость удобно представить в виде дерева



где n - число аргументов при данном предикате.

Карттунен различал 6 классов предикатов в зависимости от типа отношения следствия (см.таблицу).

Класс предиката	Форма предикатного слова	Следует об аргументе	Примеры
Фактивы	PRED(S) ~PRED(S)	S S	знать понимать
Позитивные импликативы	PRED(S) ~PRED(S)	S ~S	удаваться
Негативные импликативы	PRED(S) ~PRED(S)	~S S	переставать
Односторонние позитивные импликативы	PRED(S) ~PRED(S)	S -	заставлять причинять
Односторонние негативные импликативы	PRED(S) ~PRED(S)	- ~S	возможен способен
Недетерминативы	PRED(S) ~PRED(S)	- -	приказывать желать

Несколько замечаний к приведенной таблице. PRED(S) обозначает положительную форму предиката, ~PRED(S) - отрицательную форму предиката, S - обозначение истинности аргумента, ~S - ложность аргумента, - обозначает, что выводы об истинности/ложности аргумента вообще делать нельзя.

Для иллюстрации приведем несколько примеров.

ФАКТИВЫ.

- (1) Отец знал, что сын болен
- (2) Отец не знал, что сын болен

Из предложений (1) и (2) всегда следует (3)

(3) Сын болен

Позитивные импликаты

(4) Ей удалось купить эту книгу

(5) Она купила эту книгу

(6) Ей не удалось купить эту книгу

(7) Она не купила эту книгу

Негативные импликаты

(8) Дождь перестал (идти)

(9) Дождь не идет

(10) Дождь не перестал (идти)

(11) Дождь идет

Односторонние позитивные импликаты

(12) Мать заставила сына учиться

(13) Сын учится

(14) Мать не заставила сына учиться

Если предложение (14) взято вне контекста, то нам не известно, учится сын или нет.

Односторонние негативные импликаты

(15) Мальчик не способен переплыть через озеро

(16) Мальчик не переплывет через озеро

(17) Мальчик способен переплыть через озеро

Но переплывет он действительно или нет, этого мы сказать не можем.

Недетерминативы

(18) Учитель приказал ей идти домой

(19) Учитель не приказал ей идти домой

И при предложении (18) и при (19) мы одинаково не в состоянии определить, пошла она домой или нет.

Классификация Каргунена охватывает глаголы и имена прилагательные. Возникает вопрос: можно ли расширить эту классификацию наречиям, и есть ли у наречий какие-то особенности в сравнении с другими частями речи. Этим проблемам посвящены следующие разделы настоящей статьи.

2. Главной функцией наречий считается их способность обозначать признак действия, качества или предмета. Качественные наречия в предложении сочетаются с глаголами, с име-

нами прилагательными и с другими наречиями. Как таковые они с разных точек зрения характеризуют эти "опорные" слова/словосочетания, но они всегда предполагают наличие данного слова или словосочетания, так как отсутствие этих "опорных" слов/словосочетаний делает употребление связанных с ними наречий бессмысленным. В качестве примера рассмотрим, как ведут себя качественные наречия в роли обстоятельства способа и образа действия (ОСОД):

- (20) Он сказал тихо, что мать уехала
- (21) Он сказал, что мать уехала
- (22) Он не сказал тихо, что мать уехала
- (23) Он сказал, что мать уехала

Как видно, качественным наречиям характерны признаки фактивов. Их фактивное содержание отметила уже Корум (Corum, 1975, 135). Особенности качественных наречий сводятся к двум моментам:

Если в предложении с ОСОД содержится предикат с отрицанием (напр., (22)), то, хотя отрицание синтаксически связано с предикатом, семантически оно относится к ОСОД, являясь синтаксическим способом выражения лексической антонимии (не быстро = медленно, не тихо = громко, и т.д.).

Качественные наречия сами не влияют на отношения следствия между предикатом, к которому они относятся, и его аргументом, которые существовали до прибавления к предложению ОСОД, т.е. эти отношения зависят исключительно от семантических свойств предикатов. В некоторых случаях они выступают в роли "нейтрализатора", как в предложении (22).

3. Характеристика, данная выше, относится не ко всем качественным наречиям. Во всяком хорошем правиле есть свои исключения. Здесь этим исключением оказывается одна маленькая группа наречий, представителями которой являются наречия типа "справедливо", "несправедливо", "ошибочно", "обоснованно", "необоснованно" и некоторые другие. От остальных качественных наречий они отличаются как минимум двумя признаками:

- 1) Они сочетаются с глаголами ограниченной семантики, преимущественно с глаголами утверждения и высказывания (Lehrer, 1975),
- 2) В комбинации с глаголами утверждения и высказывания они изменяют существующие отношения следствия между предикатом и

его аргументом. Глаголы утверждения и высказывания, как можно убедиться в таблице, принадлежат к группе недетерминативов.

Поэтому из предложения

(24) Отец обвинил сына в краже

нельзя делать вывода о том, украл ли сын действительно или нет. Если теперь к предложению (24) из вышеприведенного списка прибавить наречие с "утвердительной" семантикой, то получим предложение (25)

(25) Отец $\left\{ \begin{array}{l} \text{справедливо} \\ \text{обоснованно} \end{array} \right\}$ обвинил сына в краже

из чего следует

(26) Сын украл.

При прибавлении к предложению (24) наречия с "отрицательной" семантикой мы получим (27)

(27) Отец $\left\{ \begin{array}{l} \text{несправедливо} \\ \text{ошибочно} \\ \text{необоснованно} \end{array} \right\}$ обвинил сына в краже

из чего следует

(28) Сын не украл.

Таким образом, данная группа наречий имеет семантические свойства односторонних импликативов: наречия с "утвердительной" семантикой — это позитивные, а наречия с "отрицательной" семантикой — это негативные односторонние импликативы. Заслуживает внимания одна деталь: у этой группы наречий отсутствует та "нейтральная" форма, при которой выводов делать нельзя. Это свидетельствует о том, что парадигма наречий данной группы дефектная, не соответствует всем критериям, установленным для односторонних импликативов.

Теперь нам следует сделать одну оговорку. Не при всех недетерминативах, с которыми сочетается рассматриваемая группа наречий, имеет место такое "устранение" существующих связей. В действие вступают семантические закономерности языка, которые Апресян называет "правилами семантической области действия" (Апресян, 1980, 57). В предложениях (25) и (27) мы имеем дело с одной разновидностью этих правил, а именно со случаем, когда область действия слова X (наречия рассматриваемой группы) является не слово Y (глаголы утверждения или высказывания) целиком, а какой-то определенный компонент в семантической структуре слова Y. Например, в сочетании с глаголом "приказывать" этот механизм устранения старых выводов не запускается:

(29) Старик $\left\{ \begin{array}{l} \text{необоснованно} \\ \text{справедливо} \end{array} \right\}$ приказал мальчику уйти

Вызвано это, по-видимому, тем обстоятельством, что в семантической структуре глагола "приказывать" отсутствует компонент, к которому могла бы относиться оценка, содержащаяся в рассматриваемых наречиях. В семантической структуре глагола "обвинять" такой компонент содержится, и взаимодействие наречий с данным компонентом и вызывает устранение старых связей.

Из вышеприведенных примеров можно заключить, что сочетаемость наречий рассматриваемой группы с недетерминативами зависит от семантической структуры каждого недетерминатива, и ограничения на эту сочетаемость вкладываются не со стороны наречий, а со стороны семантической структуры каждого недетерминатива.

4. Кроме двух рассмотренных групп наречий, в языке существует еще одна группа слов, однородная с качественными наречиями на -о, но выделяемая многими исследователями как самостоятельный структурно-семантический тип слов - модальные слова (Виноградов, 1947). Граница между этими двумя группами слов расплывчатая, нечеткая: одна и та же словоформа может в одном случае пояснять какой-то конкретный член предложения, а в другом случае выступать в качестве определителя всего предложения (Виноградов, 1950, Дик, 1975). Синтаксическая омонимия такого рода вызывает немало трудностей и для правильного понимания предложений с точки зрения выводов. Как мы уже отметили (см. 2), если слово - качественное наречие на -о, то оно функционирует как фактивный предикат. Что же представляют собой модальные слова и каково их влияние на отношения следствия?

Рассмотрим несколько примеров.

(30) Он действительно приказал мальчику идти домой

(31) Он, очевидно, приказал мальчику идти домой

(32) Он наверно приказал мальчику идти домой

Фактическое содержание высказывания - то, о чем идет речь в данном предложении - во всех трех случаях остается одинаковым: это "он приказал мальчику идти домой". Изменяется лишь степень уверенности говорящего в достоверности этого содержания - от стопроцентной уверенности очевидца в (30) до слабого предположения в (32). Судить о действительном положении вещей на основе одних лишь предложений (30) - (32) невозможно. Для того, чтобы человек или система, понимающая естественный язык, правильно могли разобрать эти предложе-

ния, необходима более широкая информация об участниках данного действия, об их отношениях, о действиях или событиях, происходивших ранее до употребления этих предложений, и т.д. Одним словом, нужен контекст, в пределах которого можно было бы оценить достоверность фактического содержания высказывания каждого предложения отдельно. А это значит, что надо подняться от уровня отдельного предложения на уровень связанного текста. Так как процесс понимания текста протекает одновременно на нескольких уровнях (Нйм, 1980, 79), каждый из которых имеет свои закономерности, то надо строго указать, с единицами какого уровня мы имеем дело, потому что закономерности одного уровня недействительны на ниже- или вышележащем уровне. Модальные слова и омонимичные им качественные наречия на —о как раз являются единицами разных уровней языка и выводы, которые характерны одной группе, теряют силу при наличии в предложении другой, омонимичной им группы слов. Модальные слова, как показывают примеры (30) — (32), вообще не влияют на существующие отношения следствия между предикатом и его аргументом.

5. Проблема семантического вывода тесно соприкасается с проблемами, возникающими при анализе языковых пресуппозиций (Reeves, 1977, 229). Вызвано это тем обстоятельством, что одним из возможных источников языковой пресуппозиции как раз является семантическая структура слова (Joshi, Weischedel, 1976, 6). Как мы уже отметили, вопрос о логических и семантических выводах — одно из самых уязвимых мест систем, понимающих естественный язык. В сравнении с логическими выводами семантические выводы и пресуппозиции имеют одно существенное отличие: при них снимается проблема "цепного" характера выводов. Будучи связаны с синтаксической и семантической структурой языка, эти выводы должны быть сделаны непосредственно при анализе соответствующего предложения (Joshi, Weischedel, 1976, 33). А это в свою очередь значит, что снимается и первая проблема, т.е. где, когда и какие выводы делать (см., например, примеры (I) — (I9), где ясно видно, что цепочка семантического вывода прерывается сразу после того, когда установлена истинность или ложность аргумента). Семантические выводы и пресуппозиции как две подгруппы выводов имеют только им характерные свойства, что позволяет включить их в состав лингвистического процессора в виде самостоятельной подпрограммы и тем самым избежать необходимости рекурсив-

ного обращения к данной информации в ходе дальнейшего анализа предложения.

6. Подводя итоги, можно сказать, что качественные наречия обладают свойствами семантического вывода, аналогичными соответствующим свойствам глаголов и имен прилагательных, хотя у этих наречий встречаются не все возможные типы вывода, которые установил Карттунен. Качественные наречия распадаются на две ясно различающиеся группы: с одной стороны, наречия, выполняющие в предложении роль обстоятельства способа и образа действия, принадлежат к фактивам: с другой стороны, существует одна маленькая группа наречий (см. 3) с отчетливо выраженными свойствами односторонних имплицатов. Кроме этих двух групп, к качественным наречиям примыкают омонимичные с ними модальные слова, но их сходство с наречиями только кажущееся, т.к. они принадлежат к совсем другому уровню языка и выполняют совсем иные функции в языке, нежели качественные наречия.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь. - В кн.: Англо-русский синонимический словарь. - М.: Русский язык, 1979, с. 500-543.

Апресян Ю.Д. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений. - В кн.: Представление знаний и моделирование процесса понимания. - Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1980, с. 47-78.

Виноградов В.В. - О категории модальности в русском языке. - В кн.: Труды института русского языка. Том II. М.-Л., 1950, с. 38-80.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). - М.-Л.: Учпедгиз, 1947.

Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. - М.: Высшая школа, 1979.

Лассан Э.Р. Семантические функции наречий в структуре предложения. Автореф. канд. дисс. Минск, 1980.

Нйм Х.Я. Эпизоды в структуре дискурса. - В кн.: Представление знаний и моделирование процесса понимания. - Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1980, с. 79-96.

Янович Е.И. Наречие в истории русского языка. - Минск: Высшая школа, 1978г.

Chomsky, N. Aspects of the theory of syntax. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.

- Corum, C. A pragmatic analysis of parenthetical adjuncts. - Papers from the 11th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society, 1975, pp. 133-141.
- Dik, S.C. The Semantic Representation of Manner Adverbials. - In: Linguistics in the Netherlands 1972-73. - Assen/Amsterdam: Van Gorcum, 1975, pp. 96-122.
- Greenbaum, S. Studies in English Adverbial Usage. - University of Miami Press, 1969.
- Hartvigson, H.H. On the Intonation and Position of the So-Called Sentence Modifiers in Present-Day English. - Odense: Odense University Press, 1969.
- Jackendoff, R.S. Semantic Interpretation in Generative Grammar. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.
- Jacobson, S. Factors Influencing the Placement of English Adverbs in Relation to Auxiliaries. - Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in English XXXIII. Stockholm, 1975.
- Jacobson, S. On the Use, Meaning and Syntax of English Preverbal Adverbs. - Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1978.
- Joshi, A.K., Weischedel, R.M. Computation of a Subclass of Inferences: Presuppositions and Entailment. - TR No 74, Department of Information and Computer Science, University of California at Irvine, 1976.
- Karttunen, L. The Logic of English Predicate Complement Construction. - Non-publication 12 of the 1970 MSSB Mathematical Linguistics Seminar.
- Karttunen, L. Implicative Verbs. - Language, 1971, vol. 47, No 2, pp. 340-358.
- Lehrer, A. Complement-oriented Adverbs. - Linguistic Inquiry, 1975, vol. VI, No 3, pp. 489-494.
- Reeves, A. Logicians, Language and George Lakoff. - Linguistics and Philosophy, 1977, No 1/2, pp. 221-232.

THE SEMANTIC AND LOGICAL CHARACTERISTICS OF SOME
CLASSES OF ADVERBS

Madis Saluveer

S u m m a r y

The author extends Karttunen's analysis (Karttunen 1970, 1971) of the relationship between a predicate and its sentential complement to the class of adverbs. With respect to their influence on this relationship at least three classes of adverbs may be differentiated: manner adverbs, complement-oriented adverbs and sentence adverbs.

Manner adverbs are demonstrated to behave always like

factive predicates as the sentences containing them always presuppose corresponding sentences without manner adverbs. Complement-oriented adverbs mark the truth value of the complement or a change in it: in combination with non-determinative predicates they change the non-determined relationship into a determined one. Thus they function as either positive or negative one-way implicatives depending upon the semantics of the corresponding adverb. It must also be noticed that this triggering of a change does not always take place but depends on the semantics of the predicate word. Sentence adverbs do not affect the existing relationship between a predicate and its sentential complement at all as they have the whole sentence as their scope.

It may be said that adverbs do not possess all the features characteristic of verbs and adjectives as their paradigm is in many cases defective, i.e. they do not possess all the features established by Karttunen for a predicate of a certain class.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ

СТИЛЯ

Б.Я. Слепак

О. Несколько общих замечаний фонового порядка

Ситуация, которая сложилась с употреблением термина "стиль" в языковедении, типична для современного состояния языка науки, которое - в интересующем нас аспекте - может быть охарактеризовано следующим положением: чем шире распространен в научном речевом обиходе какой-либо термин, тем большим количеством "степеней свободы" обрastaет его использование, тем аморфней, неуловимей его значение. Само понятие "точный термин" приобрело сейчас статус оксимофона.

Указанная выше тенденция охватывает не только "мягкотелые" гуманитарные области познания, но и более "жесткие", объективно верифицируемые естественные науки. Как ни покажется это парадоксальным на первый взгляд, но приходится констатировать, что "термины науки обладают еще большим полиморфизмом, чем слова обыденного языка" (Налимов, 1974, 134). Естественность данного утверждения становится очевидной, если напомнить, что за научным термином стоят концепции, варьирование которых приводит к расширению объема термилируемого понятия и, следовательно, к добавлению новых коннотаций в семантику самого термина. Дело иногда заходит так далеко, что возникает даже потребность в стандартизации, т.е. "декретировании" терминов (Налимов, 1974). Высказывается и противоположная точка зрения - правомерней описывать, "толковать" концептуальные термины, чем пытаться их точно определить и однозначно употреблять. Примером такой описательной интерпретации может служить одна из последних работ М.Н.Кожинной, в которой слово "стиль" употребляется с такими определяющими словосочетаниями: "степень следования нормативно-стилистическим правилам речи", "манера речи", "своеобразие худо-

жественной речи", "совокупность стилистически окрашенных средств языка", "композиционные формы", "особенности и колорит речи", "лингвистические признаки текста", "характер речи", "одно из свойств языковой ткани", "качество речи", "основные речевые разновидности" и др. (Кожина, 1977).

Рассматривая в свете этих двух полярных тенденций языковедческое употребление термина "стиль", следует прежде всего дифференцировать два подхода к интерпретации стоящего за ним понятия: качественный и количественный.

По самой своей агностической сути качественный подход вряд ли может обеспечить единомыслие в толковании стиля (да этого от него вряд ли следует и требовать): чем многочисленней и разнообразней взгляды, интерпретации, базирующиеся на качественной основе, тем больше веток и ветвей появляется на дереве, именуемом "концепция стиля", причем зачастую на некотором расстоянии от этого дерева, иногда достаточно почтительном, возникают "поддережья", претендующие на экстравагантное понимание стиля, другими словами теряющие те инвариантные компоненты, которые объединяют разные определения, например: стиль — "специфическая область подязыка" (Скребнев, 1969, 137).

Иначе обстоит дело с трактовкой статистической, по своей количественной природе позволяющей регламентировать понятие, терминируемое словом "стиль". В этой связи сразу же отметим, что до настоящего времени стилостатистика практически ничего не добавила в определение стиля, довольствуясь "малыми победами": либо количественным описанием речевого материала, интуитивно соотносимого с качественно выделенными стилями, либо объективизированным сопоставлением нескольких репрезентов таких стилей. Парадокс бытующей сейчас статистической интерпретации стилей заключается в том, что предпринимаются попытки точного описания многозначно понимаемого явления, которое позволяет разные подходы к его пространственной и временной локализации.

Представляется, что единства в трактовке стиля можно добиться на комплексной качественно-количественной основе. В настоящей статье, ни своим размером, ни тем более содержанием не претендующей на всестороннее освещение данной проблемы, сделана попытка наметить базовые теоретико-методологические принципы качественно-количественной концепции стиля и выделить основные этапы ее построения.

I. Структурирование области, к которой относится термилируемое понятие

Без установления с и с т е м ы исходных и производных координат, которые конституируют область социального функционирования системы языка, нельзя достичь однозначного подхода к определению понятия "стиль". Достаточно напомнить в связи со сказанным, сколько было "сломяно копий" в жарких дискуссиях по поводу "стилей языка" и "стилей речи", так и не приведших к выработке общего мнения. В разработанном нами многомерном пространстве была реализована попытка дедуктивного установления позиции понятия, которое — исходя из принципа конвенциональности терминообразования — можно было бы обозначить словом "стиль". С нашей точки зрения, один из принципиальных недостатков многочисленных определений стиля заключается прежде всего в том, что они формировались вне такого пространства иерархизированных понятий. Другими словами, понятие стиля определялось изолированно, во всяком случае в н е с и с т е м н о, без учета того, что определить понятие — значит прежде всего установить его место в системе ассоциативных понятий, заполнить соответствующую этому понятию ячейку понятийно-терминологического поля.

Некоторые из координат, включенных в пространство, требуют комментариев. Под речью договоримся понимать способность к говорению, т.е. продуцированию семиотически значимых звуков и их сочетаний (или к их письменной фиксации) — психофизиологический аспект, а также сам процесс говорения (или написания) — психолингвистический аспект. В вопросе определения речи есть много противоречий. Приведем только одно из них. Проф. Артемов В.А.: "Экспериментально-фонетические... и экспериментально-психологические исследования... убедили нас в том, что речь есть процесс общения посредством языка" (Артемов, 1969, 19). Читаем дальше: "Восприятие и понимание речи являются одной из сторон процесса коммуникации посредством языка" (с. 94). Тавтологичность последнего утверждения на фоне предшествовавшего не требует разъяснений. Еще дальше (с. 113): "Восприятие и понимание связной речи (текста)".

Термин "язык" используется в строго семиотическом его понимании (Ветров, 1968). В значении "язык как важнейшее средство общения людей между собой" удачным представляется тер-

мин "этноязык", предложенный Л.И.Горшковым. Этноязык правомерно рассматривать как комплексное явление, базирующееся на единстве трех аспектов: семиотического (относительно инвариантного) - язык, деятельностного - коммуникативно-речевая деятельность, материального - речевой материал, тексты.

Неправомерно ставить знак равенства между понятиями "речь" и "коммуникативно-речевая деятельность" (не всякая речь коммуникативно нагружена), "речевой материал" и "тексты". Для обоснования последней части этого утверждения обратимся к аналогии с понятиями математической статистики. Такая аналогия методологически оправдана прежде всего потому, что в разрабатываемой нами качественно-количественной концепции стиля статистика выступает в роли метаязыка и ее достаточно точно определенные понятия могут послужить для пояснения "диффузных" лингвистических понятий. Возвращаясь к идее аналогии, отметим, что на наш взгляд, соотносимы следующие статистические и стилистические понятия: эксперимент \longleftrightarrow коммуникативно-речевая деятельность (последнюю можно рассматривать как своеобразный эксперимент по воспроизводству языковых единиц в разных условиях коммуникации); речевой материал \longleftrightarrow генеральная совокупность; разновидности речевого материала \longleftrightarrow выборочные совокупности; тексты \longleftrightarrow единицы наблюдения; язык \longleftrightarrow единицы подсчета в их взаимосвязях и взаимозависимостях. Понятия "речевой материал" и "тексты" неравнообъемны: речевой материал включает в себя не только реальные тексты, но и тексты потенциальные.

2. Установление определяющего слова и терминологизация дедуцируемого понятия

А теперь попытаемся найти определяющее слово искомому понятию. Приведем несколько относительно самостоятельных рассуждений.

1) Генеральные совокупности, как известно, как известно, отличаются друг от друга способами, по которым они построены. Объективно различия в способах построения генеральных совокупностей наиболее отчетливо выражаются с помощью закона распределения случайной переменной. Разновидности речевого материала, представленные выборочными совокупностями, извлеченными из них на основе критериев функционально-ситуационной общности, характеризуются, как показывает проведен-

ные исследования, своеобразными способами употребления языковых единиц, которые - при условии устойчивости наблюдений и корректности эксперимента - репрезентируются вероятностями и соответствующими им функциями распределений.

2) Любая сложная, более или менее сознательно организуемая деятельность выполняется в соответствии с выработанными способами ее реализации. Этот тезис обосновывается широко известными в психологии принципами стереотипа и динамического стереотипа. Наличие стереотипов позволяет выполнять любую деятельность с минимально возможными усилиями.

3) В теории речевой коммуникации в качестве математической модели источника, создающего текст (сообщения), используется эргодический источник, функционирование которого обеспечивает устойчивые статистические закономерности разных текстов (Пирс, 1967) и, следовательно, избыточность сообщений и тем самым повышает помехоустойчивость коммуникации. Единообразие статистических закономерностей (в стохастическом смысле) должно быть объяснено наличием в сознании человека устойчивых способов реализации коммуникативно-речевой деятельности, общих - снова-таки в вероятностном понимании - для определенного коллектива людей. Устойчивый, единообразный характер структуры речевых сообщений предопределен принципом функциональной целесообразности, ситуационной обусловленности отбора и сочетания языковых единиц - основным принципом, на котором строится функциональная стилистика.

4) Об объективной правомерности выделения устойчивых способов коммуникативно-речевого поведения человека свидетельствует и многовековой опыт преподавания иностранных языков. На существование таких способов ориентируются, фактически, большинство современных направлений оптимизации обучения иностранным языкам.

Думается, что приведенных рассуждений достаточно, чтобы обосновать правомерность выделения в многомерном пространстве понятий, связанных с аспектом функционирования языка, позиции - "способы реализации коммуникативно-речевой деятельности" (напомним, что еще Аристотель в своей "Риторике" указывал: "Не должно оставаться вне нашего поля зрения, что каждому роду речи соответствует свой особый способ выражения..."). Эти способы - при условии закрепления за ними комплекса обязательных дифференциальных признаков - можно наз-

вать с т и л я м и. Тем самым мы вернемся, что само по себе немало важно, к изначальному значению слова "стиль" (ведь, как известно, термины в большинстве своем не изобретаются, а извлекаются по разным ассоциативным признакам из кладовых лексикона языка). Уместно в этой связи привести мнение, высказанное по поводу термина "информация": "Научный термин "информация" совпадает с древним словом латинского происхождения, широко распространенном в общежитии... Ясно, что точное математическое определение понятия информации не должно вступать в противоречие с обиходным значением этого понятия" (Тростников, 1970, 16).

Напомним также, что еще "от античной риторики унаследовано и понятие стиля как способа правильного использования соответствующих средств для достижения нужных целей" (Брандес, 1971, 16).

Таким образом, на основании дедуктивного подхода (от общих языковедческих понятий к частным) и рассуждений индуктивного порядка (анализ литературных источников, данные лингвостатистических исследований) мы пришли к заключению о целесообразности использования в качестве определяющего признака понятия "стиль" слова "способ" (способ реализации коммуникативно-речевой деятельности). Приведенные рассуждения - занятие отнюдь не пустое, если учесть, что в тысячах определений стиля используются десятки определяющих слов, многие из которых являются, как будет показано в дальнейшем изложении, видовыми признаками этого понятия, а другие появляются в результате омонимии нетерминологического использования слова "стиль": "область", "речь", "разновидность", "система", "тип", "закономерность", "организация", "манера", "совокупность", "своеобразие", "сумма", "категория" и др. (перечень далеко не исчерпан). Образцом того, как определяющий признак понятия "стиль" пытаются установить вне системы ассоциативных понятий, т.е. не на строго научной основе, может служить вывод, сделанный Е.Ф.Петрицевой: "Таким образом, вопрос о том, что такое стили - разновидности ли речи или закономерности языкового оформления речи, - это вопрос применения термина "стиль". Следовательно, его следует решать, учитывая значение термина "стиль" в архитектуре, музыке и т.п., учитывая, в каком значении чаще используется этот термин, а в каком - его синонимические эквиваленты" (Петрицева, 1972, 171). Такой подход, сориентированный полностью на узус,

вряд ли можно признать правомерным.

В предложенном понятийно-терминологическом контексте отношение стиля к основным координатам многомерного пространства выражаются следующим образом: стиль — это явление, свойственное этноязыку, возникающее в коммуникативно-речевой деятельности, организующее и регламентирующее ее, выявляемое в речевом материале, в текстах, в виде устойчивых закономерностей организации речи, отражающееся в коммуникативно-стилевой норме, а через нее в парадигматике и синтагматике языка.

Для установления того, какими дифференциальными признаками должен обладать "способ организации коммуникативно-речевой деятельности", чтобы его можно было терминировать словом "стиль", обратимся к традиции употребления данного слова в разных гуманитарных областях. Это можно сделать на основе анализа имеющихся толкований стиля, т.е. индуктивным путем.

3. Установление дифференциальных признаков понятия "стиль"

В качестве "операционных характеристик" (В.В. Налимов) понятия "стиль" служат: устойчивость, единство на фоне внутреннего многообразия, целостность, системность, общая функциональная основа, нормированность, своеобразие. Комплексный подход к определению стиля требует учета всех перечисленных выше дифференциальных признаков. В то же время подавляющее большинство имеющихся определений (толкований, интерпретаций, описаний) сориентированы на один-несколько признаков. Несколько примеров в качестве иллюстрации: "Функциональный стиль речи ... является такой организацией (или системой, структурой), элементы которой теснейшим образом функционально взаимосвязаны в единое целое ..." (Кожина, 1968, III; системность, целостность, функциональная основа); "Под стилем в литературе понимается своеобразие речи художественной..." (БСЭ, т.24; своеобразие); "Стиль индивидуальный — совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора..." (Ахманова, 1966; устойчивость).

4. Выделение основных категорий стиля

Приоритет в разработке категорий стиля принадлежит советским лингвистам (Будагов, 1967; Соколов, 1968; Galperin,

1971). Благодаря категориям понятие стиля становится более емким, качественно определенным, отграниченным от тех понятий, с которыми оно зачастую смешивается (направление, жанр, метод и др.). Категории укрепляют статус автономности понятия "стиль". Вслед за А.Н.Соколовым будем рассматривать стилевую категорию как единство противоположностей. В качественно-количественной концепции стиля релевантными представляются следующие категории стиля: соотношение общего и частного (обусловленного влиянием жанровых различий, факторов темы, адресата, источника информации и др.), объективного и субъективного (общего и индивидуального), ведущих и подчиненных признаков стиля, проницаемости и замкнутости стилей, основной и частных коммуникальных задач, статики и динамики (стиль как эволюционная категория). Каждая из стилевых категорий связана с одним или несколькими видовыми признаками, образуя вместе с ними комплексную основу для определения и описания стиля.

5. Статистическая экспликация видовых признаков и категорий стиля

Для количественной объективизации понятия стиля могут быть использованы следующие статистические критерии и приемы (перечень схематичен и совершенно не претендует на законченность);

1) устойчивость: статическая - непараметрические критерии χ^2 , знаков, Вилкоксона; проверка эмпирических распределений на однородность путем сравнения с нормальным законом и законом Пуассона; динамическая - аппарат динамических рядов и их выравнивания;

2) единство - аппроксимация эмпирических распределений теоретическими; в этой связи надо предостеречь от отождествления единства и однородности; объективным подтверждением единства может служить наличие теоретически обоснованной вероятностной схемы употребления языковых единиц;

3) внутреннее многообразие, соотношение общестилевого и частного (индивидуального)-коэффициенты вариации, асимметрии и эксцесса; показатели энтропии; параметрические и непараметрические критерии различия (внутристилевые сопоставления по принципу микроподхода); многомерный анализ (дискриминантный анализ, Вроцлавская таксономия и др.);

- 4) целостность и реализующая ее системность - коэффициент множественной корреляции;
- 5) функциональная основа - факторный дисперсионный анализ;
- 6) своеобразие - критерии различия; многомерный анализ;
- 7) нормированность - уравнения теоретических эталонных кривых; метод сигмальных отклонений; метод перцентилей;
- 8) соотношение динамики и статики - метод наименьших квадратов, используемый для выявления тенденций развития;
- 9) соотношение проницаемости и замкнутости - специально введенный коэффициент размежеванности, который выражается отношением числа межстилевых существенных различий к общему числу сопоставлений.

Понятие "стилевая черта" объективизируется на данных о частотности языковых средств. Статус стилевой черты приобретает функционально обусловленное употребление языковой единицы, характеризующееся устойчивым типом распределения и своеобразием. Свообразие варьируется в диапазоне от I ("ведущая постоянная" черта стиля) до 0 (межстилевая черта). Чаще всего его количественная оценка, по данным наших исследований, заключена в диапазоне от 0,6 до I ("ведущая переменная" черта стиля).

6. Определение стиля

Данные, полученные автором статьи, результаты стило-статистических экспериментов других исследователей, доказывают: в границах речевого материала, локализуемого на функциональной основе, языковые единицы разных уровней, включая синтаксические, наиболее подвижные с точки зрения зависимости их употребления от экстралингвистических факторов, функционируют не стихийно, а упорядоченно, нормированно, по устойчивым модельным вероятностным схемам. Базируясь на этом выводе, а также на вышеописанном дедуктивно-индуктивном подходе, попытаемся теперь дать комплексное определение стиля:

стиль - это устойчивый, целостный, функционально-своеобразный способ реализации коммуникативно-речевой деятельности, построенный по образцу сложных динамических систем и отличающийся от аналогичных способов, возникающих на иной экстралингвистической основе, наборами вероятностей и соответствующих стохастических схем употребления языковых сред-

ств, а также корреляционных отношений, количественно оценивающих взаимосвязи единиц одного и разных уровней системы языка.

7. Уточнение определения стиля

В результате стилостатистического исследования функционирования синтаксических единиц современного английского языка установлено: в пределах речевого материала, соотносимого с традиционно выделяемыми функциональными стилями, выделяется не один, а несколько устойчивых способов сочетания языковых явлений — со специфическими наборами вероятностей и соответствующих типов распределений, другими словами, наблюдается — с точки зрения функционирования некоторых синтаксических явлений — внутренняя дисгармония, не позволяющая констатировать наличие единого стиля. Отсюда вытекает объективная правомерность определения стиля как видового понятия. В качестве родового понятия используем "стилевой тип" ("стилетип").

Стилетипы определяются как базовые способы реализации коммуникативно-речевой деятельности, обусловленные различиями в формах речевого общения (устная и письменная), в типах мышления (образное и логическое), а также различиями коммуникативных сфер. Отдельные разновидности — стили — возникают на основе реализации частных коммуникативных задач и объединяются в пределах стилового типа благодаря наличию интегративно-динамических тенденций построения речи.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. — М.: Просвещение, 1969.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Брандес М.П. Стилистический анализ. — М.: Высшая школа, 1971.
- Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили — М.: Высшая школа, 1967.
- Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. — М.: Изд-во политической литературы, 1968.
- Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 1972.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. - М.: Просвещение, 1977.

Налимов В.В. Вероятностная модель языка. - М.: Наука, 1974.

Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. - М.: Мир, 1967.

Скребнев Ю.М. Подъязык, стиль, текст. - В кн.: Научная конференция. Проблемы лингвистической стилистики. - М.: И МГИИЯ, 1969, с. 137-138.

Соколов А.Н. Теория стиля. М.: Искусство, 1968.

Galperin, I.R. Stylistics. - Moscow: Higher School Publishing House, 1971.

SOME THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PREREQUISITES
OF THE QUALITATIVE AND QUANTITATIVE CONCEPT OF
STYLE

Boris Slepak

S u m m a r y

Style definition is one of the most topical problems in modern stylistics much dealt with but still far from being solved. Style being the basic notion, all the other stylistic issues depend in a larger or lesser degree upon the former. The approach employed by the author and contrasted to a great extent with those of numerous students of style is a complex quantitative and qualitative one.

Style as any other conceptual term should be treated not separately but as a part of n-dimensional space, as a unit of the system of the correlated notions. Some statistical tests and procedures to explicate style notion specific features and categories have been listed.

As a result of combined deductive and inductive reasoning the following definition of style has been elaborated: style is a relatively settled, integral, functionally grounded mode of realizing communicative speech activities, built after the model of complex dynamic systems and set off against the like modes, emerging on other extralinguistic bases, due to a particular collection of linguistic probabilities and corresponding laws of their distribution as well as correlation ratios. Styles are to be objectively regarded as specific varieties of style types.

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ

В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Шапапов

В настоящей статье предпринимается попытка наметить контуры центра и периферии поля семантической категории собирательности в немецком языке. Центр (ядро) этого поля образуют соответствующие имена существительные, наиболее ярко выражающие категориальный признак, хотя в целом языковая основа, на которой формируется собирательность, может быть различной. Собирательный характер существительных, в частности, подчёркивает до известной степени то, что они в немецком языке нередко относятся к среднему роду. Снимая собственно родовые различия, абстрактный средний род способствует выражению именно совокупности, совокупной множественности.

Категорию собирательности и конституируют с семантической точки зрения в первую очередь те существительные немецкого языка, которые обладают семами множественности и совокупности, занимающими большую часть их семантического объёма. Например, *das Personal* – собирательное существительное среднего рода, называющее совокупность лиц. Основное, определяющее в значении имени – это как раз множественность, но с признаком принадлежности к одной из отраслей производства, чем обуславливается сема совокупности.

Поскольку речь идёт в основном о функционально-семантической категории, то важной чертой компонентов поля является то, что значение собирательности обнаруживается обычно в необходимых (минимальных) контекстах (Глушак, Семёнова, 1980, 77). Например, *Die Beamtenschaft und die Kornträger schritten zu Fuss* (Mann, 1974, 714). Собирательный характер имени – *die Beamtenschaft* – создаётся здесь в меньшей мере суффиксом *-schaft* и в большей соседним с ним именем *die Kornträger*, которое влияет на восприятие слова *die Beamtenschaft* как множественности.

Конечно же, трудно однозначно выделить явление (формы,

конструкции), относящиеся только к ядру (или только к периферии) поля. Так, на собирательное значение чётко указывает конструкция с префиксом Ge- (Gebirge, Gestein, Gefieder и др.), однако этот префикс участвует в образовании и других разрядов существительных, например: Gemach, Geschütz, Gemälde, Gebet и т.д. Маркерами значения собирательности могут служить и суффиксы -tum, -keit (наряду с упомянутым -schaft), а также "полусуффиксы" типа -zeug, -werk, -wesen и др. В качестве примеров для последних можно назвать Bauerntum, Werkzeug, Bauwesen, Schreibzeug и др. Но с этими же морфемами ряд слов уже теряет характер собирательности, например: Freundschaft, Volkstum, Fröhlichkeit и т.д. Другие же, например, das Schreibzeug могут иметь значение и собирательное и единичного предмета: Gib mir mein Schreibzeug zurück! Всё это свидетельствует о том, что правильной говорить лишь о большей или меньшей склонности отдельных структурных (словообразовательных) типов имён к выражению совокупной множественности. Абсолютно же не существует ни одного типа структурной модели, которая относилась бы только к ядру поля собирательности, т.е. всегда однозначно подчёркивала бы именно это значение.

Конституенты рассматриваемой категории, безусловно, далеко не одинаковы по степени интензивности проявления в них главной семы. Иногда это бывает трудно распознать без обращения к диахроническому аспекту. Если Г. Пауль относил в своё время к именам собирательным существительные Gelände, Gemüt, Gerät, Getränk, Gezucht, Gekröse, Ungeziefer, Gespräch и многие другие (Paul, 1920, 55-57), то тогда они, вероятно, имели достаточно чётко выраженный характер собирательности. В настоящее же время у многих из них собирательность побледнела, стёрлась, а у некоторых и совсем исчезла, например: Gesetz, Gespräch и др. Эту тенденцию развития можно считать движением от центра поля (категории собирательности) к периферии. Бывает и наоборот, когда прослеживается тенденция движения от границ периферии к центру поля, т.е. приобретение или усиление главной семы. Она фиксируется с выше-названными и некоторыми другими суффиксами и полусуффиксами (-schaft, -tum, -keit, -wesen и пр.), когда особенно в некоторых из них идёт формирование значения собирательности. Важно различать, что если значение множественности определяется объективной действительностью "один объект - мно-

го объектов" (напр.: der Berg - die Berge), т.е. это значение имеет денотат (одна гора - много гор), то значение собирательности преимущественно детерминировано социальным опытом человека (Панфилов, 1974), который и закрепляется в языке (das Gebirge).

Можно в связи со сказанным полагать, что по мере "выветривания" семантики собирательности как таковой должна возрастать, выдвигаясь на передний план, роль формальной выраженности этого значения. Но ни в коей мере нельзя думать, что снабжение слова тем или иным формальным средством восполняет в нем семантический признак - смысловое значение собирательности. Формальный маркер (допустим, префикс Ge- или суффиксы -tum, -keit, -schaft и др.) скорее призван поддерживать значение, способствуя его эксплицитному (структурному) проявлению.

Характерной чертой собирательных имён, как известно, является отсутствие у них коррелирующей формы множественного числа. Но, например, существительные das Gemüse, das Vieh и некоторые другие имеют форму множественного числа, несмотря на то, что как в смысловом, так и в структурном отношении они однозначно относятся к ядру поля собирательности. Значит, даже наличие формы множественного числа не нарушает собирательного значения этих имён, оно через это как бы возводится у них в квадрат (Гулыга, Шендельс, 1969, 33).

Вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что в полевых структурах языка нет резко обозначенных границ, в них постоянно поддерживается плавный переход от ядра к периферии и наоборот, как основа функционального равновесия языка. В языке в принципе не могут иметь места границы в их прямом понимании, как между отдельными единицами или уровнями, так и между категориями, полями и т.д. Функционирующий язык - это сложнодинамическая система, следовательно в ней обязательны сдвиги, переходы и т.д.

В заключение представляется важным указать ещё на стилистический характер имён собирательных. Аффиксы не только способствуют формированию в словах значения совокупной множественности, о чем уже говорилось, но и созданию коннотаций - снабжению собирательного имени экспрессивной оценочной характеристикой. Это касается как аффиксов, так и полуаффиксов. Если, например, слова с-wesen, -werk в основном не содержат оценочного элемента (Buschwerk, Schuhwerk, Bankwesen),

то имена собирательные с -gut, -gram или -zeug уже передают положительную или отрицательную оценку (напр.: Kulturgut, Saatwesen, Nähzeug, Lumpenzeug, Papiergram, Kleingram). (Wahrig, 1980, 122). В значительной степени оценочный элемент этих полусуффиксов объясняется сохранением семантической связи (включая и коннотативный план значения) с полнозначными лексемами, от которых они образовались. Так, значение слова Gram дается в словаре с пометой "salopp", "oft abwertend" (WDG, 1964 ff, 2217), отсюда, конечно же, и тот оттенок, который вносится полусуффиксом "-gram" в значение существительного. Давно замечена особая функциональная роль и префикса Ge-, способного маркировать стилистические оттенки значения пейерации и др. (напр.: Gerede, Gesänge и т.д.).

Итак, вопрос о категории собирательности как полевой структуре заключает в себе немало интересных проблемных узлов, подход к исследованию которых на уровне современных лингвистических установок обещает, думается, дать интересные результаты.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Глушак Т.С., Семёнова С.К. К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке. - Вопросы языковедения, 1980, № 2.
- Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Панфилов В.В. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы её исторического развития. - Вопросы языковедения, 1974, № 4.
- Mann, Th. Buddenbrooks. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1974.
- Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. Mosaik, 1980.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von R. Klappenbach u. W. Steinitz. Berlin, 1964 ff.

DIE FELDSTRUKTUR DER SEMANTISCHEN KATEGORIE VON
SAMMELBEGRIFFEN IM DEUTSCHEN

Alexander Scharapow

R e s ü m e e

Das Problem der Feldstruktur der Sammelnamen der deutschen Sprache wird am Beispiel der Substantive, die die Sammelbegriffe verkörpern, untersucht. Es wird angestrebt, sie unter zwei Gesichtspunkten zu betrachten: einerseits gehören sie zum Kern der Feldstruktur, andererseits werden sie zur Peripherie gezählt. Dabei spielen neben der funktionalen Semantik auch die formellen Mittel der Wortbildung eine wesentliche Rolle. Für die richtige Betrachtung der Substantive kann der diachronische Aspekt von Bedeutung sein. Die expressiv-stilistische Seite muß ebenfalls in Betracht gezogen werden.

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
КВАНТИТАТИВНО-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

(3) : МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Юхан Тулдава

В предыдущих двух статьях (Тулдава, 1980 и 1981) рассматривались общие принципы и теоретико-лингвистические аспекты квантитативно-системного анализа лексики. В настоящей, заключительной статье освещаются вопросы, относящиеся к методике квантитативно-системного исследования: квантификация материала и шкалы измерения, единицы и уровни анализа, способы представления данных и моделирование с помощью распределений.

Статус методики. Под методикой исследования мы понимаем упорядоченную совокупность, или систему отдельных методов (конкретных способов или приемов решения задачи), а также применение этой системы. Конкретные методы исследования находятся с точки зрения методологии научного знания на уровне "методики и техники исследования" (Садовский, 1979); этот уровень является низшим в иерархии, включающей более высокие уровни — конкретно-научной, общенаучной и философской методологии. Отнесение методики и техники исследования к "низшему" уровню не означает, однако, что на этом уровне разрывается связь с высшими уровнями, в данном случае с общими теоретико-методологическими принципами квантитативно-системного анализа (уровни конкретно-научной и общенаучной методологии) или с материалистической диалектикой (уровень философской методологии). Применяемые методы должны в своей совокупности образовать такую систему научно разработанных правил и исследовательских приемов, которая входила бы как органическая часть в более общую систему научной методологии.

Квантитативно-системный анализ (как и всякий системный анализ) характеризуется не специфическим аппаратом конкретных методов, а упорядоченным, логически обоснованным подхо-

дом к использованию существующих методов, которые уже разработаны в рамках других наук (математика, лингвистика и т. д.). Выбор и комбинация этих методов представляют собой один из важнейших моментов как на этапе наблюдения и эксперимента, так и на этапе анализа и теоретического обобщения результатов исследования. Следует подчеркнуть важность разработки методики в исследованиях "на стыке наук", в том числе в работах по количественной лингвистике, где выбор адекватных методов может стать важным шагом на пути к обнаружению новых явлений и зависимостей в лингвистической науке.

В рамках представления и описания применяемых в данной работе методов количественно-системного анализа лексики необходимо прежде всего осветить некоторые общие положения, связанные с квантификацией лингвистического материала как эмпирического базиса исследования. Далее следует остановиться на более конкретных вопросах выделения единиц и уровней исследования и типологии распределений лексических единиц. При освещении проблем методики исследования мы не будем рассматривать отдельные конкретные методы количественно-лингвистического анализа, которые достаточно подробно описаны в соответствующих учебниках и специальных исследованиях^ж, а остановимся прежде всего на логических основах и общих принципах применения количественных методов в лингвистике.

Квантификация, квантование, измерение. Предпосылкой применения количественных методов при изучении языковых явлений является к в а н т и ф и к а ц и я исследуемого материала. Квантификация - в широком смысле слова^{жж} - означает количественное представление качественных явлений, т.е. такую процедуру, при которой исследуемым явлениям, имеющим принципиально качественную природу (например, лингвистическим объектам), приписываются количественные оценки, вследствие чего эти явления могут быть изучены как количественные объекты. Как правило, квантификация предполагает (включает)

^ж См. например, Головин Б.Н., 1971; Бектаев К.Б., Пиотровский Р.Г., 1973-1974; Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А., 1977. См. также серию статей автора о применении статистических методов в языкознании в сб. *Linguistica I-UŠ* (эст.; рез. рус.).

^{жж} В более узком смысле (в логике) под квантификацией понимается точное выявление и определение объемов субъекта и предиката суждения, а также применение к логическим выражениям особых операторов, именуемых кванторами (Кондаков, 1971, 211).

предварительное "квантование" объекта (приведение объекта в удобную для измерения форму, выделение единиц учета на разных уровнях рассмотрения) и последующее измерение. Таким образом, в рамках методики количественно-лингвистического исследования мы можем определить квантификацию в целом как некоторое абстрактное преобразование (сведение качества к количеству), реализуемое посредством квантования и измерения.

Как уже было отмечено, к в а н т о в а н и е представляет собой предварительный этап квантификации, необходимый в тех случаях, когда единицы учета явно не даны в наблюдении или когда по условиям исследования приходится их каким-то образом модифицировать. Например, так называемые непрерывные переменные величины могут быть приведены к дискретному виду путем их квантования, т.е. путем разбиения области их изменения на совокупность непересекающихся интервалов. Естественно, что всякие процедуры квантования лингвистических объектов должны быть основаны прежде всего на содержательных соображениях и быть однозначным образом интерпретируемы.

И з м е р е н и е можно определить как процедуру, присписывающую по заранее фиксированным правилам числовые значения тем или иным наблюдаемым объектам. Можно показать, что измерение имеет своим логическим основанием категории свойства и отношения. При измерении выявляется отношение объекта (X) на основе какого-либо свойства (P) к значению (Y), выраженному количественно. Эту абстрактную структуру можно представить в виде формулы-схемы:

$$X \xrightarrow{P} Y, \quad (I)$$

где компонент \rightarrow выражает "отношение отображения"^ж, при котором объект (X) соотносится со значением (Y) на основе количественного свойства (P), т.е. такого свойства, которое допускает количественную оценку. Количественными свойствами являются, например, объем, количество, частота, протяженность и др. Примером, иллюстрирующим схему (I), может слу-

^ж Ср. высказывание А.И.Ракитова (1977, с.240) о сущности измерений: "Измерения по существу выступают как определенные функции, осуществляющие изоморфные или гомоморфные отображения (разрядка наша. - Ю.Т.) элементов, ситуаций, процессов или отношений одной системы /.../ в элементы другой - числовой - системы".

жить следующее утверждение: текст (X) связан с количественно выраженным значением (У) в том смысле, что объем текста (Р) равен этому значению. В более привычной форме это утверждение можно выразить таким образом:

объем (Р) текста (X) равен У.

Другие примеры такого же рода:

частота (Р) слова (X) равна У;

длина (Р) слова (X) равна У.^ж

Эти примеры показывают, что, говоря о количественном представлении объекта на основе какого-либо свойства, мы в сущности приписываем количественное значение не самому объекту, а свойству, или признаку объекта.^{жж} При этом понятие признака (параметра, характеристики) можно считать "материализацией" логического понятия свойства на уровне наблюдения и эксперимента. В практической работе удобно различать "наименование признака" (Р) и "значение признака" (У), как наиболее существенные компоненты рассматриваемой логической схемы (I), и результат измерения, т.е. значение признака (У) можно рассматривать как функцию:

$$У = f [P (X)] , \quad (2)$$

где P(X) - признак (наименование признака) объекта X.

В отношении понятия "значение признака" (У) следует уточнить, что оно состоит, как правило, из двух элементов: из количества (числа) и наименования единиц измерения, принятых для данного признака, например: "длина слова равна б буквам". Можно также указать на то, что наряду с чисто количественными (числовыми) значениями признаков существуют и смешанные, или "промежуточные" значения признаков (Рубашкин, 1976): оценочно-количественные значения (например: очень мало, мало, средне, много, очень много) и оценочно-бинарные (имеется - не имеется; много - немного и т.п.). Оценочные

^жПримечательно, что идентичную логическую структуру (I) имеют высказывания типа "яблоко - красное", т.е. "яблоко (X) связано с "красное" в том смысле, что "цвет" (Р) яблока равен "красное" (У) (ср. Кохонен, 1980, 15). В изоморфизме структур представления качественных и количественных значений свойств объектов просматривается глубокая взаимосвязь категорий качества и количества в гносеологическом плане.

^{жж}Этим не исключается возможность установления (и осмысления) прямой связи между объектом и количественным значением, особенно в тех случаях, когда количество рассматривается как типологический или стилистический "ярлык" данного явления или когда признак объекта недостаточно ясно ощущается.

значения могут использоваться в определенных условиях (при "нечетких" множествах) или на определенных этапах анализа; при необходимости они могут быть заменены числовыми знаками, например, когда оценочно-количественные значения выражаются через "баллы" (образующие порядковую шкалу) или когда бинарным отношениям приписываются 1 и 0 (образующие т. наз. дихотомическую шкалу).

Далее можно указать на то, что кроме первичных (прямых) измерений выделяются еще производные (косвенные) измерения. Измерения называются первичными, если они не основываются на каких-то предварительных измерениях; в противном случае они называются производными (Суппес, Зинес, 1967, 25). В качестве классического примера производных измерений можно привести измерение "скорости" движения, определяемое как отношение длины пути и промежутков времени. В количественной лингвистике производными измерениями считаются, например, "индекс разнообразия" (отношение объема словаря к объему текста); "коррелятивная функция" как отношение условной вероятности к независимой вероятности (Андреев, 1967, 22) и многие другие функции или отношения частот (например, стилостатистические коэффициенты В.Н. Головина, 1971, с. 140-154).

Аналогично различению первичных и вторичных измерений можно разделить и количественные свойства на первичные, или простые, и вторичные, или сложные. Последние характеризуются комплексной структурой. Как показывает опыт, в практической работе очень часто приходится иметь дело именно со сложными свойствами (признаками). В отношении лингвистических объектов можно сказать, что они могут характеризоваться множеством различных (первичных и вторичных) количественных свойств, причем задачей количественно-системного исследования лексики можно считать выявление и осмысление "системных свойств", т.е. таких свойств, которые могут служить основанием для обнаружения в лексике специфических количественно-системных закономерностей.

Шкалы измерений. С точки зрения теории и практики измерений важно учитывать то обстоятельство, что измерения могут производиться по разным уровням, или шкалам (см., например, Стивенс, 1960; Суппес, Зинес, 1967; Елисеева, Рукавишников, 1977). Каждая шкала характеризуется соответствующей числовой системой и возможными (допустимыми) эмпиричес-

кими операциями. Шкалы измерения можно представить в виде своеобразной иерархической системы.

1. Номинальная шкала (или шкала наименований) допускает операцию "равенства - неравенства". Это самая "слабая" шкала в том смысле, что в ней числа можно использовать только как имена объектов. В качестве примера можно привести произвольную нумерацию частей речи. Градации шкалы иногда передаются и не-числами (названиями, высказываниями). Номинальная шкала представляет собой, таким образом, простейшую, неупорядоченную классификацию объектов.

Частным случаем номинальной шкалы является "дихотомическая шкала", состоящая из двух градаций, обозначающих, например, наличие или отсутствие того или иного признака (это можно обозначать через I и O, или A и не-A и т. п.).

2. Порядковая шкала (шкала порядка, ординарная шкала) допускает кроме операции "равенства - неравенства" еще операцию установления порядка по отношению "больше - меньше". В этом случае определяется порядок объектов по рангам (порядковым номерам), т. е. мы получаем информацию о том, в каком порядке объекты следуют друг за другом по какому-либо свойству, но не получаем информацию о величине различия (разности) между объектами.

Частным случаем порядковой шкалы является "балльная шкала" (типа школьных оценок).

3. Интервальная шкала (шкала интервалов) допускает кроме операций "равенства - неравенства" и "больше - меньше" еще операцию "равенства - неравенства интервалов". Для применения интервальной шкалы необходимо иметь какой-нибудь общеприятый эталон сравнения (с определенными единицами измерения), на основе которого можно рассчитать величину отклонения одной степени проявления признака от другой (типа шкалы измерения температуры). К интервальной шкале можно отнести некоторые типы шкал психолингвистических измерений, тестирования и др.

4. Пропорциональная шкала (шкала отношений) допускает все вышеназванные операции и дополнительно еще операцию "равенства - неравенства отношений". Имея такую шкалу, можно сказать, например, что результат одного измерения вдвое больше, чем результат другого измерения. При пропорциональной шкале измеряется величина (длина, вес, возраст и т. п.), например, длина слова.

К пропорциональной можно отнести и "абсолютную шкалу", по которой ведется обычный счет; в этом случае результатом измерения является число, выражающее количество элементов в множестве (например, объем словаря или частота слова в тексте).

Выбор шкалы измерений значительно определяет возможности и ограничения при применении различных квантитативных, в особенности статистико-математических методов обработки и анализа материала, в том числе методы вычисления средних значений и мер рассеяния, параметрических и непараметрических методов проверки гипотез и др. Следует подчеркнуть, что только измерения по пропорциональной шкале допускают применение всех операций математической статистики (наиболее полный обзор этих проблем см. Стивенс, 1960; Gutjahr, 1972; о возможности применения различных статистических методов при измерении связи см. Левин, 1981).

Единицы и уровни анализа. При квантитативном исследовании любой системы обязательно требуется выявить единицы анализа, которые поддаются подсчету как повторяющиеся компоненты (элементы) данной системы на данном уровне исследования.^ж Условие повторяемости единиц естественным образом связано с требованием инвариантности этих единиц. При изучении лингвистических объектов это означает, что одинаковые языковые единицы в разных их проявлениях должны отождествляться друг с другом, чтобы можно было констатировать факт их повторяемости.

Если обычно слово рассматривается как основная единица лексической системы языка, то при квантитативном подходе требуется конкретизировать это понятие как единицы исследования. Следует различать два аспекта существования и функционирования слова в речевой деятельности — как единицы словаря и как единицы текста. Этим подчеркивается то обстоятельство, что исследование лексики охватывает изучение словарного состава не только как структурированной совокупности лексических единиц, но и как некоторой

^жПонятия "единица" и "элемент" можно считать близкими, с той разницей, что понятие "единица" обязательно включает в себе момент инвариантности, необходимый для установления определенных квантитативных свойств, подлежащих измерению, а понятие "элемент" (в терминологии системного исследования) присущ момент взаимосвязи с другими элементами, которые в своей совокупности образуют целостную систему. Общей для единиц и элементов является неразложимость (элементарность) на данном уровне расчленения системы.

функционирующей коммуникативной системы. Остается уточнить понятия словаря и текста с точки зрения их квантитативных свойств. На лексическом уровне эти понятия определяются следующим образом.

Под словарем (словником) понимается совокупность различных слов, представляемых обычно в виде списка. Единицы словаря могут быть двоякого рода. В одном случае мы можем составить список с л о в о ф о р м (СФ), т.е. слов в таком виде, как они встречаются в реальных текстах. В другом случае мы объединяем разные формы под общим знаменателем, обычно под так называемой основной формой (у существительных - форма именительного падежа, у глаголов - инфинитив). Такие единицы словаря называем л е к с е м а м и (ЛК).

Под текстом мы понимаем в общем случае линейную последовательность каких-то определенных языковых единиц: слов, морфем и т.д.³⁶ На лексическом уровне текст представляется как линейная совокупность единиц, именуемых в обыденной речи словами, а в квантитативной лингвистике - с л о в о - у п о т р е б л е н и я м и (СУ). Формально их определяют как промежутки между двумя пробелами в тексте.

Упомянутые термины - словоформа, лексема, словоупотребление - строго различаются на определенных этапах квантитативного анализа лексики. В тех случаях, когда различение этих терминов несущественно, употребляется общее название с л о в о.

Приведенное выше определение единиц словаря и текста относится к тому случаю, когда слово идентифицируется только по своей внешней форме или как единство формы и лексического значения. С точки зрения требования инвариантности единиц (на основе которой можно идентифицировать эти единицы и установить факт их повторяемости) можно, однако, представить себе и другой случай, когда критерием различения считается отдельное значение слова и единицей подсчета берется соответствующий лексико-семантический вариант (ЛСВ). Таким образом, в зависимости от задач исследования единица анализа - слово - может рассматриваться как с точки зрения плана выражения, так и плана содержания.

³⁶Подробнее о понятии текста и его месте в общей системе речевой деятельности см. Тулдава, 1981, с. 127-128.

В некоторых случаях единицами лексики могут быть слова в качестве представителей определенных классов, например, "односложные слова, двусложные слова...", "существительные, глаголы...", которые идентифицируются и подлежат подсчету по признаку определенных фонетических, морфологических и др. характеристик. Другими словами, критерием идентификации слова как единицы анализа является принадлежность его к классу слов, заданному некоторым свойством (качественным или количественным). Такими свойствами могут быть, например, образование слова по данной модели, принадлежность к определенной части речи, лексико-семантической группе и т. д. Свойства, на основе которых слово может быть идентифицировано как единица анализа, определенным образом связаны с различными уровнями языка. Отсюда можно заключить, что уровень анализа явлений лексики, т.е. лексический уровень в целом подразделяется на подуровни, например, фоно-лексический и морфо-лексический (под)уровни наравне с собственно лексическим, или "лого-лексическим" (словесным) уровнем. В принципе может быть выделен и синтактико-лексический подуровень, когда исследуются вопросы сочетания слов, в частности при составлении т.наз. словарей-конкордансов. Во всех этих случаях можно различать планы выражения и содержания, хотя наиболее ярко различие между этими планами выступает на лого-лексическом уровне (различаются лексико-формальный и лексико-семантический аспекты). В задачи квантитативно-системного исследования лексики может входить также исследование стилистических свойств лексики, которое образует особый лексико-стилистический аспект анализа.

Итак, с точки зрения различных аспектов анализа слово выступает как единица, которая приобретает каждый раз особое качество, определяемое интересующими исследователя свойствами. Можно констатировать, что исследование лексики в разных аспектах (на разных подуровнях) представляет собой по существу ряд исследований различных подсистем лексики, причем единицей (и элементом) этих подсистем неизменно выступает слово в разных своих проявлениях.

В то же время само слово может рассматриваться как особая "система форм и значений" (Виноградов, 1947, с. 15), то есть как отдельный системный объект, состоящий из элементов и имеющий определенную структуру. Слово рассматривается в таком случае с точки зрения его внутреннего строения, причем

единицей учета оказывается уже не само слово, а составляющие его элементы: фонемы, морфемы, слоги и т.д. Квантитативное исследование внутреннего строения слова относят обычно к областям фоно- или морфостатистики, но такое исследование все же тесно связано с лексическим уровнем анализа в том смысле, что оно представляет собой необходимый предварительный этап на пути к исследованию лексики на фоно- и морфолексических подуровнях, когда единицей подсчета оказывается слово как представитель класса. Кроме того, одной из задач квантитативно-системного анализа лексики является установление взаимодействия разных уровней лингвистического анализа, например, выявление фонологических и лексических соответствий (корреляций) или сопоставление словообразовательных и смысловых структур слова в их квантитативных соотношениях. Исследование межуровневых связей составляет один из важных методологических принципов системного анализа ("связь системы со средой"), оно имеет также значение для решения некоторых общих теоретико-лингвистических задач, например, в области типологического изучения языков.

Моделирование с помощью распределений. Считается, что основным инструментом системного анализа служит моделирование (построение и анализ моделей) рассматриваемых объектов и проблем. Модель, как аналог реального объекта (оригинала), может служить средством изучения внутреннего строения объекта или его поведения. Построение модели — это, по существу, попытка проникнуть в природу и "архитектонику" связей исследуемой системы. Известно, что модели могут иметь различную природу (см., например, Штофф, 1972). Для нас важно установить принципы построения и анализа таких моделей, которые существенным образом связаны с квантитативным исследованием лексики как вероятностной системы (обоснование такого подхода см. Тулдава, 1980). Этому отвечает в первую очередь моделирование с помощью распределений, учитывая то, что распределение как обобщающее, интегральное понятие является важнейшей структурной характеристикой именно вероятностных систем. "При помощи понятия распределения, — отмечает Ю.В. Сачков (1971, с. 112), — характеризуются элементы вероятностных систем, их взаимосвязь и основания их вхождения в системы и сами системы в целом." Важно не только то, что распределение выражает наличие внутренней упорядоченности в системе, но и то, что оно отражает взаимодейст-

вие между элементами и общность в их поведении, т.е. целостность системы, а также устойчивость и регулярность в массе вероятностно-случайных явлений. Учитывая то, что распределение в значительной мере определяется внутренними свойствами элементов системы, можно на его основе изучать и свойства отдельных элементов (например, слов или классов слов). Распределение представляет собой, таким образом, настоящий синтез внутренней расчлененности и общности в строении системы.

Само понятие распределения можно понимать в широком смысле, как упорядоченную совокупность количественно выраженных значений, т.е. результатов измерения объекта (объектов), обычно с указанием значимости (частоты, вероятности, ранга) этих значений в данной совокупности. В более узком смысле (вероятностное) распределение определяется как "перечисление значений случайной величины и их вероятностей" (Венецкий, Кильдишев, 1975, IIО). Но и в таком случае оно предстает как широкое понятие, например, под определение вероятностного распределения попадает и единичная вероятность (т.к. установление вероятности А возможно лишь при одновременном определении вероятности не-А в данной совокупности). Таким образом, распределение как в широком, так и в узком смысле охватывает широкий круг явлений при квантитативном исследовании объекта; оно может включать простейшие формы измерений (один элемент в данной совокупности) и более сложные формы соотношений между измерениями. Главное здесь то, что само распределение должно интерпретироваться системно, в данном случае с точки зрения структурных характеристик вероятностных систем (взаимосвязь элементов при наличии моментов устойчивости и вариативности).

Для выявления основных возможностей представления (моделирования) данных квантитативного исследования лексики в виде распределений, целесообразно взять за основу методологический принцип разграничения уровней языка (потенции) и речи (реализации) и сфер статистики и динамики в рамках общей системы речевой деятельности (подробнее см. Тулдава, 1981).

Учитывая выделение в системе речевой деятельности уровней языка и речи, распределения могут быть разделены на теоретические (языковые) и эмпирические (речевые).

Хотя исследование начинается, как правило, с установления эмпирического, или частотного распределения, конечной целью (в идеале) должно быть нахождение соответствующего теоретического распределения, или закона распределения вероятностей. В качестве законов распределения (которые, по смыслу математической статистики, должны характеризовать "генеральную совокупность" в отличие от "выборки") * в квантитивно-лингвистических моделях могут служить такие известные теоретические распределения вероятностей, как нормальное, биномиальное, пуассоновское и др., а также некоторые распределения "негауссового" типа (где в роли эталона выступает уравнение неравносторонней гиперболы, см. Мартыненко, 1982). Известна важная роль теоретических распределений в отображении закономерностей природы, и можно предположить, что в отношении лингвистических объектов изучение распределений может проливать свет не только на языковую норму, но и на более глубокие, универсальные квантитативные закономерности речевой деятельности.

Следует отметить, что на современном этапе развития квантитативной лингвистики при моделировании систем приходится часто довольствоваться эмпирическими распределениями (заданными в форме аналитических функций), теоретический смысл которых не опознан, но которые удобны тем, что хорошо описывают широкий круг эмпирических лингвистических фактов и позволяют удачно разрешать практические задачи прогнозирования в области стилистистики, информатики, педагогики

* Понятие генеральной совокупности как аналога "языка" требует особого рассмотрения. Феномен приближения эмпирических частот к вероятностям по мере увеличения выборки выполняется не всегда, например, в ранговых распределениях лексических единиц ("закон Ципфа"). Некоторые исследователи находят выход в том, что постулируют некий идеальный предел, обычно в смысле целостного законченного текста ("объем Ципфа" - Орлов, 1976; "лексически правильный текст" - Арапов, 1981), при котором действительно выполняется закон распределения. В таком случае закон распределения считается характеристикой текста, а не языка. Другие исследователи ищут более общие формы выражения закона в виде целого "семейства" распределений, охватывающего разные варианты (так можно интерпретировать, например, концепцию "четырех приближений" закона Ципфа у П.М. Алексеева, 1978). В последнем случае сам факт вариативности данного распределения можно об"явить квантитативной характеристикой языка, как потенци.

и т.д. (см., например, Тулдава, 1980а) ^ж.

Как уже было сказано, наряду с разграничением уровней языка и речи (уровней потенции и реализации) в системе речевой деятельности различаются сферы статике и динамики. Соответственно распределения можно разделить на статические и динамические. Это различие имеет в первую очередь содержательный смысл, так как с точки зрения внешней формы они не отличаются друг от друга.

Статические распределения, называемые также "синхронными", выражают преимущественно синхронический и парадигматический аспекты анализа лингвистических явлений. Сюда относятся, например, ранговое распределение слов или распределение частот слов в тексте ("лексический спектр"). В то же время в качестве статических распределений можно рассматривать разбиения некоторых совокупностей (например, лексико-семантических полей) на отдельные группы (классы, кластеры), упорядоченные с точки зрения их вероятностно-частотных свойств.

Динамические распределения в лингвистике отличаются от статических распределений тем, что они выражают либо процессуальность, связанную с явлениями порождения речи (в синхронии), либо изменение, развитие языка (в диахронии). Во всех случаях явно или неявно учитывается момент времени, как изменяющийся фактор в составе распределения, и, поэтому, динамические распределения часто именуется также "диахронными" в широком смысле этого слова (см., например, Гальтунг, 1977).

Таким, образом, кроме разделения распределений на теоретические (языковые) и эмпирические (речевые) выделяются характерные для лингвистики статические (синхронные) и динамические (диахронные) распределения. Наряду с этими основными типами лингвистических распределений можно различать еще ряд подтипов, или разновидностей распределений, которые будут рассмотрены ниже.

Разновидности распределений. С точки зрения технического оформления всякое распределение может быть задано в виде

^жВ названной работе применяется особый "гипотетико-эмпирический" подход, при котором исходная модель получается на основе некоторых относительно самостоятельных теоретических схем (гипотез), а конкретная формула распределения определяется эмпирически итеративным путем, придерживаясь требований исходной теоретической модели. В количественной лингвистике имеются и попытки чисто теоретического вывода (и объяснения) распределений; из последних таких попыток можно отметить работы М.В. Арапова (1981) и Ю.К. Крылова (1982).

таблицы ("ряда распределения"), графика или может быть выражено математически в виде формулы (функциональной зависимости). * Притом распределение может быть представлено как дифференциальное или интегральное (кумулятивное) в виде соответствующих таблиц, графиков или функций (различаются дифференциальная функция, или "функция плотности", и интегральная функция; см. Митропольский, 1971, 209).

В силу некоторых теоретических и практических соображений дискретное распределение лингвистических данных обычно описывается через непрерывную функцию распределения (Бектаев, Пиотровский, 1973, 131). **

Не входя в детали применения конкретных технических приемов предварительного упорядочения и статистической оценки материала (сводка, группировка, вычисление характеристик рассеяния и т.д.), мы остановимся на тех вариантах представления данных в виде распределений, которые соответствуют рассмотренным в начале статьи основным правилам квантификации лингвистического материала. Мы исходим из формул измерений (1) и (2), где соотносятся друг с другом три основных компонента: объект (X), признак (P) и значение признака (Y). Результаты измерений можно на этом основании представить в виде таблиц, которые являются основой для выявления соответствующих распределений. Мы различаем три основных схемы при построении таблиц - рядов распределения.

Схема 1 : однообъектное распределение (один объект, несколько признаков) ***

	P_1	P_2	...	P_n
X	Y_1	Y_2	...	Y_n

* В отношении вероятностных систем функциональная зависимость трактуется как вероятностная функция распределения. Формально между ними нет разницы, пока мы не вкладываем определенного смысла в математические символы.

** См. также обсуждение "парадокса дискретности и непрерывности" в языковедии в работах Р.Г. Пиотровского (например, Пиотровский, 1975, 38-39) и обсуждение вопроса о критериях соответствия между дискретным и непрерывным распределениями при изучении лексических структур (Арапов, Ефимова, 1975).

*** Однообъектное распределение соответствует "горизонтальному" распределению по терминологии П.М. Алексеева (1978) и "однопредметному" распределению по Г.Я. Мартыненко (1982), хотя имеется некоторая разница в подходе. Например, распределение частот слов по их длине мы относим не к однообъектному распределению ("горизонтальному" распределению по П.М. Алексееву, 1978, с. 54), а к многообъектному (схема 2) на том основании, что исчисляются разные объекты - классы слов (слова разной длины).

По этой исходной схеме один объект соотносится с результатами измерений в разных условиях. Например, если X - конкретное слово (или класс слов), P_i - частоты в разных текстах, Y_i - конкретные значения частот, то удастся проследить "поведение" одной определенной лингвистической единицы в серии испытаний. Если ранжировать данные по убыванию или возрастанию количественных значений Y_i (и соответственно P_i), то можно:

а) составить вариационный ряд с указанием частот или вероятностей появления Y_i ; в этом случае образуется т.н. спектральное распределение;

б) приписать ранги значениям Y_i в ранжированном ряду (порядковые номера), в результате чего получается ранговое распределение.

По спектровому распределению данной схемы определяется вид распределения (в отношении лингвистических объектов это чаще всего распределение "гауссового семейства", т.е. биномиальное, нормальное, пуассоновское и др.; подробнее см. Бектаев, Лукьяненко, 1971; Якубайтис, 1981).

Ранговое распределение (при схеме I) обычно не представляет особого интереса при изучении лингвистических объектов.

Особый случай возникает при ранжировании (упорядочении) P_i по качественным соображениям, например, при рассмотрении динамических (диахронных) процессов (t_i - моменты времени):

	P_{t1}	P_{t2}	P_{tn}
X	Y_1	Y_2	Y_n

В таких случаях можно исследовать распределение как "тренд" - в виде функциональной зависимости значений Y_i от t_i .

На примере схемы I проиллюстрируем также случай интегрального (кумулятивного) распределения:

	P_1	P_2	...	P_n
X	Y_1	Y_1+Y_2	...	$Y_1+Y_2+\dots+Y_n$

Динамическая (диахронная) и интегральная разновидности распределений образуются аналогично и при схемах 2 и 3.

Схема 2 : м н о г о о б ъ е к т н о е распределение*
(один признак - несколько объектов)

	P
X_1	Y_1
X_2	Y_2
⋮	⋮
X_m	Y_m

Согласно этой схеме разные объекты измеряются по одному общему признаку. Например: X_1 - разные слова (или классы слов), P - частота в одном тексте, Y_1 - конкретные значения частот. По этой схеме составлен, например, обыкновенный частотный словарь слов или любой частотный список классов слов (частей речи, фонетических, морфологических, семантических и др. типов слов и т.д.). Таким образом, по схеме 2 дается распределение частот множества единиц относительно друг друга в данной совокупности (например, в данном тексте). Здесь различаются (так же, как и при схеме I) две разновидности:

а) с п е к т р о в о е распределение, когда одинаковые результаты измерений объединяются в группы и указывается число объектов с данным результатом измерения; например, исследуется зависимость между частотой слова в тексте и количеством слов с данной частотой ("лексический спектр");

б) р а н г о в о е распределение: ранжированным значениям частот Y_i приписываются ранги (i), и исследуется зависимость между Y_i и i (например, "цифровое распределение").

Как спектрные, так и ранговые многообъектные распределения в лингвистике относятся, как правило, к распределениям "негауссового семейства". В них проявляется одно из характерных свойств коммуникативных и других сложных систем: асимметричное распределение элементов по "значимости", вследствие чего основную функциональную нагрузку несет небольшое число доминирующих элементов ("ядро"). Причину асимметричности подобных распределений можно усмотреть в филогенетически обусловленной оптимальности (целесообразности) структуры и

*Ср. "вертикальное распределение" по П.М.Алексееву (1978) и "многопредметное распределение" по Г.Я.Мартыненко (1982).

функционирования самоорганизующихся сложных систем.

Схема 3 : м н о г о м е р н о е (комплексное) распределение (несколько объектов - несколько признаков)

	P_1	P_2	...	P_n
X_1	y_{11}	y_{12}	...	y_{1n}
X_2	y_{21}	y_{22}	...	y_{2n}
⋮				
X_m	y_{m1}	y_{m2}	...	y_{mn}

Схема 3 комбинируется из схем 1 и 2. В простейшей форме число объектов (X) или число признаков (P) равняется двум, например, когда сравниваются частоты разных слов в двух разных текстах или частоты разных классов слов в двух аспектах: в словаре и в тексте. На основе схемы 3 исследуются "многомерные" задачи: взаимосвязь и совместная вариация ряда объектов или признаков. Связь между распределениями количественных значений (по горизонтали или по вертикали) может быть выражена функциональной зависимостью (уравнением регрессии), а сила этой связи может быть измерена коэффициентом корреляции (линейной или нелинейной). Внутренние связи во всей совокупности данных можно установить методами факторного анализа, кластер-анализа и др.

Итак, все рассмотренные разновидности распределений могут служить количественному исследованию лексики и других лингвистических объектов. Распределения рассматриваются при количественно-системном подходе как структурно-функциональные модели вероятностных систем (подсистем) с присущими таким системам признаками устойчивости и вариативности. При этом возможны различные способы представления и описания распределений, в том числе в виде функциональных зависимостей. Вполне возможно также описание некоторых типов распределений в терминах теории размытых (нечетких) множеств (Заде, 1976; Лесохин и др., 1982; о возможности вероятностного подхода к теории размытых множеств см. Налимов, 1979). При исследовании некоторых динамических явлений (например, процессов порождения речи) могут быть полезны и специфические методы исследования вероятностных (случайных) процессов с привлечением теории оптимальных процессов,

теории "динамического программирования" (Вентцель, 1976) и др., причем в этих случаях исследователи оперируют с распределениями типа "конечномерных" (Калашников, 1980, 19).

Выводы. Квантитативно-системный анализ лексики проходит стадии наблюдения и эксперимента, математической обработки материала и анализа результатов исследования. На различных стадиях используются разные методы и исследовательские приемы, которые объединяются в общую систему методики исследования. Все методы и приемы подчинены общей задаче исследования лексики как системного объекта, характеризующегося в своем квантитативном проявлении свойствами вероятностной системы с присущими такой системе признаками устойчивости и вариативности (флуктуации). Непосредственной практической задачей является изучение лексических явлений в разных аспектах и на разных подуровнях, которые в своей совокупности предстают как сложная иерархия подсистем лексики.

На предварительных стадиях квантитативного исследования лексики важное значение имеет квантификация материала, включающая измерение данных. Основной единицей анализа и вместе с тем единицей учета на лексическом уровне является слово в разных своих проявлениях и в зависимости от аспекта рассмотрения (в словаре, в тексте), в том числе как представитель класса (фонетические, морфологические и др. типы слов). Рассмотрение слова как представителя класса или как индивидуальной единицы открывает возможность разделения лексического уровня на подуровни (в основном на фоно-, морфо- и логолексический). Выделение таких подуровней анализа позволяет четко определить план (этапы, объем) и содержание (тематику) комплексного исследования лексики при квантитативно-системном подходе.

Основным методом описания и анализа лексического материала в рамках квантитативно-системного исследования следует считать моделирование с помощью распределений. Распределение рассматривается как универсальный способ представления и интерпретации данных при вероятностном подходе. С точки зрения системности распределение предстает как важнейшая структурная характеристика вероятностных систем (подсистем), т.е. как комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, которые характеризуются количественно-вероятностными мерами. С помощью распределений можно описать широкий круг системных явлений в лексике (в статике и динамике). На прак-

тике различаются однообъектные, многообъектные и многомерные (комплексные) распределения, которые все могут быть спектральными или ранговыми, дифференциальными или интегральными. Наряду с эмпирическими в исследованиях по лексике используются также теоретические распределения для изучения языковых явлений — преимущественно в тех случаях, когда преследуется цель не простого описания, а объяснения явлений, т.е. когда ставится общая задача перехода от феноменологического уровня научного познания к нефеноменологическому, теоретическому уровню.

Ориентация на моделирование с помощью распределений при квантитативно-системном подходе объясняется спецификой системного исследования, которая состоит в том, что изучение объекта осуществляется именно в том аспекте, в каком он представляет систему при данном подходе. Опыт показывает, что моделирование квантитативных сторон лексики с помощью распределений (как основной метод квантитативно-системного анализа) открывает широкие возможности для решения многих актуальных практических задач, а также для уяснения более глубоких структурно-функциональных особенностей исследуемого объекта. Безусловно, имеются и другие подходы и возможности описания и объяснения материала при квантитативном исследовании лексики и других лингвистических объектов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Алексеев П.М. О нелинейных формулировках закона Ципфа. — В кн.: Вопросы кибернетики. Вып. 41. М.; Л., 1978, с. 53-65.
- Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. — Л.: Наука, 1967.
- Арапов М.В. Системный анализ лексической структуры текстов. — В кн.: Системные исследования. Ежегодник 1980. — М.: Наука, 1981, с. 372-403.
- Арапов М.В., Ефимова Е.Н. Понятие лексической структуры текста. — Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1975, № 6, с. 3-7.
- Бектаев К.Б., Лукьяненко К.Ф. О законах распределения единиц письменной речи. — В кн.: Статистика речи и автоматический анализ текста. — Л.: Наука, 1971, с. 47-112.
- Бектаев К.Б., Пиотровский Р.Г. Математические методы в языкознании. Ч. 1-2. Алма-Ата, 1973-1974.
- Венецкий Г.С., Кильдишев Г.С. Теория вероятностей и математическая статистика. Изд. 3-е. — М.: Статистика, 1975.

- Вентцель Е.С. Исследование операций. - М.: Знание, 1976.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Учпедгиз, 1947.
- Гальтунг Й. Диахронная корреляция, анализ процессов и причинный анализ. - В кн.: Математика в социологии. Перев. с англ. - М.: Мир, 1977, с.9-49.
- Головин Б.Н. Язык и статистика. - М.: Просвещение, 1971.
- Елисеева И.И., Рукавишников В.О. Группировка, корреляция, распознавание образов. - М.: Статистика, 1977.
- Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. Перев. с англ. - М.: Мир, 1976.
- Калашников В.В. Сложные системы и методы их анализа. - М.: Знание, 1980.
- Кондаков Н.И. Логический словарь. - М.: Наука, 1971.
- Кохонен Т. Ассоциативная память. Перев. с англ. - М.: Мир, 1980.
- Крылов Ю.К. Об одной парадигме лингвостатистических распределений. - В кн.: Лингвостатистика и вычислительная лингвистика. Труды по лингвостатистике УШ. Тарту, 1982.
- Левин Ю.И. Замечания о применении математической статистики для изучения зависимостей и связей между характеристиками художественных текстов. - Труды по лингвостатистике УШ. Тарту, 1981, с. 46-59.
- Лесохин М.М., Лукьяненко К.Ф., Пиотровский Р.Г. Введение в математическую лингвистику. - Минск: Наука и техника, 1982.
- Мартыненко Г.Я. Типология лингвостатистических распределений. - В кн.: Лингвостатистика и вычислительная лингвистика. Труды по лингвостатистике УШ. Тарту, 1982.
- Митропольский А.К. Техника статистических вычислений. Изд. 2-е. - М.: Наука, 1971.
- Налимов В.В. Функция распределения вероятностей как способ задания размытых множеств. Наброски метатеории (дискуссия по работам Л.Заде). - Автоматика, 1979, № 6, с.80-87.
- Орлов Ю.К. Обобщенный закон Ципфа-Мандельброта и частотные структуры информационных единиц различных уровней. - В кн.: Вычислительная лингвистика. - М.: Наука, 1976, с. 179-202.
- Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. - Л.: Наука, 1975.
- Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. - М.: Высшая школа, 1977.
- Ракилов А.И. Философские проблемы науки. Системный подход. - М.: Мысль, 1977.
- Рубашкин В.Ш. Признак и значение. - Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1976, № 3, с. 3-10.
- Садовский В.Н. Развитие методологии системных исследований. - Общественные науки, 1979, № 3, с. 78-93.
- Сачков Ю.Б. Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. - М.: Наука, 1971.

Стивенс С.С. Экспериментальная психология. Т. I. М., 1960.

Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений. - В кн.: Психологические измерения. - М.: Мир, 1967, с. 9-100.

Тулдава Ю. О теоретико-методологических основах квантитивно-системного анализа лексики (1). - В кн.: Исследования по общему и прикладному языкознанию. *Linguistica XIII*. Тарту, 1980, с. 143-158.

Тулдава Ю. К вопросу об аналитическом выражении связи между объемом словаря и объемом текста. - В кн.: Лингвостатистика и квантитативные закономерности текста. Труды по лингвостатистике VI. Тарту, 1980а, с. 143-151.

Тулдава Ю. О теоретико-методологических основах квантитивно-системного анализа лексики (2): лингвистические аспекты исследования. - В кн.: Лингвистика текста и статистика. *Linguistica XIV*. Тарту, 1981, с. 114-133.

Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.

Якубайтис Т.А. Части речи и типы текстов. - Рига: Зинатне, 1981.

Gutjahr, W. Die Messung psychischer Eigenschaften. - Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1972.

ON THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL PREMISES OF THE
QUANTITATIVE-SYSTEMIC ANALYSIS OF LEXICS (3):
METHODS OF INVESTIGATION

Juhan Tuldava

S u m m a r y

The third and last article on the methodology of the quantitative-systemic approach to lexicology deals with the methods of investigation aimed at solving the task of the quantitative (probabilistic) and systemic presentation of the lexics of a language. The logical principles of quantification (including measurement) are discussed. The word is regarded as the main unit of registration and analysis in different aspects (in vocabulary and in text) and as the representative of a class, which leads to the subdivision of the lexical level into sublevels (e.g. phono-, morpho-, and logo-lexical sublevels). The modelling of the material in the form of distributions is presented as the principal method of description and analysis of linguistic data within the limits of quantitative-systemic investigation. For practical purposes three main "schemes" of distributions have been produced: mono-objective, poly-objective, and multidimensional (complex) distributions, according to the possible combinations of the object (X), its characteristics (P), and the value of the characteristics (Y).

ÜBER DIE PHRASEOLOGISCHEN GERMANISMEN IM ESTNISCHEN SCHRIFTTUM DES 18. JAHRHUNDERTS

Helme Tõevere

Das im 17. Jh. geschaffene Schulsystem war auf dem Territorium der heutigen ESSR infolge des Nordischen Krieges vernichtet worden, die estnischen leibeigenen Bauern waren meist Analphabeten. Dessenungeachtet kam es doch recht bald, nachdem sich die Kampfhandlungen vom estnischen Boden entfernt hatten, zu einer gewissen Belebung in der Veröffentlichung der religiösen Literatur in estnischer Sprache. Es machten sich daran vor allem junge energische Pfarrer, und andere Männer, die in Westeuropa studiert hatten und Verbindung zum dortigen Pietismus hatten. Diese religiöse Richtung war ursprünglich verbunden mit dem aufsteigenden städtischen Bürgertum, das einerseits die üppige Lebensweise und die Sittenlosigkeit der absolutistischen herrschenden Klassen, andererseits die zu Dogmatismus und Scholastik neigende lutherische Orthodoxie kritisierte. Der Pietismus strebte nach individuellen religiösen Erlebnissen, verlangte im praktischen Leben die Einhaltung strenger Moralregeln, Einfachheit in Sitten und wirtschaftliche Sparsamkeit. Im Baltikum begünstigte die Verbreitung pietistischer Ideen das durchgemachte Kriegselend. Ein einflußreiches Zentrum des Pietismus in Deutschland war Halle, wo viele der späteren baltischen Literaten studiert hatten. Meist bemitleideten diese Männer die leibeigenen Bauern und waren bestrebt, ihnen wenigstens minimale Bildung zukommen zu lassen. So gründeten die Pastoren A. Thor Helle, H. Gutsleff, H. Chr. Wrede u. a. Schulen für die Bauernkinder. Zugleich aber gaben sie religiöse Literatur in estnischer Sprache heraus. Dabei spielte eine große Rolle auch die am Konsistorium gegründete Verlagskasse. Am intensivsten war die Arbeit der Verlagskasse in den 20er und 30er Jahren des 18. Jh., doch schon 1715 erschien das Neue Testament, bei dessen Herausgabe das größte Verdienst dem Pastor zu Kullamaa Heinrich Gutsleff zukommt.

1724 erschien ein neues, sorgfältig redigiertes, zum Teil neu übersetztes Haus- und Handbuch ("Esti-Ma Kele Koddoning Kirko-Ramat"), das aus dem Katechismus, den Evangelien und Episteln des Neuen Testaments, einem 33 Seiten umfassenden Gesangbuch und einem umfangreichen Gebetbuch bestand. Dieses Buch erschien im 18. Jh. in etwa 100 000 Exemplaren (16 Drucke). Das Buch wurde als Hilfsmittel beim Leseunterricht verwendet, somit spielte es eine große Rolle in der Erhebung der Schriftkundigkeit des Volkes. 1739 erschien in estnischer Sprache das größte Werk der Kirchenliteratur - die Bibel, bei deren Herausgabe die führende Rolle A. Thor Helle zufiel. Dieses monumentale Werk setzte ihre Übersetzer (neben Thor Helle noch H. Gutsleff, H. Chr. Wrede, vielleicht auch A.A. Vierorth) vor eine äußerst schwierige Aufgabe: man mußte estnische Entsprechungen für viele orientalische Erscheinungen, Begriffe und stilistische Schattierungen der antiken Kultur finden. Damit bereicherten die Übersetzer bedeutend die estnische Schriftsprache, der Stil der Bibel hat aber im folgenden die estnische Literatur beeinflusst.

Zu den Errungenschaften mit praktischem Wert im estnischen Schrifttum des 18. Jh. gehört die erste Kalenderserie (wahrscheinlich ab 1731). In den Kalendern fehlten auch nicht einige Geschichten zum Lesen, anfangs wohl zumeist religiösen Inhalts.

Die ersten Anfänge der estnischen Unterhaltungsliteratur reichen in die 30er bis 40er Jahre des 18. Jh. Es handelte sich meistens um halbweltliche Geschichten und Dialoge. Auf diese Weise suchten die Autoren J. Chr. Quandt, A. A. Vierorth, Fr. W. Willmann, Fr. G. Arvelius, J. W. Luce, O. R. Holtz u.a. Elemente der Bildung unter die Volksmassen zu bringen, in erster Linie aber das Volk zum Pietismus zu führen. Andererseits spiegelten sich in diesen Werken auch die örtlichen Verhältnisse wider.

Als fester Bestandteil der estnischen Lexik leben in ihr verschiedenartige feste Wendungen biblischen Ursprungs fort, die von den Übersetzern Komponente für Komponente aus dem Deutschen ins Estnische übertragen worden sind. Oft sind wir ihres biblischen Ursprungs gar nicht bewußt. Der Bibel schreiben wir ohne weiteres solche Phraseologismen zu, die unverkennbare biblische Komponenten enthalten: Jeeriku pasun <dt. die Posaunen von Jericho; kuradit Peltsebuliga välja ajama

<dt. den Teufel mit Beelzebub austreiben; jumala sõrm <dt. Gottes Finger; Pontsiuse juurest Pilaatuse juurde minema <dt. von Pontius zu Pilatus gehen), oder sonst die Zugehörigkeit zur biblischen Mythologie verraten (kuldasikat kummardama <dt. das goldene Kalb anbeten; Egiptuse lihapotid <dt. die Fleischtopfe Ägyptens; (midagi) läätseleeme eest ära andma / müüma <dt. etwas für ein Linsengericht hergeben / verkaufen; taeva manna <dt. Manna in der Wüste; pärleid sigade ette heitma <dt. Perlen vor die Säue werfen). Alle diese Wendungen sind durch die Bibelübersetzungen ins Estnische gedrungen. Neben diesen "klaren Fällen" hat die estnische Sprache aus der Bibel noch zahlreiche Phraseologismen kalkiiert. Bei der Feststellung der Lehnbeziehungen ist ausschlaggebend die strukturell-semantiche Analyse. Wenn die zu vergleichenden Wendungen strukturell im großen und ganzen übereinstimmen, wenn sich der Komponentenbestand semantiche deckt, und wenn die bildlich-übertragene Gesamtbedeutung die gleiche ist, dann können wir mit größter Wahrscheinlichkeit behaupten, daß man es mit Lehnbeziehungen zu tun hat, z.B. läbi sõrmede vaatama <dt. durch die Finger sehen.

Zu sog. vollständigen Lehnübersetzungen zählen natürlich auch solche, bei denen es sich um sprachtypologisch bedingte Unterschiede handelt, z.B. Präposition - Kasus (mit glatter Zunge > libeda keelega), Artikel im Deutschen (das Maß ist voll > mõõt on täis), Stellung des nichtkongruierenden Attributs (die Fleischtopfe Ägyptens > Egiptuse lihapotid), Unterschiede in der lexikalischen Organisation des Phraseologismus (das Leben verbittern > elu kibedaks tegema) u.a. geringe Abweichungen.

Solche vollständigen Lehnübersetzungen im estnischen Schrifttum des 18. Jh. sind z.B.: nagu aganad tuules <dt. wie Spreu im Wind aja märk <dt. Zeichen der Zeit; (kellelegi) auku kaevama <dt. jmdm. eine Grube graben; Egiptuse lihapotid <dt. die Fleischtopfe Ägyptens; Egiptuse pimedus <dt. die ägyptische Finsternis; elu kibedaks tegema <dt. das Leben verbittern; (kibedat) karikat põhjani tühjendama <dt. den (bitteren) Kelch bis auf den Grund leeren; kivist süda <dt. ein Herz aus Stein; kurat on lahti <dt. der Teufel ist los; kõige liha teed minema <dt. den Weg allen Fleisches gehen; kõrvu lahti hoidma <dt. die Ohren offen halten; kõve-

raid teid käima <dt. krumme Wege gehen; kaheteraga mõök <dt. ein zweischneidiges Schwert; libeda keelega <dt. mit glatter Zunge; magama kui kott <dt. schlafen wie ein Sack; meelt jahutama <dt. den Mut / sein Mütchen kühlen; nagu üks mees <dt. wie ein Mann; mitte sellest maailmast <dt. nicht von dieser Welt; mitte väärt olema, (kellegi) kingapaelu lah-ti päästma <dt. nicht wert sein, (einem) die Schuhriemen zu lösen; mõõt on täis <dt. das Maß ist voll; seisma kui müür <dt. stehen wie die Mauer; (endale) nime tegema <dt. sich einen Namen machen; nina (kuhugi) toppima <dt. die Nase (in etw.) stecken; paremat osa valima <dt. den besseren Teil wählen; Paabeli segadus <dt. babylonische (Sprach)verwirrung; pea peale panema <dt. auf den Kopf stellen; pead tõstma <dt. den Kopf heben; raske pea <dt. ein schwerer Kopf; pime-das kobama <dt. im Dunkeln tappen; Pontsiuse juurest Pilaa-tuse juurde minema <dt. von Pontius zu Pilatus gehen; Sau-lusest saab Paulus <dt. aus einem Saulus zu einem Paulus wer-den; savijalgadel koloss <dt. ein Koloß auf tönernen Füßen; seitsme pitseriga raamat <dt. ein Buch mit sieben Siegeln; sil-made ees olema <dt. vor den Augen sein; silmi avama <dt. jmdn. die Augen öffnen; silma heitma <dt. ein Auge (auf jmdn.) werfen; silmi maha lööma <dt. die Augen niederschlagen; kui ühest suust <dt. wie aus einem Munde; täiest suust <dt. aus vollem Munde; sõrmeaga näitama <dt. mit dem Finger zeigen; sõrmeaga puutama <dt. mit dem Finger rühren; läbi sõrmede vaata-tama <dt. durch die Finger sehen; süda sulab <dt. das Herz schmilzt; oma teed minema <dt. seinen Weg gehen; tuhka pea peale raputama <dt. Asche aufs Haupt streuen; tule rooksaa-ma <dt. zur Speise des Feuers werden; tuld taha tegema <dt. Feuer hinter etw. machen; tuulde minema rääkima <dt. in den Wind reden gehen; uskumatu Toomas <dt. der ungläubige Tho-mas; vaene nagu Laatsarus <dt. arm wie Lazarus.

Bei den unvollständigen Lehnphraseologismen handelt es sich um Unterschiede in Struktur (syntaktische Organisation) der Phraseologismen oder um Unterschiede im Komponentenbe-stand. Bei rein strukturellen Unterschieden hat man es zu tun z.B. mit unterschiedlicher Rektion (kulda väärt <dt. des Gol-des wert), mit unterschiedlicher Wortfolge (nisu aganatest eraldama <dt. Spreu vom Weizen sondern; öö ja päev <dt. Tag und Nacht). Die unvollständigen Lehnphraseologismen können

auch strukturell-lexikalische Unterschiede aufweisen, z.B. verschiedene Prä(Post)positionen bzw. Kasus: inglikeeltel rääkima <dt. mit Engelszungen reden; jalapealt järgnema <dt. auf dem Fuße folgen; kurgust alla ajama <dt. durch die Kehle jagen; kõigi nelja tuule poole <in alle vier Winde; silm silma, hammas hamba vastu <dt. Aug(e) um Aug(e), Zahn um Zahn; südant näärima <dt. an Herzen nagen. Es kann sein, daß die Kernsubstantive der Phraseologismen in verschiedenen Numeri sind, in der Regel sind aus den deutschen Pluralformen in Estnischen Singularformen geworden: Jeeriku pasun <dt. die Posaunen von Jericho; kiivi leiva asemel andma <dt. Steine statt Brot geben; piiri panema <dt. Grenzen setzen; pika hambaga (sööma) <dt. mit langen Zähnen (essen); oma tiiva alla võtma <dt. unter seine Flügel nehmen.

Bei lexikalischen Unterschieden handelt es sich um semantische Nichtübereinstimmung bei einer, seltener bei mehreren Komponenten. Der Unterschied ist sehr gering bei einigen zusammengesetzten Wörtern, wo nur ein Bestandteil der Zusammensetzung eine andere Bedeutung hat: lätseleeme eest müüma <dt. für ein Linsengericht verkaufen; nagu haavalet värisema <dt. zittern wie Espenlaub. Innerhalb des Phraseologismus können verschiedene Wortarten semantische Abweichungen aufweisen, z. B. Verben: kurat on (kellegi) sisse läinud <dt. der Teufel ist (in jmdn.) gefahren; nina selga ajama <dt. die Nase hoch tragen; pähe mitte mahtuma <dt. in den Kopf nicht wollen; sügavaid juuri ajama <dt. tiefe Wurzeln schlagen; Substantive: taeva manna <dt. die Manna in der Wüste; surm istub (kellegi) suu säres <dt. der Tod sitzt jmdn. auf der Zunge; kui härg/lammas, keda tapale viiakse <dt. wie ein Ochse/Lamm, der/das zur Schlachtbank geführt wird; ein Adjektiv: kadunud lammas <dt. ein verirrtes Schaf. Oft gehen hier semantische und strukturelle Unterschiede Hand in Hand. Es können Komponenten durch andere Wortarten ersetzt werden: süda naerab/sulab sees <dt. Herzt lacht/schmilzt (einem) im Leibe; käsi puhtaks pesema <dt. die Hände in Unschuld waschen; es können Komponenten ausgelassen werden; verd keema ajama <dt. das Blut in den Adern sieden machen. Und umgekehrt, in einigen Fällen sind die Phraseologismen für die Entlehner mundgerechter geworden durch Hinzufügen von Komponentenz: (keegi on) meelet ära <dt. (jm. ist) von Sinnen; nagu rohutirtsupary <dt. wie Heuschrecken; Mehr als

eine Komponente ist unterschiedlich in kätt herilasepessa pa-nema <dt. in ein Wespennest greifen.

Mit unterschiedlichen Gesamtbedeutungen haben wir es zu tun bei kadunud lammag < dt. verirrtes Schaf. Während die deutsche Wendung ursprünglich die Bedeutung 'ein Mensch, der den Pfad der Tugend verloren hat, ein Abtrünniger' hat, bezeichnet die estnische Wendung heute bloß jemanden, den man lange nicht gesehen hat und den man vermißt. Also handelt es sich hier gewissermaßen um Verblässung der Bedeutung.

Durcheinandergeraten sind im Estnischen die Bedeutungen von "Buridans Esel" und "Bileams Esel". Buridans Esel, ein dem französischen Naturphilosophen Buridan fälschlich zugeschriebenes sophistisches Beispiel, verhungerte zwischen zwei Heubündeln, weil er sich weder für das eine noch das andere entscheiden konnte. Bileam war ein legendärer Prophet des Alten Testaments. Seine Eselin ist sprichwörtlich geworden, weil sie unerwartet zu reden begann und bezeichnet einen ansonsten schweigsamen Menschen, der unerwartet seine Meinung bzw. seinen Protest ausdrückt. Im Estnischen hat "Piileami eesel" heute die Bedeutung 'unentschlossen sein'.

L I T E R A T U R U N D Q U E L L E N

Arvelius, Fr. G. Üks Kanis Jutto- ja Öppetusse Ramat. Tallinn, 1782.

Arvelius, Fr. G. Ramma Josepi Hädda- ja Abbi-Ramat. Tallinn, 1790.

Eesti kirjanduse ajalugu I. Tallinn, 1965.

Eesti-Ma Kele Koddõ-ning Kirko-Ramat. Halle, 1721.

Eesti-Ma Rahwa Kalender ehk Täht-Ramat. Tallinn, 1771-1777.

Holtz, O.R. Luggemissed Eestima Tallorahwa Moistususe ja Süddama Juhhatamiseks. Tallinn, 1817.

Luce, J.W.L. Sarema Jutto Ramat I. Mitau, 1807.

Meie Issanda Jesusse Kristusse Uus Testament. Tallinn, 1715.

Piibli Ramat, se on keik se Jummala Sanna. Tallinn, 1739.

Quandt, J.Chr. Kolm kaunist Waggausse Eenkojut. 1776.

Willmann, Fr.W. Juttud ja Teggud. Tallinn, 1782.

(Vierorth, A.A.?) Wiis head jutto Ühhe öppetaja ja usklikko Tallopoia wahhel. Tallinn, 1740.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГЕРМАНИЗМЫ В ЭСТОНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ 18-ГО ВЕКА

Хелме Тьэвере

Р е з ю м е

В статье рассматриваются фразеологические кальки в эстонской письменности 18-го века. В эстонский язык вошло множество фразеологизмов чуждого (в основном немецкого) происхождения через религиозную литературу (библия, катехизисы, церковные книги) и через полусветскую повествовательную литературу, переводчиками или авторами которых были немцы.

NIEDERDEUTSCHE ELEMENTE IN BALTISCH-
DEUTSCH DES XVII. JH.

Koidu Uustalu

Die seit dem 17. Jh. im Baltikum übliche hochdeutsche Verkehrssprache bewahrte bis in das 20. Jh. manches in der Aussprache und Lexik von ihrem Vorgänger, dem zu jener Zeit als Amtssprache untergegangenen Niederdeutschen. Je ältere Sprechendmänner man zur näheren Betrachtung heranzieht, desto stärker macht sich der niederdeutsche Einfluß im hochdeutschen Text bemerkbar. Im folgenden wird eine Auswahl der niederdeutschen Lexik (50 lexikalische Einheiten) in einem Handbuch für Landwirte, und zwar in "Stratagema oeconomicum oder Akker-Student" von Solomon Gubertus dargeboten. Als Grundlage dient die vierte Auflage des Büchleins (v.J. 1688), herausgegeben nach der zweiten Auflage (v.J. 1649). Der Text ist hochdeutsch geschrieben, enthält aber viele niederdeutsche Elemente. Diese Tatsache läßt sich wohl dadurch erklären, daß es kein wissenschaftlicher Text ist, sondern mehr ein zu Papier gebrachter Bericht für die Kinder des Verfassers. Demzufolge hat das Aufgezeichnete starken umgangssprachlichen Charakter, - wie der Autor auch selbst eingesteht: "... darumb ich die Kunst=Model weder im Methodo, noch Stylo nicht genau in acht genommen..." (Gubertus, Vorrede).

... die Lande den Armen abstricken.... (3); mnd. abstricken 'benahmen, entziehen' (Sch.-L.)

Wer solche Heuschläge hat/ die eine halbe Meil von Fischteichen Bächen od. Seen liegen/ dadurch ein Flußlein läuft/ und in die Bäche oder See fällt... (12); mnd. beke f. u. m. 'Bach' (Sch.-L.), im Baltikum 'Fluß'. Da infolge der II. Lautverschiebung dem nd. k im Hd. h entspricht, gilt Bäche als verhochdeutsche Form von beke.

Wie man Black=Pulver machen soll (214). Wenn du wilt Black anstellen... (214); mnd. black 'schwarze Tinte' (Sch.-L.). Als Entlehnung im Estnischen: plakianum, plakitops, plakitops 'Tin-

tenfaß' (Wiedemann); als Übersetzung ins Estnische: mustlick 'black (Dinte)', musterack 'blackhorn' (Göseken), mustarakk 'Tintenfaß' (Wiedemann).

Ein Borch ist genug bei 10. Mutter=Schweinen... (164). ... von einem geschnittenen Borch (145); mnd. borch, borchswin 'ein verschnittener Eber' (Sch.-L.). Im Text in der Bad. Eber. ... Flachs/ Hänff braken (30); mnd. braken 'Flachs brechen' (Sch.-L.).

Ihnen (den Immen) ist auch verdrießlich groß Gebuller... (167); mnd. bulder, buller n. 'Gepolter, Getöse, Lärm' (Sch.-L.).

Die Dreschlande aufreißen (15); mnd. dresch, drisch m. 'der ruhende Acker, welcher, ehe er neu aufgebrochen wird als Viehtrift, zumal für Schafe, dient' (Sch.-L.).

Bestreiche damit die Ritzen/ in welchen sich die Embten (Grylli) aufhalten (177); mnd. emete, amete f. Ameise (Sch.-L.). Im Text in der Bedeutung 'Grille, Heimchen'.

... die Ziegel in Brenn=Ofen auffleihen (84); mnd. vlien, vliēgen (vleien, vliēgen, vlicken) 'ordnen, in Ordnung legen' (Sch.-L.).

... lasse es zusammen sieden ... distemperire es mit Flo-
men ... (95); mnd. vlome 'Fett, bes. das Nierenfett der Schweine, sowie das Schmalzfett der Gänse' (Sch.-L.). Als Entlehnung im Estnischen: seaploomid 'Schweineflaumen' (Wiedemann).

Unter dem Bauch und Flüchten muß man ihnen nicht zu viel Federn abnehmen (180); mnd. vluht f. 'das, womit man fliegt, Flügel' (Sch.-L.). Ins Estnische entlehnt: lüht 'Spulenflügel (am Spinrocken)', lühhiambad (Wiedemann).

... daß der Geruch und Fraden in die Nustern steige (145); mnd. vratem, vradem n. 'Brodem, Dunst, Atem' (Sch.-L.).

Der Gant oder das Väterchen ist langbeinig (177); mnd. gan-
te n. 'Gänserich' (Sch.-L.).

Im sehr nassen Sommer gedeien übel die Gösseln / Keucheln (68); mnd. gös, gūs f. 'Gans' (Sch.-L.). Im Belegtext mit dem Diminutivsuffix -l in der Bed. 'Gänseküchlein'. Das Wort ist auch mit zweifachen Diminutivsuffix belegt: Göselgen (Reg. A).

Wie man Harpeiß oder Hartz außsieden soll (214); mnd. har-

pois 'ein Gemenge von Pech, Teer und Harz' (Sch.-L.). Im Text in der Bed. 'Harz'.

Gemahlen Haber auff Kaff oder Hexel gestreuet/ reichert weiter als heeler Haber (143); mnd. hēl 'ganz' (Sch.-L.).

Man pfleget auch in den Büschen umb die Immenbäume... (187); mnd. imme-bōm m. 'Immenstock, Bienenstock' (Sch.-L.). In der Zusammensetzung ist das Grundwort durch seine hd. Entsprechung ersetzt worden: bōm → 'Baum'.

Wenn die Hüner nicht zu rechter Zeit au^ebringen/ ... so sol man die Eyer in warmlecht Wasser oder Kammer-Lauge legen (172); mnd. kamerloge f. 'euphem. für Urin' (Sch.-L.). Das nd. Wort wird im Text in hd. Lautform gebraucht.

... man ... sol ... die Kienels dem Viehe geben (190); mnd. kime, kine 'Keim' (Sch.-L.). Im Text steht das Wort mit dem Diminutivsuffix -l.

Ich habs (Probe=Korn) umb Bartholomäi im Keller gehalten/ es hat wohl gekienet (120); mnd. kimen, kienen 'keimen' (Sch.-L.).

Schwartz Acker/ der zum Grunde Klint oder Kalckstein hat / ist auch fruchtbar (103); mnd. klint 'Fels, Klippe, steiles Ufer, Abhang, erhalten in Eigennamen' (Sch.-L.). Im Belegtext wird das Wort als Synonym zu Kalkstein gebraucht.

... er sol auch einen Vorrath halten an Fischgeräht ... Knebelspiese... (7); mnd. knevelspet m. 'Spieß mit einer Querstange' (Sch.-L.). Im Text erscheint das Wort in verhochdeutscher Lautform.

Man fischet auch bey hellem Sonnenschein in den Kolcken, die man mit der Wade umbziehen kan. (110); mnd. kolk, kulk m. 'eine mit Wasser gefüllte Vertiefung, bes. ein durch die Gewalt des Wassers eingerissenes Erdloch; auch: das strudelnde Wasser' (Sch.-L.). Das Wort ist auch im Nhd. möglich: Kolk m. niederdt. für Wasserloch (Duden). Im Text in der Bed. 'Vertiefung im Fluß'.

Wenn ... ein starker Platzregen fällt/ ... so wird auf dem besäeten Acker eine harte Korst... (117); korste, kost f. 'Kruste, bes. vom Brot' (Sch.-L.).

Arme Leute stellen ihn (den Essig) in Krüsern auf (203); mnd.

krõs, krüs m. u. n. 'Kanne, Trinkkanne, Krug (auch als bestimmtes Maß)' (Sch.-L.). Als Lehnwort im Estnischen schon im 17. Jh. gebräuchlich: krubs (Ariste, 134), ruus (Göseken), aber auch in jüngerer Zeit: krüz 'Krug (Trinkgefäß)' (Wiedemann).

... so bestreich den Ort (einen schlechten Schaden) mit Schlippek oder Krausemünz ... (148); mnd. mint f. 'die Pflanze Münze', kruse mynte (Sch.-L.). Im Text das Bestimmungswort in der Zusammensetzung in nd. Lautform, das Grundwort im Hd. Auch ins Estnische entlehnt: kruuzemint, krausement (ruuzement) 'Krausemünze' (Wiedemann).

Die Wolffs-Kuhlen ... (33); mnd. kule f. 'Grube, Vertiefung, Loch, Höhle' (Sch.-L.). Gilt auch im Nhd. als ein Wort niederdeutscher Herkunft (Duden).

Muß man (Essig) im neuen Gefässe aufstellen/ so sol man zuvorn Herings Lacke etliche Tage darinn halten (202); mnd. lake f. 'Salzbrühe' (Sch.-L.). Im Nhd. gebräuchlich, jedoch wird seine nd. Herkunft festgestellt (Duden). Ins Estnische übernommen: lagi; laa 'Salzlake'; veri-laa-kala 'leicht gesalzener Fisch' (Wiedemann).

... ein halb Ließpfund... (180); mnd. lispunt lives (livesch) punt 'liefländisches Pfund' (Sch.-L.). Im Text ist das Grundwort in der Zusammensetzung verhochdeutsch. Dem entsprechenden estnischen Lehnwort liegt die nd. Lautform zugrunde: pund 'Liespfund' (Wiedemann).

... 2 Loff Roggen ... (129); mnd. löp, lopen, m. 'hölzernes Gefäß von kleinerem Inhalte, kleiner Scheffel als Gemä Korn, Salz, Butter u.a.; ein livländisches Getreidemaß' (Sch.-L.). Im Text in verhochdeutschter Lautform (p > f).

Windig Wetter und wenn die Poggen zusammen springen ... (13); mnd. pogge f. u. m. 'Frosch' (Sch.-L.).

Oder nimm im Vor-Jahr Poggenreff ... (145); mnd. poggenraf 'Froschlaich' (Sch.-L.).

... nimm Poggenreff, thue ihn in einen glasirten Pott ... (146); mnd. pot, put m. 'Topf'. Als Lehnwort im Estnischen: pott; potikene (Wiedemann).

Wenn der Busch und offenbahre See von sich selber raren und brummen bey stillem Wetter... (Sch.-L.); mnd. raren 'schreien,

brüllen (Sch.-L.). Die Bedeutung im Text 'rauschen'.

... auch ein paar Rennen in bereichschiff haben/ welche dan ausschöpfte Wasser weit ableiten (82); mnd. renne, ronne, runne f. 'Renne, Kanal' (Sch.-L.). Als Entlehnung im Estnischen: im 18. Jh. rönn (Linn, 69); renn, rönn 'Rinne, Ausguss, Röhre zum Abfluss des Birkenwassers', alus-rennid, ve-renn, veski-renn (Wiedemann).

Vor den Nestern sol man Rikken halten/ das sie (die Hühner) erst auf die Rikken/ und hernach auf die Nester fliegen (173). ... solches mit einem Rikken=Zaun umbziehen... (91); mnd. rick, reck n. 'eine lange, dünne Stange' (Sch.-L.).

... rühre es ... mit einer Schlef/ daß es wie ein dicker Breye wird... (201); mnd. slöf m. 'ein großer Koch=(Topf) Löffel, meist von Holz' (Sch.-L.). Im Text: das nd. sl > schl, eine Entwicklung, die im Mhd. konsequent durchgeführt wurde.

Wenn ein Pferd die Schnöwe hat... (145); mnd. snuve, snüf, snove m. 'Schleimfluß de Nase, Katarrh; Schnupfen' (Sch.-L.). Im Text: sn > schn, wie das im Hd. allgemein üblich war.

An den Rigen soll man an der Nord-Ost=Seite ain Abschur halten (91); mnd. schür n. u, schure f. 'Schutz. Schirm; konkr. Ort, der Schutz, Obdach gewährt, Scheune' (Sch.-L.). Ins Estnische übernommen: kuur 'Scheune, Scheuer, Schuppen' (Wiedemann).

Lavendel=Bier ... ist gut denen, welche von fallender Seuche geplaget werden (193); mnd. suke f. 'Seuche, Krankheit'; vallende suke 'epilencia, Fallsucht' (Sch.-L.). Im Text ist nd. suke durch ihre hd. lautliche Entsprechung ersetzt worden.

Im vollen Monde Streich=Beeren sammeln (28); mnd. striikbeere 'Preisselbeere' (Sch.-L.). Strickbeere war im Baltisch-Deutschen noch im 19. Jh. gebräuchlich. Im Text ist k zu h "verschoben", wie das sonst mit dem nd. k infolge der II. Lautverschiebung im Hd. geschehen war. Die Entwicklung i > ei war im Frnhd. allgemein.

... item welche vom Soot oft geplaget werden, ist es (Meth) nicht allerdings gedeulich (204); mnd. sot 'schwachsinnig, irrsinnig, Narr, Tor' (Sch.-L.). Im Text in der Bed. 'Kopfschmerzen' (?).

Im Sommer sol man die Kuwen ... umbstulpen... so verspacken sie nicht leichtlich (192); mnd. späk, spack 'dürr, trocken', dazu das Verb spaken u. vorspaken 'vor Hitze u. Trockenheit Ritzen bekommen, trocken sein oder werden, hölzern Zeug ist verspakot, wenn er zusammengetrocknet ist, daß es Wasser durchläßt' (Sch.-L.).

Die Milch=Spenne soll man bißweilen mit Knoblauch bestreichen (258); mnd. span 'ein hölzernes (gehentaktes) Gefäß, vom Eimer, Zuber unterschieden, ein Gefäß, darin etwas mit den Händen od. auf einem Arm getragen wird' (Sch.-L.).

Salbey=Bier ... ist gesund ... den Nervis, den Span= ... Adern (193); mnd. span-ader 'varex' (Sch.-L.).

... wenn man in der Sitzzeit bey dem Nest Haber mit Wasser setzt/ so kan sie (die Gans) die Eyer besser auswachten (178); mnd. wachten 'warten, sorgsam hüten' (Sch.-L.). Im Text auswachten in der Bed. 'ausbrüten'. Schon im 17. Jh. im Estnischen gebräuchlich: vachtima (Ariste, 140).

... und eine Amme solche Milch oder den Waddock trinket ... (163); mnd. waddeke, wadeke, watke 'Käsewasser; was von der Milch zurückbleibt, nachdem Butter od. Käse daraus gemacht sind' (Sch.-L.). Auch im Nhd.: Waddike f. 'niederdt für Molke, Käsewasser' (Duden). Als Entlehnung ins Estnische: vadak, vadakas 'Molken, Milchwasser, Buttermilch' (Wiedemann).

Man muß sie (die Linsen) weden (124); mnd. weden, welden 'jäten, Unkraut ausraufen' (Sch.-L.).

... ist sie (die Wunde) gestochen/ so thut man mit einer Weken die Salbe ein (148); mnd. weke f. (selten m.) 'Docht in einer Lampe; Lunte'. Im Text in der Bed. 'Fetzen'.

Im Wolffs-Monat sol man sie (junge Kälber) nicht abgewehnen (154); mnd. wulvesmān 'Wolfsmonat d.i. Dezember' (Sch.-L.). Im Text ist der Monatsname in hochdeutscher Lautform belegt.

Das oben angeführte Belegmaterial aus der baltisch-deutschen Sprache des 17. Jh. (50) läßt sich auf folgende Weise einordnen:

1. Ohne lautliche Veränderungen ins Hochdeutsche übernommen: abstricken, Black, Borch, braken, Gabuller, Dresch, Embten, fleihen, Flomen, Flucht, Fradem, Gant, Gösseln, Harpeiß, heel, Kienels, kienen, Klint, Korst, Krus, Kuhle, Kolck, Lacke,

Pogge, Poggenreff, Pott, raren, Renne, Rikken, Schur, Soot, Verspacken, Span, Spanadern, wachten, Waddak, weden, Weke (38).

2. Einzelne nd. Laute durch ihre hd. Entsprechungen ersetzt: beke → Bäche, löp → Loff (2).

3. Nd. Konsonantengruppen analog zu lautlichen Veränderungen im Hd. weiterentwickelt worden: slēf → Schlef, snove → Schnöwe (2).

4. Das ganze nd. Wort durch seine hd. Entsprechung ersetzt worden: knevelspet → Knebelspie, wulvesman → Wolfsmonat (2).

5. In Zusammensetzungen das Grundwort durch ihre hd. Entsprechung ersetzt worden: Immebaum (nd. bōm), Kammerlauge (nd. loge), Liespfund (nd. pund), Krusemünz (nd. mint) (4).

6. Ein nd. Phraseologismus durch seine genaue, im Hd. sonst nicht übliche morphematische Entsprechung ersetzt: vallende suke → fallende Seuche.

7. Eine hüperkorrekte Form, die aufgrund der lautlichen Anpassung des nd. Wortschatzes an das Hd. entstanden ist: Strickbeere (aus: Strickbeere).

Bei einigen ins Hd. aufgenommenen Wörtern lassen sich gewisse semantische Veränderungen feststellen: Bäche, Borch, Embten, Harpeiß, Klint, Kolck, raren, Soot, außwachten, weke (10). Manche Wörter sind ins Estnische entlehnt (12) oder übersetzt worden (1): Black → plaki...; muste-, musta-; Flomen → ploomid; Flucht → lüht; Krus → kruus, ruus; Krusemünz → kruusemint; Lacke → lagi; Pott → pott; (Ließ)pfund → pund; Renne → renn, rönn; Schur → kuur; wachten → vahtima; Waddack → vadack.

LITERATUR UND QUELLENMATERIALIEN

Ariste, P. Keelekontaktid. Tallinn, 1981.

Der Große Duden. Leipzig, 1967.

Göseken, H. Manuctio ad Linguam Oesthonicam. Reval, 1660.

Gubertus, S. Stratagema oeconomicum oder Akker-Student. Riga, 1688.

Liin, H. Über niederdeutsche Lehnwörter in den estnischen Schriften von F.G. Arvelius. - Linguistica XII. Tartu, 1980.

Schiller, K., Lübben, A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch.
Bremen, 1875-1881.

Wiedemann, F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Tallinn, 1973.

НИЖНЕНЕМЕЦКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ 17-ГО ВЕКА

Койду Уусталу

Р е з ю м е

Статья написана на материале, собранном из сельско-хозяйственного справочника 17-го века. В ней приводятся примеры лексики нижненемецкого происхождения в немецком языке Прибалтики (50) и анализируется их ассимиляция в верхненемецком диалекте. Многие из них (38) заимствованы из нижненемецкого без всяких фонетических изменений, остальные (12) ассимилированы. Некоторые подвергнуты в верхненемецком семантическому изменению. Немецкий язык был, как известно, в контакте с эстонским языком, и поэтому некоторые нижненемецкие слова (12) снова заимствованы эстонским языком и употреблялись еще в 19-ом веке. Одно слово переведено на эстонский язык.

A COMPARISON OF BASIC INTONATION CONTOURS
IN ENGLISH AND ESTONIAN

Kullo Vende

In this article recent results obtained in experimental studies of Estonian intonation are compared with pertinent published data on American English.

An utterance is here considered a complex vocal gesture; its basic tonal contour is the carrier tone of the laryngeal gesture which is further modified by the prosodic structure and the articulation of the utterance. We shall compare the prosodic shapes of the generalized basic contours of utterances belonging to four main communicative types: (complete) statement, incomplete utterance, yes-or-no question (utterance with an appeal to action, viz. answering), exclamation (utterance with an appeal to emotion).

The observations made in the studies underlying this article are all based on the variance of pitch in isolated monosyllables or nuclear syllables of otherwise unchanged utterances, the nearest approximation of basic tonal contours.

In the well-known experiment by Hadding-Koch and Studert-Kennedy (1964) listeners evaluated 42 pitch contours synthesized for the second syllable of the sentence For Jane. Gårding and Abramson (1965) varied the pitch of the last word in the natural sentence Five thousand six hundred ten. Majewski and Blasdell's (1969) synthetic contours carried the words farmer and /a:/; their listening tests revealed that the perception (identification) of communicative types did not depend on whether the utterance contained a meaningful text (word) or a single sound. Greenberg (1969) asked 12 speakers to say the word yes in various communicative situations both in a context and in isolation.

For the study of Estonian intonation, 100 listeners were presented 228 contours synthesized for the word saab (3rd p. sg. pres. indic. of the verb saama ('to get, obtain, receive (sth.); get (somewhere); become; be able, manage; suffice, do') (Vende, 1982). As an additional source, data from an earlier work by the same author (Vende, 1975) are introduced describing natural Estonian monosyllabic utterances.

In most of these studies the designs for producing a variety of pitch contours, for arranging listening tests and for processing the data obtained in those tests are largely different. The comparison of their results involves some mathematical conversion (fundamental frequency in hertz to pitch in absolute semitones (st)) and averaging from which the reader will be saved. As final outputs of the underlying studies, we consider the averaged shapes of those tonal contours that were identified by a significant majority of listeners (at the 99% confidence level wherever statistical analysis is possible) as belonging to one of the four utterance types.

In order to compare contours of different experiments, it is expedient to proceed from a mean pitch. Intonologists have a well-grounded practice to regard the pitch of utterance-initial unstressed syllables as the speaker's mean (mid) pitch level. All the other pitch parameters of tonal contours can then be expressed in terms of intervals from the mean pitch. The mean pitches of the speakers from different experiments can further be normalized by transposing them onto the same level without a definite pitch value. It is convenient to refer to this indefinite mean pitch as the mid-line below.

The duration of contours is not normalized. In the figures of this article the contours of different authors are placed on the time axis proceeding from their end-points, thus assuming that they all end simultaneously.

Q u e s t i o n

Typical contours of AE questions from four different sources are presented in Fig. 1 by thin lines and average contours of good synthetic and natural Estonian questions by thick lines. The final pitch of contours 1, 2 and 4 represents the lowest value that still allowed 80% of the listeners to perceive an utterance as a question: with a higher final pitch value the percentage increased. The pitch parameter values of each question contour of Fig. 1, as well as of each statement contour of Fig. 2, are given in terms of intervals (in st) from the mid-line on the Table below; the intervals are rounded to full semitones.

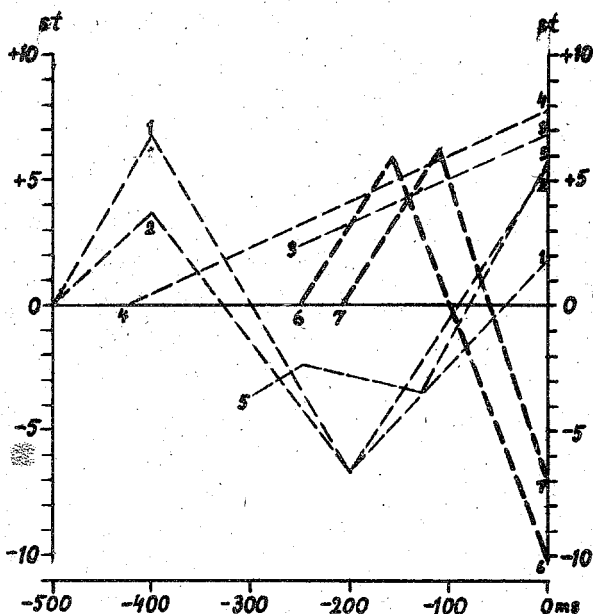


Fig. 1. Average contours of English and Estonian general questions. The thin contours are for good English questions: 1 and 2 from Hadding-Koch and Studdert-Kennedy, 3 - Garding and Abramson, 4- Majewski and Bladell, 5 - Greenberg; the thick lines are for good Estonian questions: 6 - synthetic, 7 - natural.

Table: questions and statements.

Contour	Initial pitch		Upper turning-point		Lower turning-point		Final pitch		Number of cases	
	Q	S	Q	S	Q	S	Q	S	Q	S
English	1	0	+7		-7		≥+2	≤-7		
	2	0	+4		-7		≥+6	≤-3		
	3	+2					+7	-5	5	8
	4	0					≥+8	≤-3		
	5	-4	+1	-2	+1	-3	-3	+6	-1	4
Estonian	6	0	+6	0			≤-10	≤-10	15	59
	7	0	+6	+1			-7	-12	2	4

The Table and Fig. 1 reveal that in both languages the pitch of the general question must at least once during the utterance rise relatively high above the average pitch line

(the mid-line); evidently it is necessary that a high note should sound close to the upper boundary of the speaker's pitch range. Owing to differences in experimental settings, the maxima (pitch peaks) vary with the contours. Yet all the maxima are higher than 5 st above the mid-line.

Contour 1 has its first turning-point in that region; this allows the final rise to be smaller, ending just 2 st above the mid-line, although it may also reach the top level. But in the absence of a high beginning (contours 2+5), interrogation in English is usually expressed by a high rising ending: up to at least 6 st above the midline.

In Estonian, there is a rise of the same extent at the beginning, followed by a deep fall-down to 10 st below the mid-line (in the most conspicuous cases even an octave).

Statement (Fig. 2; Table)

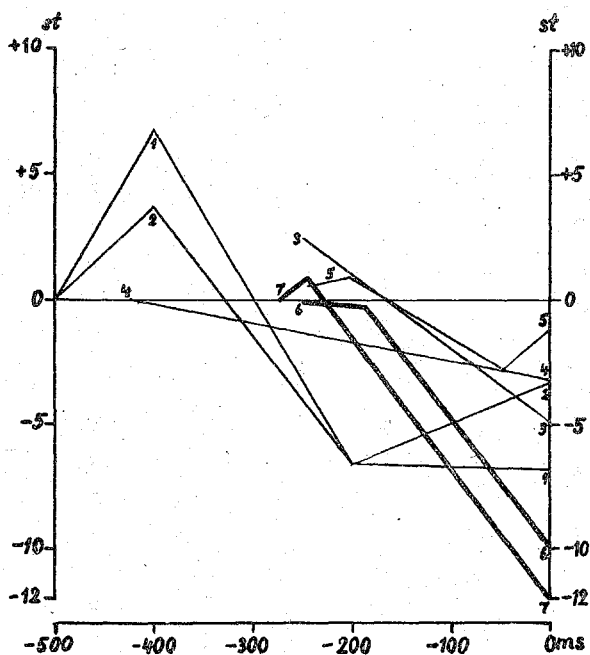


Fig. 2. Average contours of English and Estonian statements. Denotation as in Fig. 1.

In both languages the statement always ends below the mid-line. In English a final rise is possible, but only with a lower beginning which should be kept close to the mid-line (contour 2), for a final rise following a high beginning would create an impression of a generally high tone characteristic of the question. The fall need not be very big. In contours 1, 2 and 4 the final pitch value indicated is the highest possible value for a well-perceived declarative utterance; a deeper fall would increase the recognition rate of the statement. Contour 4 shows an acceptable minimum of a 3-st fall from the mid-line.

The basic contour of the Estonian statement begins near the mid-line; the immediately following fall is very big - up to an octave.

Exclamatory, or emphatic utterance (Fig. 3)

Here we have the results of only one investigation for each language to compare, based on natural speech for

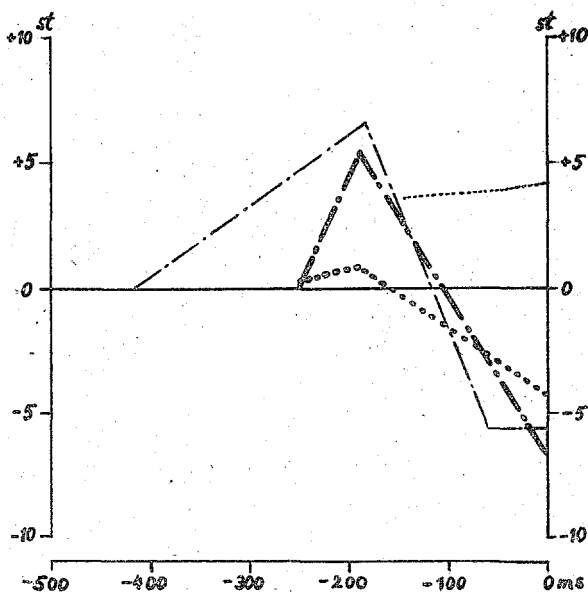


Fig. 3. Average contours of English and Estonian exclamations (dash-and-dot lines) and incomplete utterances (dotted lines). Otherwise denotation as in Fig. 1.

English (Greenberg) and on synthetic speech for Estonian.

In both cases a big pitch rise can be observed at the beginning, tending towards the upper boundary of pitch range - exceeding 5 st above the mid-line like in questions -, and, likewise in both cases, a big fall thereafter, down to 6..7 st below the mid-line. Contour 1 in Fig. 2 would probably have been identified as emphatic if the listeners had been offered that category. Contour 6 of Fig. 3 is quite similar to contour 7 in Fig. 1; here we must note that the short questions and exclamations were altogether very poorly distinguished in the Estonian experiment: many utterances got near-equal scores of listeners' judgements for both types.

Incomplete utterance (Fig. 3)

As in the preceding part, the scanty material allows but of scanty, preliminary conclusions. The English word yes, which was pronounced at the beginning of a longer utterance, is kept level 4 st above the mid-line. In Estonian the incomplete utterance, too, has a falling tone, yet the extent of the fall is smaller than for (complete) statements and questions.

Discussion

The tonal differentiation of the four communicative types appears to rely essentially on the following features. For English: (1) high/low peak value of the pitch contour (\pm appeal); (2) presence/absence of final fall (\pm completeness). This could be represented schematically as follows:

Type	High peak	Final fall
?	+	-
!	-	+
...	+	+
	-	-

For Estonian: (1) high/low peak pitch value (\pm appeal); (2) big/small fall, or low/high final pitch value (\pm completeness). Schematically:

Type	High peak	Lower end
?	+	+
!	-	+
...	+	(-)
	-	-

For a generalized graphic representation of the basic contours discussed, let us resort to the system of tonal levels. Let number 4 be the level of the highest pitch used in normal speech and number 1 the level of the lowest pitch. The range of the mid levels may be set at 5 st and that of the extreme levels at more roughly the same width. Then the movement of pitch from one level to another in the basic contours can be denoted as follows (the parentheses mean that the contour need not reach that level):

	English	Estonian
?	(3) - 2 - (1) - 4 or 3 - 4 - 2/1 - 3	3 - 4 - 1
.	3 - 2 - (1)	3/2 - 1
!	3 - 4 - 1	3 - 4 - 2 - (1)
...	3 - 3 - (2) or 3 - 2/1 - 2	3 - 2

This is depicted graphically in Fig. 4. Upon reaching a certain level the pitch of an utterance may, but need not, proceed moving up to the opposite boundary of that level (in an ideal case); the dotted endings of contours in Fig. 4 indicate that optional movement toward those "ideals". The English questions are represented by two variants; all the other types of utterances by one (the dotted extension of the English incompleteness represents a case which could not be discussed in this article, viz. the terminal sustain of a non-final syntagm (clause)).

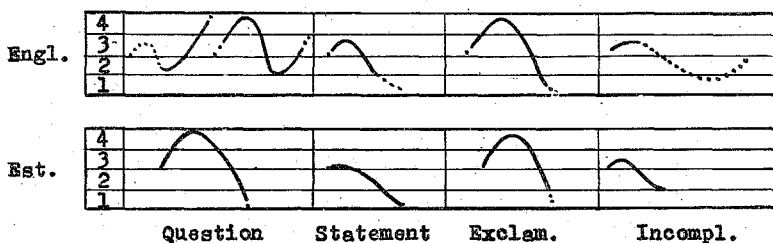


Fig. 4. Generalized pitch contours of four communicative types of utterances in English and Estonian, displayed on four 5-st levels of speakers' overall pitch range.

The ways in which these basic contours are transformed by various factors, such as the dividing effect of the

stress pattern accompanying the lengthening of the utterance, the neutralizing effect of lexis and grammar, the interplay of emotional colourings etc., remain to be studied. The given contours ought to be representations of more or less pure vocal gestures, depicting the most general, basic movement of pitch in the four communicative utterance types considered if the latter were to be defined by pitch alone.

REFERENCES

- Garding, E., Abramson, A. S. A study of the perception of some American English intonation contours. - *Studia Linguistica*, vol. 19, 1965, N 1-2, 61-79.
- Greenberg, S. R. An Experimental Study of Certain Intonation Contrasts in American English. - Los Angeles, 1969. (= UCLA Working Papers in Phonetics, 13.)
- Hadding-Koch, K., Studdert-Kennedy, M. An experimental study of some intonation contours. - *Phonetica*, vol. 11, 1964, 175-185.
- Majewski, W., Blasdel, R. I. Influence of fundamental frequency cues on the perception of some synthetic intonation contours. - *Journal of the Acoustic Society of America*, vol. 45, 1969, N 2, 450-457.
- Vende, K. Intonation of question and answer in Estonian: 1. - *Estonian Papers in Phonetics*, 1975, 86-114.
- Vende, K. Intonation of question and answer in Estonian: 2. Synthetic stimuli. - *Estonian Papers in Phonetics*, 1982.

СОПОСТАВЛЕНИЕ БАЗИСНЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНТУРОВ АНГЛИЙСКОГО И ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКОВ

Кулло Венде

Резюме

В статье сопоставляются обобщённые по четырём коммуникативным типам высказываний - вопрос, утверждение, восклицание, незавершённость - контуры основного тона односложных высказываний (естественных и синтезированных) на эстонском языке и на американском варианте английского языка. Данные извлекались из экспериментальных работ разных авторов. Сходства и различия двух языков выражены в сопоставляемых единицах - полутонах - интервалах подъёма и падения о.т. относительно средней высоты голоса говорящего, а также в виде графического изображения базисных контуров исследуемых типов предложений. Контурь представлены в рамках общего диапазона голоса, разделенного на четыре уровня по пять полутонов.

SISUKORD - INHALTSVERZEICHNIS - CONTENTS

<u>Aaver, A.</u> The Estonian Word <i>üks</i> as an Equivalent of the English Indefinite Article	8
<u>Ariste, P.</u> Ein sprachlich-soziologisches Vorhaben	8
<u>Daugats, E.</u> Probleme der vergleichenden Sprachkunde W. v. Humboldts in der Wissenschaft von der Sprache (in Russisch) - Resümee in Deutsch	15
<u>Kaganova, T.</u> Bilinguisme au Canada (1): Situation linguistique de la minorité francophone hors du Québec (en russe) - Resumé en français	25
<u>Kobrina, N.A., Ljiv. S.S.</u> Typology of Impersonal Sentences (in Russian) - Summary in English	33
<u>Lepa, K.</u> Zum Gebrauch der Phraseologismen in der zeitgenössischen deutschen politischen Lyrik	41
<u>Lääne, P.</u> Vorderstellung des Genitivattributs bzw. seines Ersatzes als Interferenzfaktor	55
<u>Maidre, I.</u> Psycholinguistic Studies of Speech Pauses in the USSR (in Russian) - Summary in English	66
<u>Mirsky, A.A.</u> Funktional-stilistische Bedingtheit der Satzmodelle in der Deutschen Gegenwartssprache (in Russisch) - Resümee in Deutsch	74
<u>Mutt, O.</u> Some Notes on Recent and Current Research into English and the Teaching of English (6): Comparative Linguistics	81
<u>Pikver, A.</u> Noun Valence in English and Estonian (in Russian) - Summary in English	89
<u>Saluveer, M.</u> The Semantic and Logical Characteristics of Some Classes of Adverbs (in Russian) - Summary in English	97
<u>Slepack, B.</u> Some Theoretical and Methodological Prerequisites of the Qualitative and Quantitative Concept of Style (in Russian) - Summary in English	107
<u>Scharapow, A.A.</u> Die Feldstruktur der semantischen Kategorie von Sammelbegriffen im Deutschen (in Russisch) - Resümee in Deutsch	118
<u>Tuldava, J.</u> On the Theoretical-Methodological Premises of the Quantitative-Systemic Analysis of Lexics (3): Methods of Investigation (in Russian) - Summary in English	123
<u>Tõevere, H.</u> Über die phraseologischen Germanismen im estnischen Schrifttum des 18. Jahrhunderts	144
<u>Uustalu, K.</u> Niederdeutsche Elemente im Baltisch-Deutsch des 17. Jahrhunderts	151
<u>Vende, K.</u> A Comparison of Basic Intonation Contours in English and Estonian	159

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Аавер А.</u> Эстонское слово <i>üks</i> как один из эквивалентов английского неопределенного артикля (англ.; рез. рус.)	3
<u>Аристе П.</u> Об одном языковом и социологическом предприятии (нем.; рез. рус.)	8
<u>Даугатс Э.</u> Проблемы сопоставительного языковедения В. Гумбольдта в науке о языке	15
<u>Каганова Т.</u> О двуязычии в Канаде (I): языковая ситуация французского национального меньшинства	25
<u>Кобриня Н. А., Лийв С. С.</u> К типологии безличных предложений	33
<u>Лепя К.</u> Использование фразеологизмов в современной немецкой политической лирике (нем.; рез. рус.)	41
<u>Ляэне П.</u> Передняя позиция генитивного атрибута и его замены как фактор интерференции (нем.; рез. рус.) ..	55
<u>Майдре И.</u> Изучение речевых пауз психолингвистами в СССР	66
<u>Мирский А. А.</u> Функционально-стилистическая обусловленность моделей предложения в современном немецком языке	74
<u>Мутт О.</u> Некоторые заметки о современных исследованиях в области английского языка и его преподавания (6): сопоставительная лингвистика	81
<u>Пиквер А.</u> О валентности имени существительного (на материале английского и эстонского языков)	89
<u>Салувеэр М.</u> Семантические и логические свойства некоторых групп качественных наречий	97
<u>Слепак В. Я.</u> Некоторые теоретико-методологические предпосылки качественно-количественной концепции стиля	107
<u>Шарапов А. А.</u> Полевая структура категории собирательности в немецком языке	118
<u>Тулдава Ю.</u> О теоретико-методологических основах квантативно-системного анализа лексики (3): методика исследования	123
<u>Тьэвере Х.</u> Фразеологические германизмы в эстонской письменности 18-го века (нем.; рез. рус.)	144
<u>Уусталу К.</u> Нижнегерманские элементы в прибалтийско-немецком языке 17-го века (нем.; рез. рус.)	151
<u>Венде К.</u> Сопоставление базисных интонационных контуров английского и эстонского языков (англ.; рез. рус.) ..	159